

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship

International Scientific Periodical

N°18/2

Moscow 2020

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства

Международный научный журнал

№18/2

Москва 2020

Advisory Board:

H. EICHNER (Vienna) / Chairman
W. BAXTER (Ann Arbor, Michigan)
V. BLAŽEK (Brno)
L. HYMAN (Berkeley)
F. KORTLANDT (Leiden)
A. LUBOTSKY (Leiden)
J. P. MALLORY (Belfast)
A. YU. MILITAREV (Moscow)
V. F. VYDRIN (Paris)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)
G. S. STAROSTIN (Managing Editor)
T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)
A. V. DYBO
S. V. KULLANDA
M. A. MOLINA
M. N. SAENKO
I. S. YAKUBOVICH

Founded by Kirill BABAEV

Редакционный совет:

Х. АЙХНЕР (Вена) / председатель

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Париж)

Ф. КОРГЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

Дж. МЭЛЛОРИ (Белфаст)

А. Ю. МИЛИТАРЕВ (Москва)

Л. ХАЙМАН (Беркли)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

А. В. ДЫБО

С. В. КУЛЛАНДА

М. А. МОЛИНА

М. Н. САЕНКО

И. С. ЯКУБОВИЧ

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2020. — № 18/2. — x + 83 с.

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2020. — No. 18/2. — x + 83 p.

ISSN 2219-3820

<http://www.jolr.ru/>
gstarst1@gmail.com

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 10.06.2020. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 11,8. Уч.-изд. л. 10,0. Заказ № 984.
Тираж 1050 экз.

Издательский центр
Российского государственного гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	viii
Note for Contributors / Будущим авторам	ix

Articles / Статьи

<i>Fernando O. de Carvalho</i> . Evaluation of cognation judgments undermines computational phylogeny of the Arawakan language family	87
[<i>Фернанду де Карвалью</i> . Критическая оценка вычислительной филогенетики аравакской языковой семьи на основании анализа предполагаемых когнаций]	
<i>George Starostin</i> . Lexicostatistical Studies in East Sudanic II: The Case of Nyimang	111
[<i>Г. С. Старостин</i> . Лексикостатистические исследования по восточносуданским языкам II: к вопросу о статусе языков ныманг]	
<i>М. М. Лоренц</i> . Анализ базисной лексики диалектов группы Минь и реконструкция праминаьского 100-словного списка	126
[<i>Marina Lorentz</i> . Analysis of Min basic lexicon and reconstruction of the Swadesh wordlist for Proto-Min.]	

Contributors

Fernando O. de CARVALHO — adjunct professor, Federal University of Amapá, Amapá State, Brazil, fernaoorphao@gmail.com

George STAROSTIN — candidate of sciences (Philology), head of Department of the history and philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow); senior researcher, In-

stitute for Oriental and Classical Studies, Higher School of Economics (Moscow), gstarst1@gmail.com

Marina LORENTZ — graduate student, Department of History and Philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies, RSUH (Moscow), lorentzmarina8@gmail.com

Сведения об авторах

КАРВАЛЬЮ, Фернандо де — адъюнкт-профессор Федерального университета Амапы (Бразилия), fernaoorphao@gmail.com

ЛОРЕНЦ, Марина Максимовна — магистрант кафедры Истории и филологии Древнего Востока ИВКА РГГУ (Москва), lorentzmarina8@gmail.com

СТАРОСТИН, Георгий Сергеевич — канд. филол. наук, зав. кафедрой истории и филологии Дальнего Востока ИВКА РГГУ, старший научный сотрудник ИКВиА ВШЭ (Москва), gstarst1@gmail.com

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute for Oriental and Classical Studies
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: gstarst1@gmail.com

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at gstarst1@gmail.com.

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: gstarst1@gmail.com

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прилагается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru> или же непосредственно, обратившись к редакции по электронной почте (gstarst1@gmail.com).

Evaluation of cognation judgments undermines computational phylogeny of the Arawakan language family¹

The goal of this paper is to critically examine the linguistic analyses underlying Walker & Ribeiro (2011), a widely cited computational phylogenetic study of the Arawakan language family. To the extent that their claims concerning the internal classification of this vast group of languages hinges on their cognation judgments, and that their more ambitious claims concerning prehistoric migration routes of Arawakan-speaking peoples depend, in turn, on this proposed internal classification, I show that outright rejection of their results is highly commendable. Errors include both false negatives, where cognation relations between comparanda were missed, as well as false positives, where non-cognate material in different languages were judged to be reflexes of single Proto-Arawakan etyma. No clear pattern seems to emerge from their cognation decisions, and the resulting judgments seem to be, in many cases, so strongly detached from even impressionistic assessments of similarity that the resulting distribution of cognation scores could have been produced independently of the data. The paper ends with a plea for greater sobriety in the historical linguistics of native South America, which should focus on clear and well-supported applications of the comparative method before embarking on endeavors that depend on this traditional work for their success. More importantly, though, South Americanists should avoid groundless statements on the supposed uselessness, or exhaustion, of the comparative method as a tool for uncovering the linguistic history of the continent.

Keywords: Arawakan languages; cognation; etymology; computational phylogeny.

1. Introduction

This paper seeks to present the results of the task of revising a sample of the cognate judgments used as input data for a computational phylogenetic study of the Arawakan language family of South America. Walker & Ribeiro (2011), henceforth, WR, attempt to advance claims on the migrations responsible for the attested geographic spread of Arawakan-speaking peoples throughout South America, basing themselves on a phylogeny of the Arawakan languages derived from comparative vocabulary data or, more precisely, from patterns of distribution of cognate elements across 60 compared languages. Given their ambitious goals and the popularity of their study, I must at the outset announce that the results of this review are critically damaging and entirely negative to the goals set by WR.

WR has been cited in the molecular anthropology literature (see e.g. Barbieri *et al.* 2014; Scliar *et al.* 2014; Nogueira-Santamaría *et al.* 2015) and has been brought up in more general discussions on the application of computational phylogenetic methods in historical linguistics

---

¹ I am grateful to an anonymous reviewer for his/her useful comments on this paper. Said reviewer is, of course, not responsible for any shortcomings eventually found in either the form or the content of the published version of this work.

(Pereltsvaig & Lewis 2015: 56). It was described as one of many ‘successful’ applications of quantitative methods for phylogeny inference in language (Honkola *et al.* 2013: 1245), or of Bayesian character-based methods for phylogenetic inference more specifically (Galucio *et al.* 2015). It has been cited by studies applying novel phylogeny-inference tools to languages outside of South America (Fris Boegh, K. *et al.* 2016) and its results have informed more ambitious approaches to the history of the Arawakan languages and peoples (see Carling *et al.* 2012; Ericksen & Danielsen 2014). Many of these synthetic classifications of the Arawakan language family, and attendant inferences of the pre-historic events such as rates of diversification or diffusion, have been built around a comparison of the WR classification with other, independent classifications based on grammatical and morphological features (Ericksen & Danielsen 2014; Epps 2015). Given this accolade, it is perhaps remarkable that, in the nine years since its publication, no independent scrutiny or checking of the analyses underlying WR has been produced. One can only guess at the reasons for this neglect, but it certainly stems from a perceived underestimation of the effects errors in data analysis may have for lexicostatistical and other quantitative approaches to language classification, as noted by Geisler & List (2010: 2–3).

It goes without saying that WR’s cognation judgments do not exhaust those aspects of their work that could be examined or criticized. These are, however, the usual focus of attention and immediate concern of linguists (see e.g. Nichols & Warnow 2008: 769 for this general observation, and Eska & Ringe 2004 for a particularly telling example). The critical importance of having sound cognation judgments is not due, however, to accidents of expertise. Computational phylogenetic analyses “are only ever as good as the data and analysis that underlie them” (McMahon & McMahon 2005: 48). As nearly everyone in the field agrees, reliable phylogenetic inference of language histories builds on solid linguistic work supporting cognate identification and the derivation of ‘phyletic characters’ (Ringe, Warnow & Taylor 2002; Eska & Ringe 2004: 570). This dependence, and its implications for the evaluation of work in computational phylogenetics of language, is aptly expressed by McMahon & McMahon (2005: 97):

“It is important, especially for non-linguists, to appreciate this fact, since in many disciplines the data in comparisons are considerably more direct, with numbers derived directly from measured similarities between the items. In historical linguistics (...) the data are actually judgments made on the basis of those similarities in the light of historical knowledge and investigation: but they are crucially judgments, rather than algorithmically derived measures of similarity. Quantification is therefore strictly two steps away from the original linguistic material, being a numerical transformation of linguistic cognacy scores.”

For this reason, I decided to subject the cognation judgments in WR to careful scrutiny. This investigation started from an analysis of the WR coded matrix where each cognate decision is entered as either 1 or 0. The character matrix was published as a supplementary material (Supplementary Material Nr. 3) to their paper. I checked the specific vocabulary items WR used in their judgments, by looking at their wordlists, kindly provided to me by Robert S. Walker (via e-mail, in August 28, 2017). In sampling from their matrix, I gave particular attention to the languages I happen to know best — Terena, the Mojeño dialects (Ignaciano and Trinitario), and the languages of the Purus branch (Yine, Apurinã and Iñapari). There is no reason, however, to think that the shortcomings and limitations attested here are limited to this specific sample of languages in the exact semantic glosses I have chosen for scrutiny. At certain points of the discussion, observations are also made on other languages, such those of the Caribbean branch (Lokono, Island Carib/Garifuna and Wayuunaiki) or the languages of the Kampan branch².

² A reviewer brings up the important point that the label Kampan (Kampa, Campa) is considered pejorative by some speakers of some of the relevant languages. Michael (2020: 97, fn. 2) proposes *Nihagantsi*, the Proto-

This paper is organized as follows: Section 2 briefly discusses the nature of WR's study, in its most relevant aspects. Section 3 is concerned with the evaluation of WR's claims and, in particular, with a critical evaluation of their cognation judgments. This section is divided in headings, each of which stands for an individual semantic gloss or meaning that constitutes a sub-section in itself, where specific cognation judgments made by WR will be evaluated. In section 4 I offer an overall evaluation of the cognation judgments by WR, stressing the visible lack of any clear standard of formal comparability that could have guided their decisions. Finally, section 5, by way of conclusion, relates the nature of WR's study and its limitations to some perceived features of the current context of the historical and comparative linguistics of indigenous South America, ending with a plea for a research effort focused on the application of the traditional comparative method instead of the production of ambitious yet groundless claims that depend, for their success, on the conclusion of basic work still awaiting to be done.

2. WR on the Arawakan languages and peoples

WR relied on vocabulary data to build an internal classification of 60 Arawakan languages/dialects. The vocabulary data consisted of cognation judgments over a 100-item Swadesh meaning list. WR's method is thus essentially *lexicostatistic*, as it depends on the assumed existence of a *basic vocabulary* and on the premise that shared retentions in the vocabularies of different languages reflect their degrees of genetic relationship. The specific aspect or step in the WR methodology that must be clarified in the present study concerns their *cognation decisions*, subsequently coded in the data matrix published as supplementary material to their paper. Using Geisler & List's (2010: 2) presentation of the working procedure for lexicostatistical approaches for inferring language phylogenies, presented in (1) below, the present discussion will deal mainly with Step 3 of the procedure:

(1) *Procedures for Lexicostatistical approaches to language phylogeny*

Step 1: Compilation

Step 2: Translation

Step 3: Cognate Judgments

Step 4: Coding

Step 5: Computation

Steps 1 and 2 relate to a number of important issues in lexicostatistical work concerning both the composition of meaning lists and the selection of comparanda based on their meanings. For instance, different researchers diverge on the importance they place on meaning identity: while some researchers would allow solely for 'lexicostatistical cognates' (with required meaning identity among compared items), others would not oppose the use of 'etymological cognates' (not requiring meaning identity) as well. In fact, members of the latter group will often insist that the exclusive reliance of classical lexicostatistical work on the former constitutes a shortcoming that can and should be avoided (see e.g. Heggarty 2010: 315–316 for discussion and some references). I have chosen not to address these matters in the evaluation of WR's work for the simple reason that no consistent practice seems to have been followed by WR in their sampling of comparanda; the authors advance cognation claims both for lexicostatistical and for etymological cognates. An example of the latter is WR's inclusion of Terena *sîni*

Kampan form for 'language', as a new label for this group of languages. I have not considered it reasonable to introduce this innovation in the present paper, but the issue is nevertheless worthy of mention.

‘jaguar’ in their entry for ‘dog’, instead of the semantically-proper match *tamúku*, as *sîni* ‘jaguar’ is certainly a much better candidate for being a cognate of forms such as Baniwa *ffinu* ‘dog’. If I bring this issue up at any moment in the remainder of this paper, it will certainly have a secondary role only. On step 3 itself, the demonstration of cognation, a commentary is needed on the approach to be followed here. Many of the incorrect cognation judgments by WR could be identified as such based on simple inspection. Thus, for ‘tree’, WR judge Terena *tikóti* and Apurinã *ããmîna* as cognates, which does not seem like a compelling proposal even as a ‘first-pass etymology’, *sensu* Watkins (1990). Nevertheless, I have taken great pains to elaborate on the formal factors (e.g. regular sound correspondences and morphological analysis of the comparanda) that ground either the acceptance or the rejection of the claims being evaluated. Besides the rather obvious fact that rigor is always a desirable feature of argumentation for or against etymological proposals, it must be kept in mind that Arawakan is an under-researched language family from the historical point of view, and this strategy has the benefit of contributing additional insights in an attempt to help filling relevant gaps in our knowledge. This issue will be touched on again in sections 4 and 5, where the incipient status of Arawakan historical linguistics and the role of the comparative method in advancing rigorous etymologies will be discussed within a broader context.

Each etymology or set of cognate forms in WR’s dataset defines a character and each language will, for each such character, score either a 1, in which case the language contributes a witness to this etymology, or 0, when the language has no cognate of this form. WR’s cognate decisions are in turn aligned in relation to entries in meaning list, so that each meaning entry or gloss has at least one and potentially many more characters (i.e. cognate sets) within it. WR’s cognation judgments produce a data matrix which is, in turn, the input data WR use to infer a phylogeny (an evolutionary history of diversification), using ‘a recent Bayesian technique’ for this purpose (Walker & Ribeiro 2011: 2). One of the novel and exciting aspects of WR’s study is the promise of unravelling not only the temporal pattern of diversification and split of the Arawakan languages but also their *spatial* pattern of evolution, ultimately yielding the most likely point of origin (or homeland) of the Arawakan peoples. Certainly, all the steps necessary in producing this final inference — a hypothesis on the dispersions of the Arawakan-speaking peoples derived from a linguistic phylogeny and from geographic data — could be subject to scrutiny. However, the whole edifice built by WR depends, as noted in the preceding section, on the cognation judgments represented by their data matrix and it is these judgments that constitute the focus of this paper.

3. Problems with the Walker & Ribeiro (2011) study

There is hardly any point in subjecting WR’s data matrix to the time-consuming task of examining *all* the cognation judgments underlying it. Section 4, which discusses some of the broader generalizations on WR’s cognation decisions, is based on the reasonable assumption that the issues identified in the sample of decisions examined here are representative of the whole set of decisions on which WR’s study is ultimately based.

3.1. On singleton cognate sets

One of the most striking claims made by WR is the statement that “the words ‘I’, ‘you’, ‘we’, ‘know’ and ‘sun’ were coded as having only a single cognate across all Arawak languages” (Walker & Ribeiro 2011: 2). As shown below, this claim is either crucially imprecise

(as in some cases the relevant relation may be, at best, one of *partial* cognation) or obviously incorrect, as no grounds can be offered for treating the comparanda as cognates.

Arawakan languages typically have three sets of syntactically and morphologically distinct (and specialized) forms grammatically indexing, or expressing, the category of person (and, in some cases, number and gender as well): Cross-referencing prefixes, which code features of a possessor in nouns, of the A³ argument in transitive verbs and of the S argument of a subset of intransitive verbs; cross-referencing suffixes coding a O argument in transitive verbs and the S of some intransitive verbs; and independent personal pronouns (see Payne 1987: 61–65; 1991: 375–389; Aikhenvald 1999)⁴. The latter are usually derived by the attachment of the cross-referencing prefixes to a ‘pronominal base’. Examination of the data used by WR reveals that it is exactly the latter, the independent personal pronouns, that were used in their comparison.

For the discussion of the singleton sets, that is, those semantic glosses for which WR claim a single cognate set exists for the entire Arawakan family, one may initially focus on data such as that in Table 1, presenting relevant forms from a representative subset of Arawakan languages, all included in the WR sample. Data in Table 1 come from Nies (1986: 551, 559, 573, 581) for Yine, Klumpp (1995: 140, 150, 156, 158) for Piapoco, Pet (2011: 181, 183, 196, 201) for Lokono, Launey (2003: 65) for Piapoco and Shaver (1996: 288, 322, 327) for Nomatsigenga. Terena data come from my own fieldwork materials.

	Piapoco	Terena	Palikur	Lokono	Nomatsigenga	Yine
I	<i>nú-a</i>	<i>ûⁿdi</i>	<i>nah</i>	<i>de</i>	<i>na-ro</i>	<i>hita</i>
You	<i>pí-a</i>	<i>îti</i>	<i>pis</i>	<i>bi</i>	<i>obi-ro</i>	<i>pica</i>
We	<i>wí-a</i>	<i>ûti</i>	<i>wis</i>	<i>we</i>	<i>eí-ró</i>	<i>wica</i>
Sun	<i>èeri</i>	<i>káfe</i>	<i>kamuw</i>	<i>(h)adali</i>	<i>paba</i>	<i>tkatfi</i>
Know	<i>nú-alía-ka-wa</i>	<i>é-f-o</i>	<i>hijak</i>	<i>eit^{hi}-n</i>	<i>i-gó-k-e-ri</i>	<i>rumat-li</i>

Table 1

Examination of the comparanda within each set is enough to suggest that only with the recognition of regular sound correspondences, and not simply on the basis of impressionistic evaluations of rough phonetic similarity, would it be plausible to postulate, for instance, that Terena *káfe*, Palikur *kamuw*, Lokono *(h)adali* and Nomatsigenga *paba*, all meaning ‘sun’, are in fact cognate⁵. This proposed cognate set will be evaluated in section 3.2 along with other lexical comparisons; suffice it to say, for now, that WR’s cognation decisions reveal a total lack of adherence to the basic canons of the comparative method and even defy understanding or justification on the basis of gross assessments of phonetic similarity.

³ A denotes the most active/controlling argument of prototypically transitive verbs, O denotes the least active/affected argument of prototypically transitive verbs, while S refers to the single argument of intransitive verbs.

⁴ Cross-referencing prefixes realize the person-number features of possessors in nouns and cross-reference an A argument, that is, the ‘Subject’ of transitive verbs. Cross-referencing suffixes can apparently be reconstructed for Proto-Arawakan (see Payne 1991) though many of the daughter languages have impoverished systems implying total loss or great simplification of this set of markers. Such suffixes usually code an O argument, that is, the ‘Object’ of transitive verbs, or So, the single argument of a stative intransitive, in those languages with split intransitive systems. Note also that many primary descriptive sources on Arawakan languages describe these prefixes and suffixes as ‘clitics’ instead. As nothing in the present discussion depends on this particular issue, I will apply the labels *prefix* and *suffix* throughout.

⁵ Lokono *hadali* and *adali*, for ‘sun’, are dialectal variants (see Patte 2011: 40), with *hadali* being considered the most common variant (see Patte 2011: 13).

On the pronominal forms, note, first, that, as indicated by morphological segmentations in Table 1 above, Arawakan independent pronouns are usually derived from two elements: The first, leftmost, is formally and functionally identical to the person cross-referencing prefixes that occur in nouns (coding the possessor in possessive constructions) and in verbs (coding the A argument of transitive verbs and the S argument of a subset of intransitive verbs)⁶. The second element, however, likely originates in certain deictic elements to which these cross-referencing prefixes were attached and, as discussed in Carvalho (2016a), there is evidence that these deictic pronominal bases (or, better yet, their selection as bases for the independent pronouns) are branch- or language-specific innovations, rather than retentions from Proto-Arawakan. This would make Arawakan independent pronouns, at best, partial cognates, and losing sight of their origin in these deictic bases amount to missing information that may turn out to be vital for internal classification within this family. A second point, now related to the prefixes that appear in these independent pronouns, concerns the well-known distinction between *ta*-Arawakan and *nu*-Arawakan languages, based on the form of the first person singular prefix attested in a subset of the Caribbean Arawakan languages (Lokono and Wayuunaiki/Añun) and that attested in the rest of the family, respectively. So far, few researchers have entertained the idea that the *nu*- and *ta*- prefixes could be cognate (see Payne 1985, 1987; Oliver 1989: 152). Others simply ‘list’ both forms as Proto-Arawakan first person singular prefixes (see Aikhenvald 2009: 61). Finally, the Yine first person singular pronoun *hita* is certainly an oddball in the comparison, lacking even internal partial cognates: while the first person singular prefix in the language is *no*-, a clear cognate of the marker found in the other ‘*nu*-Arawakan’ languages, the independent first person singular pronoun has the form *hita*, presumably *hi-ta*, which is seemingly unrelated to the *no*- prefix (see Hanson 2010: 45–49). In conclusion, then, there are clear grounds for a strong skepticism regarding the claim that single cognate sets can be established throughout the 60 Arawakan languages compared by WR for the meanings ‘I’, ‘You’ and ‘We’.

3.2. Evaluating cognation judgments

The discussion below will pinpoint many cognate decisions underlying WR coding scheme that simply defy any principled formulation, being at times over-relaxed — that is, coding as cognates forms that are not — and being at times overstrict — that is, ignoring demonstrably cognate material. All in all, the cognation decisions seem to have been carried in the absence of any historical comparative knowledge of the Arawakan languages, and without applying any objective method to guide and motivate such decisions.

Sun

A single cognate set for this meaning slot was found for the 60 Arawakan languages compared by WR. What is striking about this is not only the total absence of regular correspondences that could support the recognition of formally very distinct comparanda as cognates (as noted above in section 3.1), but, and this is more telling, the fact that plenty of evidence exists on the secondary character of many terms for ‘sun’ in Arawakan languages.

---

⁶ The Nomatsiguenga form for the 1PL pronoun in the WR data available to me is *kiro*. This must be a typo, as no entry with this form exists in the Shaver (1996) dictionary, used by WR as their data source on the language. Only *eíró* is attested for the meaning ‘we’. For another Kampan language, Michael (2008: 373) mentions the formation of the Nanti personal pronouns by the prefixation of person-number prefixes to a base *-ro*, which he calls a suffix.

For the languages of the Purus branch of the Arawakan family we have: Yine *tkaffi* ‘sun’ (Nies 1986: 559), Apurinã *atokatfi* (Facundes 2000: 655) and Iñapari *tu?ati* (Parker 1995: 66). These are, in turn, reflexes of the Proto-Purus etymon **atukatsi* ‘sun’, which lacks semantically comparable cognates elsewhere in the family, and likely constitutes a lexical isogloss of this particular branch (see Carvalho, forthcoming)⁷.

For the languages of the Kampan branch, WR include comparanda such as Nomatsigenga *paba* ‘sun’ (Shaver 1996: 314) in their family-wide cognate set. Not only is the form widely diverging in form from its translational equivalents in other Arawakan languages, but clear evidence exists on its secondary status. Baer (1994: 100), in a discussion of the cosmology and religion of the Matsigenka (another Kampan group), notes that some of the *Tasorintsi*, the Kampan name for (originally) anthropomorphous supernatural agents or entities, are addressed with the use of the term for ‘father’, which in Matsigenka he transcribes as *Pa’vaa*, a clear cognate of Nomatsigenga *paba*, which is also attested with the meaning ‘father’ in the latter (Shaver 1996: 291). Among these *Tasorintsi* so named, one finds not only *Ka’shiri*, the Moon, but also *Porea’tsiri*, the Sun. It is thus likely that Nomatsigenga *paba* ‘sun’ continues an earlier Kampan term for ‘father’, used in reference to the sun in these specific contexts.

Lokono *hadali* ~ *adali* ‘sun’ (Patte 2011: 311) is certainly isolated, lacking semantically matched cognates in other languages of the family (see Taylor 1958: 154 on this). However, Lokono (*h*)*adali* is plausibly analyzable as including the masculine suffix *-li*, leaving a root *ada-* which has cognates elsewhere, notably in Island Carib *h-ára* ‘hot, warm’ (see, again, Taylor 1959: 134 on this point).

In Payne’s (1991) comparative work on the Arawakan language family, two etyma for the meaning ‘sun’ are reconstructed: **kamui* ‘Sun (summer)’ and **kefî* ‘Sun2 (day)’ (Payne 1991: 420). Reflexes of these separate etyma include Palikur *kamuw* ‘sun’ (Launey 2003: 237) and Mojeño Ignaciano *sáffe* ‘sun’ (Ott & Ott 1983: 625), respectively. Some languages, in fact, show reflexes of both etyma, as in Piapoco *èeri* ‘sun’ and *kamuí* ‘summer’ (Klumpp 1995: 153, 157). The correct decision, then, is to recognize for the meaning ‘sun’ at least two family-wide sets, in turn reconstructable to two semantically close yet independent etyma. Coupled with the known innovation of branch/language-specific forms for ‘sun’ in different Arawakan languages, WR’s decision to have a single cognate set for this meaning is entirely unprincipled and lacking in empirical support.

Last but not least, note that WR claim to have ‘relied heavily’ on Payne’s (1991) comparative study of Arawakan, is an attempt to ground their cognation decisions in what stands, to this day, the sole study devoted to an application of the comparative method to the Arawakan family at large. It is surprising, therefore, to learn that they have chosen (incorrectly) to *drastically change* Payne’s (1991) work by merging his two sets, **kamui* ‘Sun (summer)’ and **kefî* ‘Sun2 (day)’, into a single etymology. Further examples of similar missteps on the part of WR will be examined below.

Man

In WR’s matrix, the Apurinã form for ‘man’, *kiki* (Facundes 2000: 651), is judged *not cognate* with the forms found in its two closest relatives within the Purus branch (Payne 1991) of the Arawakan family: Iñapari and Yine. Discussion of the two binary comparisons (Apurinã-

⁷ See that Proto-Purus **atukatsi* ‘sun’ is likely a partial cognate of non-Purus forms such as Terena *káfe* ‘sun, day’. What is claimed here, tentatively, is that the formation **atu-katsi*, where **atu-* is a morph of unclear meaning, is an exclusive innovation of the Purus branch.

Iñapari and Apurinã-Yine) will be presented in separate below, as they instantiate distinct problems with the WR approach to the evaluation of similarities between comparanda. However, before discussing the reasons for treating Apurinã *kiki* ‘man’ and its translational equivalents in the other Purus languages as cognate elements, see that this cognation was recognized in Facundes (2000:662), which also happens to be WR main source on Apurinã. It is legitimate to infer then, that in this case as well, WR have chosen to either ignore or directly contradict a statement found in the available comparative Arawakan literature.

First, despite their formal differences, cognation between Apurinã *kiki* ‘man’ and Iñapari *ehí* ‘man’ (see Parker 1995: 46) can be established based on an understanding of the formal relations between cognates in these two languages and, in particular, of regular segmental correspondences. Synchronically, Iñapari is unusual, both areally and genetically, in lacking the velar stop *k* (Parker 1999: 2,7). This gap is explained historically by the recognition of specific developments of the velar stop **k*, reconstructed for Proto-Purus Arawakan, the shared ancestor of Apurinã, Yine and Iñapari: In the latter language it has the reflexes *h* preceding *i*, *i* and *e* in any position, but $\emptyset$ preceding other vowels initially and *ʔ* preceding other vowels in medial position. Examples of these are given below:

	Man	Nose	To fear
Proto-Purus	*-keki	*-kiri	*-pika
Yine	çeçi	hi-çri	-pika
Apurinã	kiki	-kiri	-pika
Iñapari	ehí	hiri-ti	i-piʔá-ma

Table 2. Reflexes of Proto-Purus **k*

In view of the stated correspondences, Iñapari *ehí* ‘man’ may seem exceptional, as an initial *h* would be expected as a reflex of **k* preceding *e*. Here, familiarity with the data available on the language furnishes the required explanation: Loss of word-initial *h* in *ehí* ‘man’ seems to be a recent and isolated development, as earlier documents on the language, discussed in Valenzuela (1991: 214), record <hehi> ‘hombre’, with the expected initial *h*.

As for the diverging vocalism in the comparison of Apurinã *kiki* ‘man’ and Iñapari *ehí* ‘man’ (Apurinã *e* : Iñapari *i* in the first syllable), recognition of the cognation is again backed up by parallels. In Apurinã, the regressive assimilation **e > i / _Ci*, is attested not only in the form for ‘man’, but also in the forms for ‘snake’ and ‘tongue’, as shown below, with the etymological *e* retained in Iñapari and, for ‘man’, in Yine as well:

	TONGUE	MAN	SNAKE
Proto-Purus	*-neni	*keki	*-himeni
Yine	hi-nni	çeçi	himni
Apurinã	-nini	kiki	imini
Iñapari	-neni-pa-ti	ehí	himení

Table 3. Evidence for **e > i / _Ci* in Apurinã

Note that the reflexes of **-neni* ‘tongue’ show syncope in Yine and regular **i > i* in Iñapari. This further supports the hypothesis that the vocalism of the proto-form is **e-i*, and not **i-i* as attested for Apurinã, since, if the Apurinã vocalism was inherited, Iñapari **i > i* would not

have applied⁸. Iñapari *-pa* is probably an independent morpheme (cf. *-není-tfa-ti* ‘palate’; Parker 1995: 56).

Now for the Apurinã-Yine equation. Apurinã *kiki* ‘man’ was compared by WR to Yine *jineri*, both with the same meaning ‘man’ (see Nies 1986: 321). It is reassuring, one might say, to know that WR reject a cognation hypothesis in this case. Yine *jine-ri* contains a base for ‘person’ (actually, the same as in the name ‘Yine’) and a Masculine suffix *-ri* (see e.g. Hanson 2010: 107–114). Yine does have, however, a cognate of Apurinã *kiki* ‘man’, one that was already introduced in Table 2 above: *çeçi* ‘man’ (Nies 1986: 470). For Yine, Proto-Purus **k > ç* before **i*, **i* and **e*. Though in this particular case the cognation judgment in WR was not incorrect, Yine and Apurinã were incorrectly coded as lacking cognates for the meaning ‘man’. A final observation on this set underscores the generalized lack of pattern in WR’s approach to sources and to how these have been harvested for comparative data. A direct look at their comparative database reveals, as noted above, that instead of using *çeçi* for Yine ‘man’, they have opted for using *jine-ri* instead. In the case of ‘woman’, however, WR selected the simple root *sico* ‘woman’ for comparison, instead of the feminine derivative of *jine-*, *jine-ro* (see Nies 1986: 506). The motivations behind this distinct treatment are not stated either in WR’s paper or in their supplementary materials.

Heart

Apurinã and Iñapari are judged as having cognates for this meaning, but Yine is given as showing no cognate with these forms. This set is interesting because the Apurinã and Iñapari comparanda are arguably *less similar* formally than was the case in the set for ‘man’ examined above; and yet, cognation is recognized. Also relevant is the fact that some of the same regular correspondences discussed above are relevant for recognizing cognation in this case as well. The Yine form is also cognate, *contra* WR, as argued below.

Apurinã *hākipa* ‘heart’ (Facundes 2000: 649) and Iñapari *ahípati* ‘heart’ (Parker 1995: 37) are correctly identified as cognate by WR. See that in this case the final syllable *-ti* of the Iñapari comparandum, in fact the absolute suffix *-ti*, though lacking a match in the Apurinã form, was not detrimental to their evaluation of the forms as cognate. Elsewhere, however, WR seems to have failed to factor out the presence of this marker, including it in comparisons and apparently grounding incorrect cognation judgments on its presence (see ‘head’ below). This starkly unsystematic character of WR’s cognate decisions will become more obvious as the discussion of other sets is presented, and will be discussed further in section 4.

Another recurring problem of the WR treatment of the comparative data, a cavalier approach to sources, is found in the Yine comparandum for this set. In the WR dataset, the Yine (Piro) form is given as *rahi* ‘heart’. Note, however, that there are two errors here, one relating to the way Yine orthography has been re-transcribed or adapted, and the other involving morphological under-analysis of the compared form. First, although Nies (1986: 403) gives *<raji>* for ‘heart’, Yine orthographic *<j>* does not stand for the glottal fricative *h*, as in most Spanish-based orthographies, but to a palatal fricative *ç* instead⁹. Second, *raçi* (*<rahi>*) is actu-

⁸ Iñapari shows a context-specific development **i > i* after the coronal consonants **r*, **n* and **t*, unless the vowel of the preceding syllable was also **i* (cf. **huni > huni* ‘water’, **kajati > ajáfi* ‘paca’ (rodent sp.), but **kasiri > airí* ‘moon’, **tiri > tirí* ‘son’). See Carvalho (Forthcoming) for more details on Proto-Purus Arawakan.

⁹ Since Yine *ç* and *h* participate in distinct correspondence sets with the other Purus Arawakan languages, the apparently minor confusion involving these consonants could have more significant implications for cognation decisions, in particular if WR had concerned themselves with the identification of sound correspondences (or if

ally a third person singular possessive form, with the prefix *r-* (cf. the absolute/non-possessed form *haçfi* ‘heart’; Nies (1986:403)).

If we recognize in Apurinã *hākīpa* ‘heart’ and Iñapari *ahīpa-* the same morpheme *-pa* noted in the preceding section when discussing the Iñapari form for ‘tongue’ (cf. Iñapari *neni-pa-ti* ‘tongue’, but *neni-ŋa-ti* ‘palate’), we end up with a compelling etymology matching Yine *-haçi*, Apurinã *hākī-* and Iñapari *ahī-*, all with the meaning ‘heart’. Correction of the orthographic confusion noted above in the WR Yine form turns out to be vital here for a proper account of the relations, since the Yine palatal fricative *ç* as discussed above in relation to ‘man’, is a reflex of **k* in the context of a following *i*. Given that this **k* reconstructable to Proto-Purus yields Apurinã *k* in all contexts and Iñapari *h* medially, there is little if any impediment to the conclusion that the Purus Arawakan forms for ‘heart’ are, *contra* WR, in fact part of the same cognate set¹⁰.

Woman

For this gloss, the main problems identified in the cognation judgments would have been avoided by a more careful, judicious treatment of sources, and, again, by consideration of regular patterns of correspondence, coupled with the recognition of the derived (non-etymological) character of certain formal mismatches.

The cognation between the Baure noun *eton* ‘woman’ (see e.g. Danielsen 2007: 28) and its translational equivalents in Ignaciano, *esena* (Ott & Ott 1983: 192), and Trinitario *?seno* (Gill 1970: 52) both with the meaning ‘woman’, is not recognized by WR. Note that cognation between the Baure and Mojeño forms for ‘woman’ becomes more obvious by the use of the earliest attestations of this noun, and by considering dialectal information. As noted by Danielsen (2007: 52), a source of Baure data used by WR, a more conservative form *eteno* ‘woman’ is attested and/or inferable based on the testimony of the more conservative dialects of the language and from earlier documentation.

The formal mismatches between the recovered ‘Pre-Baure’ form *eteno* ‘woman’ and the comparanda in the Mojeño dialects, Trinitario *?seno* ‘woman’ and Ignaciano *esena* ‘woman’, could be a complicating factor for recognizing cognation, in particular if a purely impressionistic assessment of similarities is employed. Nevertheless, both the anlaut correspondence between an initial cluster in Trinitario (more properly, a zero) and a vowel in Baure and in Ignaciano, and the vowel correspondence Ignaciano *a* : Baure/Trinitario *o*, can be related to the operation of regular sound change. In the comparison between the two Mojeño dialects, the word-initial consonant cluster of the form *?seno* ‘woman’ of the Trinitario variety is derived. A simple inspection of Ignaciano and Trinitario cognates where a trisyllabic form appears in Ignaciano show the regular character of the loss of the initial vowel in the Trinitario cognate (see see table 4; Carvalho & Rose 2018 for details).

Given the non-predictable nature of the Ignaciano vowel that lacks a correspondent in the Trinitario cognates, these are clearly inherited and, hence, Trinitario *?seno* ‘woman’ actually derives from **eseno* ‘woman’ at the Proto-Mojeño level. Finally, concerning the final *a* in Ignaciano, this is also secondary. Ignaciano shows *a* corresponding to both *o* and *a* in Trinitario and, moreover, Trinitario features a contrast between two back rounded vowels *u* and *o* that is simply lacking in Ignaciano (see table 5).

---

other, interested researchers, were to do so on the basis of the comparative data amassed by WR. In fact, Carling *et al.* (2012: 38) used WR’s data set in their own study of Arawakan phylogenetic differentiation.

¹⁰ I am grateful to an anonymous reviewer for noting that this cognation relation was previously noticed by Facundes (2000:661), thus showing that here as well WR could have relied on past published work for their cognation judgments.

Gloss	Trinitario	Ignaciano
Person	ʔʃane	aʃane
Woman	ʔseno	eʃena
Ant	kʃiru	kaʃiru
Jaguar	ʔʃini	iʃini
Peccary	'smoru	si'maru
Toucan	'hmore	ha'nare
Smoke	'çhore	ki'hare
North	'khoʔo	ka'haʔa

Table 4

	Ignaciano	Trinitario
Fog	ijaru	ʔjoru
Cloud	uka	uko
Earth, mud	mate	mote
Grandmother	-atse	-otse
Wife	-jena	-jeno
Shoulder, arm	-pawa	-powo
Tooth	-aʔe	-oʔe
Sky	anu-ma	anu-mo
Stone, stony floor	mari	mari
Sun	satʃe	satʃe
Person	aʃane	ʔʃane
Son-in-law	tʃina	tʃina
Name	-iha	-iha
Hear	-sama	-samo

Table 5

The best explanation is that Ignaciano underwent a merger of *o and *a as *a*. This shows that Ignaciano *esena* ‘woman’ likewise reflects *eseno ‘woman’. The conclusion is that the proper comparison should be one between Baure *eteno* ‘woman’, available in the very same source consulted by WR, and a Common or Proto-Mojeño form *eseno ‘woman’, a comparison more conducive to the recognition of the cognation relation missed by WR.

Bird

This is one of the most striking cases of false positives in cognate identification in WR’s data, since even in the hypothetical absence of any knowledge of the languages compared, a simple *reading* of existing literature on the Arawakan language family would have prevented this mistaken cognation judgment.

The forms for ‘Bird’ in Garífuna, *dunuru* (see Sabio & Ordóñez 2006: 75), and in Island Carib *túnulu* (Taylor 1956: 401) were judged to have cognates in other Arawakan languages, for instance, in Achagua *mífidu* ‘bird’ (see e.g. Meléndez Lozano 2011: 40). In this case, the similar word-final syllables were apparent enough for these comparanda to be recognized as

cognates, while the obviously different four initial segments were deemed inconsequential. It is well-known, however, that these Garífuna and Island Carib forms are **loans from Caribbean languages** (see Taylor 1956: 401), where, for instance, Kari’ña/Carib has *tonoro* ‘bird’ (Courtz 2008: 389) and Proto-Taranoan has **tonoro/*torono* (Meira 2000: 140). In fact, the misidentification of *dunuru/tunulu* ‘bird’ as an inherited Arawakan element was a feature of some of the earliest attempts at a comparative understanding of the Arawakan languages, and was noticed by Douglas Taylor (1966: 304, fn. 3) in his insightful review of Noble’s *Proto-Arawakan*.

Tree (and Fire)

For the gloss ‘Tree’, Terena and Apurinã forms appear in the same cognate set, while Ignaciano and Trinitario appear in a distinct one. As shown below, this is misleading both as a statement of the relations between the forms compared and as evidence on the relations between the languages under comparison. A particularly odd feature of WR’s cognation judgments appears in a rather transparent manner in these particular cases: their surprising decision to judge semantically and formally **identical** forms as non-cognate, while judging formally very divergent forms as cognate.

First, it is far from clear how Terena *tikóti* ‘tree’ (not *tikôti*, as in WR’s data) could be judged cognate with Apurinã *ããmîna* ‘tree’ (see Facundes 2000: 656). Although a detailed account of the relevant diachronic developments is currently unavailable, the Apurinã form fits quite clearly in the etymology proposed by Payne (1991: 423) as reflexes of his PA **anda[mî][na]* ‘tree’. Not even Payne (1991), however, despite his often over-relaxed standards for regular correspondences, could fit Terena *tikóti* in this same set. The Terena noun *tikóti* ‘tree’ is of unclear etymology, lacking obvious parallels in any other Arawakan language I am aware of¹¹.

WR correctly identify Ignaciano *jukuki* ‘tree’ (see Ott & Ott 1983: 483, 599) and Trinitario *jkugi* (see Gill 1970: 5) as cognates. Again correctly, the semantically equivalent form *tikóti* ‘tree’ of Terena is judged not cognate. There are, however, two observations on the formal and the semantic aspects of the Mojeño (Ignaciano and Trinitario) forms. Formally, these reflect a Proto-Mojeño etymon **jukuki* ‘tree’ (see Table 6) which is, in turn, morphologically analyzable as **juku-ki*, **-ki* being a form-based classifier for nouns with cylindrical and rigid forms such as branches, arms and trees (see Olza Zubiri *et al.* 2002: 288–290). This morphological structure is still transparent both in Ignaciano and Trinitario. Semantically, Proto-Mojeño **juku-ki* means not only ‘tree’, but also ‘wood’ and, crucially, ‘firewood’ as well (see Ott & Ott 1983: 460 for Ignaciano; Marbán 1701: 265 for Old Mojeño). The meaning ‘firewood’ associated with **juku-ki* bears an obvious relation to the meaning of the base of this derivative form, as witnessed by the base meaning of Proto-Mojeño **juku* ‘fire’, with formally and semantically identical reflexes in all Mojeño dialects (see Ott & Ott 1983: 459 for Ignaciano; Gill 1970: 19 for Trinitario, and Marbán 1701: 239 for Old Mojeño).

Given the existence, in Terena, of a form *júku* meaning both ‘fire’ and ‘firewood’, it cannot be denied that an etymological relation exists between Terena *júku* and the Mojeño form for ‘tree, wood, firewood’. This fact should be somehow expressed in the WR cognation judgments for the gloss ‘tree’, in particular given the fact that in preparing their comparative sets WR were not limited to lexicostatistical comparison with exact semantic identity (as noted before in section 2). The data discussed so far are summarized in Table 6 below:

¹¹ A non-obvious parallel that may hold the key for the etymology of *tikóti* ‘tree’ is the Old Mojeño form <*ticooiray*> ‘fruit-bearing tree’ (‘árbol fructífero’; Marbán 1701: 143). Identification of the Nominalizing suffix *-ray* (see Olza Zubiri *et al.* 2002: 674) and of the Mojeño third person prefix *ti-* leaves a stem *-cooi-*, likely derived from the Attributive prefix reconstructed as **ko-* for Proto-Mojeño (Carvalho & Rose 2018) and the noun **-o?i* ‘fruit’.

	Forms			Source
Terena	<i>tikóti</i> ‘tree’	<i>júku</i> ‘firewood’	<i>júku</i> ‘fire’	Author field data
PM	* <i>juku-ki</i>	* <i>juku-ki</i>	* <i>juku</i>	Carvalho & Rose (2018)
Ignaciano	<i>juku-ki</i>	<i>juku-ki</i>	<i>juku</i>	Ott & Ott (1983: 161)
Trinitario	<i>jku-çi</i>	<i>jku-çi</i>	<i>juku</i>	Gill (1970: 5)
Old Mojeño	< <i>yucuqui</i> >	< <i>yucuqui</i> >	< <i>yucu</i> >	Marbán (1701: 143, 239)

Table 6. Forms for ‘tree’ and ‘firewood’ in Terena and Mojeño

Since we have now reached the meaning ‘fire’, associated, either via morphological derivation or as a matter of lexical polysemy with other notions such as ‘firewood’ and ‘wood’ in Terena and in Mojeño, it would be interesting to assess WR’s cognation judgments for ‘fire’ as well, an independent datapoint in the comparative database. Here, WR cognate decisions also look far from reasonable: despite having semantically and formally identical forms for the meaning ‘fire’ (Table 6), Terena and the Mojeño dialects are coded as having no cognate element for this meaning. This perplexing result is, nevertheless, paralleled by other cases where WR have coded semantically and formally identical forms in different languages as not cognate, and add to the impression that no systematic principle or rule has been consistently followed in the creation of the matrix of cognation judgments used as an input to their phylogenetic inference tool.

Water

The problem with this etymology lies seemingly in an overstrict criterion for cognate identification. The Terena form for ‘water’, *úne*, is coded as having a cognate only in Kinikinau, a closely related co-dialect (see Carvalho 2016b).

As it happens, obvious cognates of this form are found almost everywhere in the Arawakan language family. Ironically, this is a much more representative, pan-Arawakan cognate set than is, say, ‘sun’, judged wrongly by WR to have a single cognate throughout the family. Exemplar forms are given below for a representative set of languages:

Language	Form	Source
Palikur	<i>un</i>	Launey (2003: 237)
Lokono	<i>oni</i>	Patte (2011: 266) ¹²
Wapixana	<i>wini</i>	WLP (2000: 153)
Piapoco	<i>uni</i>	Klumpp (1995: 108)
Terena	<i>úne</i>	Author field data
Resígaro	<i>hooní</i>	Allin (1979: 460)
Paresi	<i>one</i>	Rowan (2008: 64)
Mojeño Ignaciano	<i>une</i>	Ott & Ott (1983: 429)
Waujá	<i>uní</i>	Postigo (2014: 237)

Table 7. Cognates for ‘water’ in a set of Arawakan languages

¹² Lokono *oni* actually means ‘eau de pluie, pluie’, while *oniabo*, with the possessed stem *-oni-a*, means ‘eau, eau potable, eau de pluie, bain, océan’ (Patte 2011: 176–177).

The forms above, all semantically equivalent and formally nearly identical, would be judged cognate even on an impressionistic basis. It is far from clear on which principles can the cognation between Terena *úne* ‘water’ and the other forms in Table 7 be denied, and this raises the question of how this fact was missed in WR cognation judgments. Not surprisingly, all of these forms were judged cognate by Payne (1991: 425), where a single etymology for this meaning is presented and Proto-Arawakan **uni* ‘water’ is reconstructed.

Eat

The shortcomings in WR’s cognation judgments for this set include two cases of false negatives, that is, statements that cognate forms cannot be found in the relevant language, while, in fact, they can. These incorrect judgments seem to stem from a superficial knowledge of the languages’ morphology, and from a cavalier treatment of primary sources.

A form like **-niko* (or **-ni-ko*) is the most general Arawakan verb stem for the meaning ‘to eat’, and Payne (1991: 402) reconstructs **-nika* ‘eat’ for Proto-Arawakan. Apurinã *-nika* ‘to eat’ (Facundes 2000: 648) and Iñapari *ini?ama* ‘he is eating’ (Parker 1995: 36) are part of this set; and yet, WR judge these forms not cognate. Note that the Iñapari form is not entirely comparable, as it includes the third person, Masculine ‘Subject’ prefix *i-*, as well as a verbal suffix *-ma*. With the root *-ni?a-* ‘to eat’ excised, its cognation to Apurinã *-nika* is obvious. Moreover, as noted above, **k* was systematically eliminated in Iñapari, having a reflex *?* in intervocalic contexts. Since the WR data for Iñapari simply give *ini?ama* for the meaning ‘eat’ (as it appears in Parker 1995: 36), without indication of morpheme boundaries, I presume that the partial cognation relation was missed, and that the form as a whole was, on the basis of an impressionistic inspection, judged not cognate with Apurinã *-nika* ‘to eat’.

In relation to the other member of the Purus branch of Arawakan, WR code Yine as lacking a cognate of either the Apurinã or the Iñapari form. Inspection of the Yine data used by WR shows that the chosen comparandum for this meaning in Yine was *na?newli*, which is in fact attested in Nies (1986: 398) for the meaning ‘comer’ (‘to eat’). However, under the same entry in the same dictionary one finds *nikli* (given as an ‘infinitive’) as well as *nika* ‘he/she eats’ (‘come’, in Nies 1986: 398). The fact that Yine *-nika* is a cognate of Apurinã *-nika* and of Iñapari *-ni?a* is hardly worthy of discussion, and it is surprising that this Yine cognate form was missed by WR despite being present in the same dictionary entry from which the non-cognate comparandum was chosen.

Ear

Terena *kêno* (not *kênjo*, as in the authors’ data) is judged a cognate of Trinitario *ƒoka* ‘ear’ (Gill 1970: 29) and Ignaciano *ƒaka* ‘ear’ (Ott & Ott 1983: 597). Despite the semantic identity, there is no way to justify this assertion on formal grounds. Nevertheless, Terena *-kêno* ‘ear’ does have cognates in the Mojeño dialects, namely: Ignaciano *-kija* ‘ear hole’ (Ott & Ott 1983: 596) and Trinitario: *-çijo* ‘ear hole’ (Gill 1970: 28).

What is remarkable about this set is that although the relations between these languages are rightly identified — Terena and the Mojeño dialects do share cognate elements for the required meaning — **this is not borne out by the forms compared by WR**. Here, as in many other analyzed cases, one gets the impression that the comparison of the selected forms and the production of the classification were dissociated from each other.

Head

The nouns for ‘head’ in the Purus languages (Apurinã, Yine and Iñapari) are correctly identified by WR as cognates. However, their translational equivalents in Terena and in the Mojeño dialects (Ignaciano and Trinitario) are also marked as cognate, which is incorrect. As shown below, the grounds for this misidentification seem to lie in lack of adequate morphological analysis.

The forms appearing in the authors’ data are Apurinã *kíwi* ‘head’ (see e.g. Facundes 2000: 649), Iñapari *hiwíti* ‘head’ (Parker 1995: 32), Yine *çiwfi* (Nies 1986: 383), Terena *t^huti* ‘head’ and, for both Ignaciano and Trinitario, *ffuti* ‘head’¹³ (see Ott & Ott 1983: 497; Gill 1970: 8). Despite the semantic identity, the formal grounds for recognizing cognation between the first three forms and the last two seems to rest entirely on the occurrence of a medial rounded vowel *u* (in Terena and the Mojeño dialects) perhaps matching *w* in the three Purus languages, and on the final syllable with a coronal consonant followed by *i* in all languages except Apurinã. Word-final *-ti* in Iñapari and *-fi* in Yine are, in fact, nominal suffixes marking these (inalienable) nouns as non-possessed or absolutes (see Payne 1991), the remaining roots, Iñapari *-hiwi* and Yine *-çiw*, being cognates of Apurinã *-kíwi*, all derivable, in turn, from Proto-Purus **kíwi* (which, in turn, presumably reflect Proto-Arawakan **kíwi* ‘head’; Payne 1991: 407). In the Mojeño and Terena forms, word-final *-ti* cannot, on the basis of any independent evidence internal to these languages, be recognized as a discernible morpheme, and, therefore, both Terena *-túti* ‘head’ and the Mojeño form *-ffuti* ‘head’ are single unanalyzable roots. WR correctly identify the latter two as cognate. Even granting that the relation between internal and external etymologization is a complex one — and that, therefore, the final syllable *-ti* of the Mojeño and Terena forms might be shown to derive in fact from an absorbed absolute suffix — this would leave us with a partial cognation at best, since it would be difficult to relate the root-initial syllable *tu-/fu-* to Proto-Purus **kíwi* ‘head’.

Fish

The existence of two widespread cognate sets for ‘fish’ in the Arawakan family has been known for some time (Oliver 1989: 152–153; Payne 1991: 404) and these seem to correspond to the first two lines in the WR matrix for this meaning slot. Payne (1991: 404) assigns one of these to a Proto-Arawakan etymon **kopaki* and the other to **hima*. Investigation of the etymologies advanced by WR for this meaning slot is informative and relevant for two reasons. First, here as well one observes the curious pattern whereby the relations between languages are correctly recognized, despite there being no support for this on an examination of the actual comparanda found in WR’s dataset. Second, as in the case of ‘sun’, it shows how WR have produced novel cognation judgments by making modifications in the judgments present in Payne (1991), a fundamental source on comparative Arawakan and one which WR claim to have relied upon extensively for their cognation claims.

WR code Terena *hõe* ‘fish’ as a cognate of Ignaciano *hima* (Ott & Ott 1983: 605) and Trinitario *himo* (Gill 1970: 31) both meaning ‘fish’ as well. In this WR diverge from Payne (1991: 404), for whom Terena *hõe* is instead a reflex of PA **kopaki*. Sharing only their meanings and an initial consonant, WR’s proposal is a very weak etymology. In fact, closer attention to these languages show the equation *hõe* : *hima*, *himo* to be spurious. A bilabial nasal stop *m* in both Ignaciano and Trinitario corresponds regularly to *m* in Terena (Ignaciano data from Ott & Ott 1983; Trinitario data from Gill 1970):

¹³ I will gloss over the fact that Terena *t^huti* is an incorrect rendition of Terena *-túti* ‘head’. The source of the form with aspiration in the root initial consonant is unknown to me.

	Terena	Ignaciano	Trinitario
Husband	- <i>îma</i>	- <i>ima</i>	- <i>ima</i>
Tapir	<i>kâmo</i>	<i>sama</i>	<i>samo</i>
To hear	- <i>kâmo</i>	- <i>sama</i>	- <i>samo</i>
To steal	- <i>oméfo</i>	- <i>ámefá</i>	- <i>ómefo</i>

Table 8. Evidence for Terena *m* : Ignaciano *m* : Trinitario *m*

As far as I can tell, the Terena noun for ‘fish’ lacks cognates elsewhere in the family. That is, the evidence for grouping it under **kopaki*, as Payne (1991) did, also looks thin. The modern Terena form *hôte* ‘fish’ results from the debuccalization $f > h$ to which the fricatives of Early Terena (= Guaná) were regularly subject (see Carvalho 2017). Terena *hôte* (attested as *foe* in late 19th century documents) ‘fish’ lacks an internal etymology and is, for this reason, suspect of being a loanword; Payne’s (1991: 404) attempt at relating Terena *hôte* ‘fish’ to forms such as Paresi *kohátse* ‘fish’ and Achagua *kubái* ‘fish’ can be deemed unsuccessful. In particular, it postulates a diachronic loss of a labial stop, $*p > \emptyset$, that lacks parallels elsewhere in the language, being therefore an *ad hoc* and unsupported proposal (on the isolated status of this correspondence, see Payne 1991:434).

4. Overall evaluation

Table 9 below presents, in synthetic format, the following information organized in rows: a relevant sample of the comparanda considered for each meaning gloss in the preceding sections, WR’s decision as to whether the items in question are cognate or not, and a brief comment on the problems with these judgments.

Many of the critical comments on the etymologies proposed in the WR study are the result of recent or ongoing historical linguistic investigations. This fact could be seen as implying that the criticism offered here misses the point by being anachronistic. In the end, all that can be claimed is that WR’s cognate judgments can be subjected to improvement and revision, like any etymological hypothesis. This conclusion, if correct, would trivialize the discussion done here in the preceding sections, as all WR could have done was to work with the best historical linguistic work available then.

These attenuating observations are, however, without force. First of all, a series of incorrect cognation judgments on the part of WR could be avoided by simple consideration of the literature existing at the time, that is, comparative studies on Arawakan languages that, in many cases, predate 2011 by a large margin. Thus, the misidentification of Garífuna *dunuru* ‘bird’, which is a loanword from a Cariban language, as an inherited Arawakan form with cognates in other languages could have been avoided by consultation of the vast literature on the history of Island Carib, such as Taylor (1956), where this exact same form is listed among the stratum of Cariban loanwords in the language. Second, in many cases, despite the authors’ claimed reliance on early comparative work on Arawakan (notably Payne 1991, on which WR claim to have ‘relied heavily’), the cognate decisions that were fed to WR’s particular application of their phylogenetic inference tool stand, in many cases, in *direct contradiction* to established cognate judgments in this same specialized source. In the gloss for ‘fish’, for instance, while Payne (1991: 404) considered Terena *hôte* ‘fish’ to be a reflex of his Proto-Arawakan etymon **kopaki* ‘fish’, WR switched the Terena witness to the other etymology proposed by Payne (1991), advancing, therefore, the claim that *hôte* ‘fish’ has, among its cognates, forms such as

Ignaciano *hima* ‘fish’ and Yine *ɟima* ‘fish’. This reveals that WR *did in fact* produce original cognation judgments and were even in a position of confidence to disagree with the existing historical linguistic literature on these matters. The same basic observation can be extended, as seen, for other sets, such as ‘sun’ and ‘water’, and in not a single case can WR’s decision be supported by the available evidence.

Meaning	Comparanda	Decision in WR	Comment
‘Sun’	Nomatsigenga <i>paba</i> Yine <i>tkalfi</i> Palikur <i>kamuw</i> Lokono (<i>h</i>) <i>adali</i>	Cognate	Incorrect. Individual comparanda can be shown to be either language/branch-specific innovations or to reflect separate Proto-Arawakan etyma.
‘Man’	Apurinã: <i>kiki</i> Iñapari: <i>ehí</i>	Not cognate	Incorrect. Cognation supported by regular segmental correspondences.
‘Man’	Apurinã: <i>kiki</i> Yine: <i>jineri</i>	Not cognate	Decision is correct, but Yine has a semantically matched cognate of the Apurinã form: <i>çeçi</i> ‘man’.
‘Woman’	Baure <i>eton</i> Mojeño <i>?seno</i>	Not cognate	Incorrect. Earliest attested forms, such as Old Baure <i>eteno</i> , and reconstructed Proto-Mojeño <i>*eseno</i> , show that the forms are in fact cognate.
‘Head’	Iñapari <i>hiwíti</i> Yine <i>çiwɟi</i> Terena <i>túti</i> Mojeño <i>ɟuti</i>	Cognate	While the Iñapari and Yine forms are in fact cognate, Iñapari <i>-ti</i> and Yine <i>-ɟi</i> are not comparable to the final syllables of the Terena and Mojeño forms, which belong into a separate set
‘Ear’	Terena <i>kêno</i> Mojeño <i>ɟoka</i>	Cognate	The forms are not cognate. However, a cognate of Terena <i>-kêno</i> does exist in Proto-Mojeño <i>-kiɟo</i> ‘ear hole’
‘Tree’	Terena <i>tikóti</i> Apurinã <i>ããmína</i>	Cognate	Incorrect, the forms cannot be shown to be cognate.
‘Fire’	Terena <i>júku</i> Mojeño <i>juku</i>	Not cognate	Clearly incorrect. Even preliminary lexicostatistics or ‘multilateral comparison’ would identify such identical items as cognate.
‘Water’	Terena <i>úne</i> Parsi <i>one</i>	Not cognate	Even ‘preliminary lexicostatistics’ would identify these items, semantically identical and formally nearly so, as cognate.
‘Fish’	Mojeño <i>himo</i> Terena <i>hõe</i>	Cognate	No support from regular correspondences for this decision

Table 9

The third and, perhaps, most fundamental conclusion of this review is that the sample of WR’s cognation judgments selected here for criticism reveals a total lack of adherence to the minimal standards of historical linguistics and, in particular, the comparative method; what is more, these judgments seem to have been produced in the absence of the most cursory knowledge of the structure of the languages compared. This finding is critically damaging to their enterprise since, as stressed by Eska & Ringe (2004: 574): “it is possible to prove that forms are cognates by showing that they exhibit multiple regular sound correspondences that recur significantly often throughout the comparative word list. The provability of cognation is one of the cornerstones of scientific historical linguistics”¹⁴.

¹⁴ I should note that the technical notion of *proof*, that is, a demonstrative, deductive inference mode of justifying conclusions, does not offer an adequate ‘theory’ of the reasonings employed in historical linguistics. As cor-

The formal aspects of the comparisons, usually the safest and strongest grounds for either establishing or rejecting etymological proposals, are treated with such a contempt in WR's cognation judgments that one gets the impression that no parameters, even if subjective and implicit, were being followed in the rating of similarities between forms. Their contrasting decisions when faced with an almost total lack of formal similarity in the comparanda and when faced with total identity in form are particularly telling: Thus, in view of WR's **asserted cognation** for comparanda such as Terena *tikóti* 'tree' and Apurinã *ããmína* 'tree', and the parallel **denied cognation** for comparanda such as Terena *júku* 'fire' and Ignaciano/Trinitario *júku* 'fire', one gets the impression that WR's matrix of cognation judgments was produced independently of the comparative database. This is all the more telling since in many of the examined cases the relations between the languages was captured correctly — that is, they do, in fact, share cognates for the relevant meaning — but this is not borne out by the particular forms selected by WR for comparison. This was seen in the case of the Yine form for 'eat', and also for the Terena and Mojeño comparison in the meaning 'ear', where the form chosen for Mojeño (reflexes of Proto-Mojeño **-foka* 'ear' in the two Mojeño dialects), are *not* cognate with the Terena comparandum, despite the former having a perfect match for Terena *-kêno* 'ear', in the reflexes of Proto-Mojeño **-kiño* 'ear hole'.

Last but not least, it should be noted, for once, that it is of course illegitimate to conclude from the present study that WR's conclusion about the eastern Peruvian origin of the 'Arawakan diaspora' is incorrect; all that can be concluded is that WR have failed, contrary to their claims, to present adequate linguistic evidence supporting it. Other authors had early expressed some sympathy towards the hypothesis of a large Arawakan migration originating in southwestern Amazon near the eastern Andean foothills, though again with flawed reasoning. This is, in particular, the case with Urban's (1992: 95–97) conclusion that the original *Urheimat* of the Arawakan peoples should be sought in relatively high altitudes near headwaters, not along the major river courses of the Amazon (as suggested by Lathrap 1970). The main problem with his reasoning is its foundation on the distribution of the sample of languages that happen to have made their way into Payne's (1991) comparative Arawakan study. We know of the existence of a number of Arawakan-speaking groups that lived along major rivers, such as the Manao, the Wainumá, the Mariaté, the Marawá, the Bahuana, the Cariaí and many others along the courses of the Amazon, the Solimões and Negro rivers. That hardly any data survives on the languages of these groups (this being the reason why they have not been included in Payne's 1991 study) is a consequence of their early extinction/assimilation and should not be seen as implying a lack of Arawakan presence in these regions — and yet, any attempt at identifying geographical centers of diversity that misses this crucial fact is doomed to be unsuccessful or, worse, highly misleading. One can conclude, therefore, that a proper assessment of the historical linguistic evidence on the history of migrations behind the great 'Arawakan diaspora' remains a task for the future.

5. Implications for South American historical linguistics — a plea for greater sobriety

The historical and comparative linguistics of South American indigenous languages seems to be currently at an impasse. On the one hand, researchers on the languages of the continent seem eager to take part in the nascent 'computational phylogenetic revolution' in historical

---

rectly stressed by Starostin (2014: 3), probabilistic modes of inference offer a much more credible description of the relevant methodological processes.

linguistics, or, more generally, to apply any new methodology that promises to free the investigator from putative ‘shackles’ attributed to the traditional comparative method of historical linguistics. This novel agenda, along with its imperative, is described in the following terms by Carling *et al.* (2012: 29):

“(...) linguistic research, aided by new developments in software technology and computer capacity, has moved toward large-scale comparison projects where new ways of measuring linguistic distances are supplying new evidence of genetic relationships as well as contact scenarios.”

The same authors, in fact, quote WR’s study as one of these “new developments”. On the other hand, it is well-known that, as applied to the better understood and long-researched language groups of Eurasia, any innovative technique that has been proposed has been advanced as a *complement or add-on to the traditional methods of historical linguistics*. The problem for South America lies in the fact that, for the vast majority of its indigenous language families, there is little for these non-orthodox methods to complement, as the coverage of existing historical comparative work is uneven and, where investigations have been carried, results are quite limited¹⁵. As I hope to have shown in the preceding sections, this may force authors of studies that take part in these innovative developments to build veritable houses of cards, perhaps more aptly described as rootless or groundless (phylogenetic) trees.

This situation, in turn, seems to create a kind of dissonance, and a particularly harmful one, once researchers start to derive methodological recommendations or epistemological judgments from it. This dissonance can be exemplified with two citations from a single paper that introduces a reference volume on the languages of South America:

“With respect to *language classification*, using the comparative method there is a current consensus for some 108 separate language families on the continent, half of which are isolates” (Muysken & O’Connor (2014: 1)).

“Comparative-historical linguistics in the South American context faces a number of problems. There are few reconstructed proto-languages for comparison at the level of families, and the coverage and quality of documentation is uneven for many languages” (Muysken & O’Connor 2014: 4).

Setting aside the recurrent mistake of seeing the comparative method (= reconstruction of proto-languages) as a tool for establishing genetic kinship among languages (see e.g. Nichols 1996)¹⁶, it is clear that an underlying tension, if not an outright contradiction, jumps out from a comparison of these quotes, three pages apart from one another: it is said that an understanding of language diversity in the continent has been arrived at by ‘using the comparative method’, but, at the same time, it is asserted that there are very few actual applications of the method (‘reconstructed proto-languages’) and that paucity of documentation hinders further progress. In trying to understand how this obviously awkward contradiction could have gone unnoticed, it is perhaps relevant to note that these claims appear as nothing but a sort of preparation for the denouncement of ‘limitations in the traditional methods’. After an astonishingly brief and selective review of the history behind the recognition of the major genetic unities of South America, the authors go on and say that:

“However, the overall picture is not one of unification, and this raises issues about the universal applicability of the comparative method” (Muysken & O’Connor 2014: 3).

¹⁵ This is not the place to review in detail the state of the art in the historical linguistics of indigenous South America. On the reasons for the limited development of the field, both the limited descriptive coverage and the limited manpower (that is, few people doing historical linguistics) could be presented as reasonable causes.

¹⁶ Elsewhere the authors also refer to yet another incorrect idea on the comparative method, viz.: that it is somehow associated with an intrinsic time depth limit; Muysken & O’Connor (2014: 2).

This is followed by an Edward Sapir quote, mentioning “networks” and “language contact” as possible hurdles for the comparative method. Of course, one is left wondering how “issues about the universal applicability of the comparative method” can be raised by research on the historical linguistics of indigenous South America, where “there are few reconstructed proto-languages”, a point on which everybody seems to agree.

The practical implications of this situation are tangible, in fact, in the very study evaluated here. Thus, WR point out that the phylogenetic tree produced by their analysis, which includes posterior probabilities indicating the degree of support for the formation of each clade, is ‘broadly consistent with expert classifications by linguists, at least near the tips’ (pg. 3). These ‘expert classifications’, one can imagine, are certainly included in the body of studies that promoted the ‘overall picture’ of the historical linguistics of indigenous South America mentioned by the Muysken & O’Connor (2014) quote above. Careful consideration of the works WR have in mind — Mason (1950), Noble (1965), Loukotka (1968), Payne (1991), Aikhenvald (1999) and Ramirez (2001) — reveals that they constitute a very weak base for validation of classifications produced by non-traditional methods (and, arguably, for classifications of any kind). On John Alden Mason’s classification of the South American native languages, Campbell (2012: 66) notes that ‘Mason was in the tradition which sought to reduce the vast diversity among American Indian languages by proposing preliminary but undemonstrated hypotheses of more far-reaching families to be tested by later research’. That is, he provided more of a tentative programmatic proposal in need of testing than a definitive statement. Noble’s (1965) work has serious limitations due to the paucity and low-quality of the data he worked on (Taylor & Hoff 1966: 303–304), and for the fact that he ignored a number of important studies, especially the series of papers authored by Taylor, mostly on the Caribbean Arawakan languages (see Payne 1991: 368). To make things worse, Noble (1965) assumed the Arawakan affiliation of many languages now known to have no relation to this family, and this assumption had consequences to some of his cognation judgments and his reconstructed forms (see Taylor & Hoff 1966: 306). As for Loukotka (1968), his work was hampered not only by the lack of reliable data, but his methods have always been the focus of strong criticism, as it consisted basically in the impressionistic visual scanning of an arbitrary list of forty-five ‘typical words’ (see e.g. Rowe 1954; Campbell 2012: 66).

Payne’s (1991) study, whose goal consists in presenting a ‘credible internal classification’ for the Arawakan language family is certainly the best, family-wide comparative study so far — one on which, as we have seen, WR claim to have relied extensively. Payne’s (1991) classification is, however, based on shared proportions of *retentions* from his set of 203 Proto-Arawakan etyma, and thus faces the same methodological problems of any classification not based on putative shared innovations. Aikhenvald’s (1999: 75) internal classification is, on the author’s own admission, based on an ‘areal-geographic principle’. Finally, while Ramirez (2001) employs the comparative method, it does so, in any detail, only for his ‘Japurá-Colombia’ branch, which includes a number of northwestern Amazonian Arawakan languages. Moreover, Ramirez (2001) is a study that has to be approached with care as to its conclusions, since that are sometimes important problems with the data he presents, as well as with his analyses (see Michael 2009 and Carvalho 2018 for Resígaro in particular).

The perceptive reader, if aware of the overall outlines and recent developments of historical comparative linguistics in a world scale, will see, in the South American situation, the broad outlines of a scenario similar to that where the historical linguistics of Australian languages found itself until some time ago. Though for different reasons — in the case of Australia, an apparent ‘diffusionist bias’ exposed by certain influential researchers — similar announcements were made about the ‘finding’ that something out of the line with traditional

methods was at place, in tandem with claims that “innovative methods” are necessary. Needless to say, as soon as people started to get their feet wet and their hands dirty, Australian languages have shown themselves to be amenable to the comparative method (see Evans 2005 and Sutton & Koch 2008 for interesting reviews).

In view of these late pronouncements, it is perhaps wiser to fall back on some notable pre-21st century directions for research on the languages of the continent, such as what Kaufman (1990) had to say in his proposal about ‘How to know more on language history in South America’:

‘The ‘art’ of diachronic linguistics is the method, in any case: the comparative method. This method is fairly well developed at this point, and what is really needed is to apply it rather than to figure out how it could be better, or worse yet, try to short-cut it’ (Kaufman 1990: 14).

What was true in 1990 seems to remain true in 2020. It is an urgent task for researchers on the historical linguistics of South America to resort to the full (and largely untapped) potentialities of traditional methods, and to recognize the limitations of grandiose statements about the history of the continent that are advanced in the absence of anything like solid historical linguistic work applying the comparative method, as if conjured out of thin air. Quantitative, computational tools and their use in historical linguistics hold a great promise, and for good reason (see e.g. Verkerk 2017) but their full potential will not be realized in the absence of rigorous and adequately informed investigations on the historical linguistics of language groups.

References

- Aikhenvald, Alexandra. 1999. Arawak languages. In: R.M.W. Dixon, Alexandra Aikhenvald (eds.) *Amazonian Languages*: 487–517. Cambridge University Press.
- Aikhenvald, Alexandra. 2009. Arawak languages. In: Keith Brown, Sarah Ogilvie (eds.). *Concise Encyclopedia of Languages of the World*: 59–61. Oxford: Elsevier.
- Allin, Trevor. 1979. *Vocabulario Resígaro*. Peru: Instituto Lingüístico de Verano (ILV).
- Baer, Gerhard. 1994. *Cosmología y Shamanismo de los Matsiguenga (Perú Oriental)*. Colección Biblioteca Abya-Yala 15. Quito: Ediciones Abya-Yala.
- Barbieri, Chiara et al. 2014. Between Andes and Amazon: The Genetic Profile of the Arawak-speaking Yanésha. *American Journal of Physical Anthropology* 155 (4): 600–609.
- Campbell, Lyle. 2012. Classification of the indigenous languages of South America. In: Lyle Campbell, Verónica Grondona (eds.). *The Indigenous Languages of South America*: 59–166. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Carling, Gerd, Love Eriksen, Arthur Holmer, Joost van de Weijer. 2012. Contrasting linguistics and archaeology in the matrix model: GIS and cluster analysis of the Arawakan languages. In: Lars Borin, Anju Saxena (eds.). *Approaches to Measuring Linguistic Differences*: 29–56. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter.
- Carvalho, Fernando O. de. 2016a. The diachrony of person-number marking in the Lokono-Wayuunaiki subgroup of the Arawakan language family. *Language Sciences* 55: 1–15.
- Carvalho, Fernando O. de. 2016b. Terena, Chané, Guaná and Kinikinau are One and the Same Language: Setting the Record Straight on Southern Arawak Linguistic Diversity. *LIAMES* 16 (1): 39–57.
- Carvalho, Fernando O. de. 2017. Fricative debuccalization and primary split in Terena (Arawak) historical phonology. *International Journal of American Linguistics* 83 (3): 509–537.
- Carvalho, Fernando O. de. 2018. Diachronic split and phoneme borrowing in Resígaro (Arawakan). *Canadian Journal of Linguistics* 63 (3): 339–358.
- Carvalho, Fernando O. de. Forthc. A comparative reconstruction of Proto-Purus (Arawakan) phonology. *International Journal of American Linguistics*.
- Carvalho, Fernando O. de, Françoise Rose. 2018. Comparative reconstruction of Proto-Mojeño and the diversification of Mojeño dialects. *LIAMES* 18 (1): 3–44.
- Courtz, Henk. 2008. *A Carib Grammar and Dictionary*. Toronto: Magoria Books.

- Danielsen, Swintha. 2007. *Baure: An Arawak Language of Bolivia. Indigenous Languages of Latin America (ILLA)*. Leiden: Research School CNWS.
- Epps, Patience. 2015. The Dynamics of Linguistic Diversity: Language Contact and Language Maintenance in Amazonia. *Presentation at the Diversity Linguistics Conference, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, May 1–3, 2015*.
- Ericksen, Love, Swintha Danielsen. 2014. The Arawakan Matrix. In: L. O'Connor, Pieter Muysken (eds.). *The Native Languages of South America*: 152–176. Cambridge University Press.
- Evans, Nicholas. 2005. Australian languages reconsidered: A review of Dixon (2002). *Oceanic Linguistics* 44 (1): 216–260.
- Eska, Joseph, Donald Ringe. 2004. Recent Work in Computational Linguistic Phylogeny. *Language* 80 (3): 569–582.
- Facundes, Sidney. 2000. *The language of the Apurinã people of Brazil*. Doctoral Dissertation: SUNY at Buffalo.
- Friis Boegh, Kristoffer, Aymeric Daval-Markussen, Peter Bakker. 2016. A Phylogenetic analysis of stable structural features in West African languages. *Studies in African Linguistics* 45 (1/2): 61–94.
- Galucio, Ana V., Sérgio Meira, Joshua Birchall, Denny Moore, Nilson Gabas Júnior, Sebastian Drude, Luciana Storto, Gessiane Picanço, Carmen R. Rodrigues. 2015. Genealogical Relations and Lexical Distances within the Tupian Linguistic Family. *Bol. Mus. Para. Emilio Goeldi. Ciênc. hum.* 10 (2): 229–274.
- Geisler, Hans, Johann-Mattis List. 2010. Beautiful Trees on Unstable Ground: Notes on the data problem in lexicostatistics. In: Hettrich, H. (ed.). *Die Ausbereitung des Indogermanischen: Thesen aus Sprachwissenschaft, Archäologie und Genetik [The Diffusion of Indogermanic: Theses from Linguistics, Archaeology, and Genetics]*: 1–10. Wiesbaden: Reichert.
- Gil, Wayne. 1970. *Diccionario Trinitario-Castellano, Castellano-Trinitario*. Ms. Misión Nuevas Tribus.
- Hanson, Rebecca. 2010. *A Grammar of Yine (Piro)*. Doctoral Dissertation: LaTrobe University.
- Heggarty, Paul. 2010. Beyond lexicostatistics: How to get more out of 'word list' comparisons. *Diachronica* 27 (2): 301–324.
- Honkola, Terhi, O. Vesakoski, K. Korhonen, J. Lehtinen, K. Syrjänen, N. Wahlberg. 2013. Cultural and climatic changes shape the evolutionary history of the Uralic languages. *Journal of Evolutionary Biology* 26: 1244–1253.
- Hornborg, Alf, Jonathan Hill. 2011. *Ethnicity in Ancient Amazonia: Reconstructing Past Identities from Archaeology, Linguistics and Ethnohistory*. University Press of Colorado.
- Kaufman, Terrence. 1990. Language history in South America: What we know and how to know more. In: Doris L. Payne (ed.). *Amazonian Linguistics: Studies in Lowland South American Languages*: 13–74. Austin: University of Texas Press.
- Klumpp, Deloris. 1995. *Vocabulario Piapoco-Español*. Bogotá: Instituto Lingüístico de Verano (ILV).
- Lathrap, Donald. 1970. *The Upper Amazon*. Thames & Hudson.
- Launey, Michel. 2003. *Awna Parikwaki: Introduction à la langue Palikur de Guyane et de l'Amapá*. Paris: IRD Éditions.
- Loukotka, Čestmir. 1968. *Classification of South American Indian Languages*. Los Angeles: University of California.
- Marbán, Pedro. 1701. *Arte de la Lengua Moxa, com su vocabulário, y cathecismo*. Lima: Imprenta Real de Joseph de Contreras.
- Mason, John A. 1950. The language of South American Indians. *Handbook of South American Indians* 143: 157–317.
- McMahon, April, Robert McMahon. 2005. *Language Classification by Numbers*. Oxford University Press.
- Meira, Sérgio. 2000. *A reconstruction of Proto-Taranoan phonology and morphology*. München: LINCOM Europa.
- Meléndez Lozano, Miguel Ángel. 2011. *Diccionario Achagua-Español, Español-Achagua*. Bogotá: Universidad de los Andes.
- Michael, Lev. 2008. *Nanti evidential practice: Language, knowledge and social action in an Amazonian society*. Doctoral dissertation: University of Texas at Austin.
- Michael, Lev. 2009. Review of Ramirez 2001. *International Journal of American Linguistics* 75 (3): 447–450.
- Michael, Lev. 2020. Rethinking the communicative functions of evidentiality: Event responsibility in Nanti (Arawakan) evidential practice. *Cadernos de Etnolinguística* 8 (1): 95–123.
- Muysken, Pieter, Loretta O. Connor. 2014. Introduction: South American indigenous languages; genealogy, typology, contacts. In: Loretta O'Connor, Pieter Muysken (eds.). *The Native Languages of South America: Origins, Development, Typology*: 1–26. Cambridge University Press.
- Nichols, Johanna, Tandy Warnow. 2008. Tutorial on Computational Linguistic Phylogeny. *Language and Linguistics Compass* 2 (5): 760–820.
- Nies, Joyce. 1986. *Diccionario Piro*. Instituto Lingüístico de Verano (ILV).

- Noble, G. Kingsley. 1965. *Proto-Arawakan and its Descendants*. Bloomington: Indiana University Press.
- Nogueira-Santamaría, María C., Carl Edlund Anderson, Daniel Uricoechea, Clemencia Durán, Ignacio Briceño-Balcázar, Jaime Bernal Vilegas. 2015. Mitochondrial DNA Analysis Suggests a Chibchan Migration into Colombia. *Universitas Scientiarum* 20 (2): 261–278.
- Oliver, José. 1989. *The archaeological, linguistic and ethnohistorical evidence for the expansion of Arawakan into northwestern Venezuela and northeastern Colombia*. Doctoral Dissertation: University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Olza Zubiri, Jesús, Conchita Nuni de Chapi, Juan Tube. 2002. *Gramática Moja Ignaciana (Morfosintaxis)*. Caracas: Universidad Católica Andrés Bello.
- Ott, Willis, Rebecca de Ott. 1983. *Diccionario Ignaciano y Castellano con apuntes gramaticales*. Cochabamba: Instituto Lingüístico de Verano (ILV).
- Parker, Steve. 1995. *Datos de la Lengua Iñapari*. Pucallpa: Instituto Lingüístico de Verano (ILV).
- Parker, Steve. 1999. A sketch of Iñapari phonology. *International Journal of American Linguistics* 65 (1): 1–39.
- Patte, Marie-France. 2011. *La Langue Arawak de Guyane*. Marseille: IRD Éditions.
- Payne, David. 1985. The genetic classification of Resígaro. *International Journal of American Linguistics* 51: 222–231.
- Payne, David. 1987. Some morphological elements of Maipurán Arawakan: Agreement affixes and the genitive construction. *Language Sciences* 9 (1): 57–75.
- Payne, David. 1991. A classification of Maipurán (Arawakan) languages based on shared lexical retentions. In: Desmond Derbyshire, G. K. Pullum (eds.). *Handbook of Amazonian Languages*: 355–499. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Pereltsvaig, Asya, Martin Lewis. 2015. *The Indo-European Controversy: Facts and Fallacies*. Cambridge University Press.
- Pet, Willem. 2011. *A Grammar Sketch and Lexicon of Arawak (Lokono Dian)*. SIL E-books 30. Summer Institute of Linguistics.
- Postigo, Adriana. 2014. *Língua Wauja (Arawak)*. Doctoral Dissertation: UNESP.
- Ramirez, Henri. 2001. *Línguas Arawak da Amazônia Setentrional*. Manaus: EDUA.
- Ringe, Don, Tandy Warnow, Ann Taylor. 2002. Indo-European and Computational Cladistics. *Transactions of the Philological Society* 100 (1): 59–129.
- Rowan, Orlando. 2008. *Dicionário Paresi-Português*. Cuiabá: Sociedade Internacional de Linguística.
- Rowe, John Howland. 1954. Linguistic Classification Problems in South America. In: C. Chretien, M. Beeler, M. Emeneau, M. Haas (eds.) *Papers from the Symposium on American Indian Linguistics*: 13–19. University of California Press.
- Sabio, Fernando, Celia Karina Ordóñez. 2006. *Hereru Wagüchagu*. La Ceiba: Honduras.
- Scliar, Maria O. et al. 2014. Bayesian Inferences Suggest that Amazon Yunga Natives diverged from the Andeans less than 5000 yBP: Implications for South American prehistory. *BMC Evolutionary Biology* 14: 174.
- Shaver, Harold. 1996. *Diccionario Nomatsiguenga-Castellano, Castellano-Nomatsiguenga*. Lima: Instituto Lingüístico de Verano (ILV).
- Starostin, George. 2014. Macro-comparative linguistics in the 21st century: State of the art and perspectives. *Journal of Language Relationship* 11: 1–12.
- Sutton, Peter, Harold Koch. 2008. Australian languages: A singular vision. *Journal of Linguistics* 44: 471–504.
- Taylor, Douglas. 1956. Language contacts in the West Indies. *Word* 12 (3): 399–414.
- Taylor, Douglas. 1958. The place of Island Carib within the Arawakan family. *International Journal of American Linguistics* 24 (2): 153–156.
- Taylor, Douglas. 1959. Homophony or Polysemy? *International Journal of American Linguistics* 25 (2): 134–135.
- Taylor, Douglas, Berend Hoff. 1966. Review of Proto-Arawakan and its Descendants, by G. Kingsley Noble. *International Journal of American Linguistics* 32 (2): 302–308.
- Urban, Greg. 1992. A história da cultura brasileira segundo as línguas nativas. In: Manuela Carneiro da Cunha (ed.). *História dos Índios no Brasil*. São Paulo: Companhia das Letras.
- Valenzuela, Pilar. 1991. Comprobación del lugar de la lengua Iñapari dentro de la rama preandina de la familia Arawak. *Revista Latinoamericana de Estudios Etnolingüísticos* VI: 209–239.
- Verkerk, Annemarie. 2017. Phylogenies: Future, not fallacy. *Language Dynamics and Change* 7: 127–140.
- Walker, Robert, Lincoln A. Ribeiro. 2011. Bayesian phylogeography of the Arawak expansion in lowland South America. *Proceedings of the Royal Society B* 278: 1–6.
- Watkins, Calvert. 1990. Etymologies, equations and comparanda. In: Philip Baldi (ed.). *Patterns of Change, Change of Patterns: Linguistic Change and Reconstruction Methodology*: 289–304. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.

Фернанду де Карвалью. Критическая оценка вычислительной филогенетики аравакской языковой семьи на основании анализа предполагаемых когнаций

Целью настоящей статьи является критический анализ лингвистических данных в широко цитируемой работе Walker & Ribeiro (2011), содержащей автоматизированную филогенетическую классификацию языков, относящихся к аравакской семье. Учитывая, что представленные в ней выводы о внутренней структуре этой большой семьи напрямую зависят от принятых в работе этимологических решений, и что достаточно амбициозные выводы авторов относительно доисторических путей миграции аравакоязычных народов целиком основаны на полученной классификации, мы приходим к выводу, что полученные авторами результаты должны быть отвергнуты. Аналитические ошибки авторов включают как ложные негативы (незамеченные родственные связи между формами), так и ложные позитивы (неродственные формы, засчитанные как отражения общей прааравакской праформы). Общая методология расстановки когнационных индексов в целом остается неясной, а конкретные итоги настолько разительно отличаются даже от поверхностных представлений о фонетическом сходстве, что итоговая дистрибуция когнатов выглядит в целом независимой от реальных данных. Настоящая статья призывает к более трезвому анализу исторических данных по языкам коренного населения Южной Америки, основанному на прозрачном и подкрепленном качественными данными применении сравнительно-исторического метода, равно как и к отказу от беспочвенных заявлений относительно бесполезности применения этого метода к анализу языковой истории этого континента.

Ключевые слова: аравакские языки; когнация; этимология; вычислительная филогенетика.

Lexicostatistical Studies in East Sudanic II: The Case of Nyimang

The paper continues the author's efforts to build up a lexicostatistical basis for the hypothesis of a genetic relationship between several African language groups and families collectively known as «East Sudanic». Here, on the basis of lexical comparison between core basic vocabularies, I argue that the small Nyimang language group of the Nuba Mountains is indeed genetically related to the «core Northeast Sudanic» trio of Nubian, Nara, and Tama, rather than to the much more distantly related Temein languages, also found in the Nuba Mountains. However, this relation may be even more distant than the one between Nubian, Nara, and Tama themselves. Additionally, it is shown that this issue is difficult to resolve without bringing into the comparison at least a limited amount of data from other potentially East Sudanic languages, bringing out the limitations of purely binary (or even ternary) comparison when it comes to establishing the genetic affiliation of small and chronologically remote linguistic entities.

Keywords: East Sudanic languages; Nubian languages; Nara language; Nyimang languages; Tama languages; Temein languages; lexicostatistics; basic vocabulary.

Introduction

In my previous study, published as the first part of a series aimed at redefining the external borders, internal classification, and approximate age of the East Sudanic language family (Starostin 2017), I have conducted a mixed lexicostatistical and etymological analysis of the basic lexicon (50-item wordlist subset) for the Nubian, Nara, and Tama language groups. The conclusion reached was that the evidence was fully supportive of a genetic relationship between these three taxa, albeit one which should probably be regarded as somewhat more distant than genetic relationships between families to which the standard comparative method is applied commonly and efficiently (e.g. Indo-European).

It was also pointed out that this conclusion was in full agreement with the phylogenetic schemes of those linguists who have been, on the whole, supportive of either the East Sudanic or the larger Nilo-Saharan hypothesis, such as M. Lionel Bender, Claude Rilly, and Christopher Ehret (the latter, in his own classification of Nilo-Saharan languages, introduces the term «Astaboran» to denote the unity of Nubian, Tama, and Nara). Beyond that agreement, however, the subsequent genetic connections of the NNT unity remain less certain.

One particular point of minor controversy concerns the status of a very small language group, located in Northern Kordofan and consisting of but two closely related idioms which we shall refer to individually as Ama (endoglossonym; formerly called Nyimang due to geographic localization in the Jebel Nyima mountains) and Dinik (formerly Afitti, based on one of the clan names), and collectively as the Nyimang languages. In Joseph Greenberg's original definition of East Sudanic, this group was simply listed as one out of ten branches of the family (Greenberg 1966: 85). Later on, Bender included it into his «Ek» subgrouping, comprising NNT and Nyimang (Bender 2005: 1); the same subgrouping, dubbed «Northeast Sudanic», was also accepted by Claude Rilly (2009: 44) and Gerrit J. Dimmendaal (2018: 12). On the other hand, Ehret disputes such a classification, placing the Nyimang languages in his classification closer to yet

another small cluster of Nuba Mountain languages — Temein (Ehret 2001: 70). And, although his opinion seems to be isolated within the small circles of African macro-comparative linguists, it is most likely indicative of unresolved problems and has to be taken into consideration.

In this paper, I would like to further investigate the classificatory hypotheses of Bender and Rilly and extend the methodology that was earlier used to demonstrate the existence of strong links between Nubian, Nara, and Tama to the Nyimang languages. To do that, I shall present a comparison between the reconstructed 50-item wordlists for all four of these sub-groups and the respective 50-item wordlist for Nyimang («Proto-Nyimang» where the word in question is attested in both Ama and Dinik and may be reconstructed for the protolevel, or the respective synchronic attestations in Ama and/or Dinik if the two languages exhibit different etymological roots for the same concept).

In addition, I will also take into consideration the corresponding data for Temein languages, for the following reasons: (a) Ehret's alternate hypothesis of a close relationship between Nyimang and Temein deserves at least a quick formal check; (b) if Nyimang and Temein languages are not closely related, they are still geographically adjacent to each other and may share elements of convergent development, which makes it all the more worthwhile to apply lexicostatistical testing to this pair as well, and see if the method actually allows us to distinguish between genetic and areal connections.

General information and data sources

1. *Nyimang*. This grouping, as has already been mentioned above, consists of but two languages: Nyimang proper, or Ama, spoken by approximately 70,000 people in Jebel Nyima, and Dinik (Afitti), spoken by only about 4,000 people in the same region (R. Stevenson's estimations circa 1982–84). Geographically, speakers of Nyimang are largely interspersed with speakers of Hill Nubian languages, which makes the issue of their genetic affiliation somewhat more challenging, since, if they do form part of the East Sudanic languages, this would imply the necessity of disentangling Nyimang-Nubian isoglosses inherited from a common ancestor from secondary ones, arising from areal contact.

The first known data on Ama (a list of approximately 40 words in total) were collected by Carl Meinhof and published in his general survey on languages of the Sudan area (Meinhof 1916: 334–335). The first mention of Dinik (Afitti) appears somewhat later, in two papers containing a brief phonetic and grammatical description of the language (Kauczor, Drexel 1930) and an example of a text with translation, but no vocabulary (Kauczor 1923). The first comparative treatment of both languages, showing their close relationship to each other, was performed on the basis of only 19 basic lexemes from each idiom as part of a general comparative survey of languages in the Kordofan area (MacDiarmid, MacDiarmid 1931).

Serious investigation into both languages, however, only begins with the research of Roland C. Stevenson, who spent many years collecting data on various languages of the Nuba Mountains, including Nyimang. His original publications on the subject were largely restricted to a brief grammatical sketch (Stevenson 1957: 171–183), followed by specific papers dealing with various aspects of Nyimang grammar (Stevenson 1981; Stevenson, Rottland, Jakob 1992). However, already after his death most of his data on the lexicon of Ama and Dinik — altogether approximately 550 lexical terms for Ama and slightly fewer for Dinik — were edited and published by M. Lionel Bender (Stevenson 2000); this collection is now our primary source of lexical information on Ama and Dinik, and the data are generally sufficient to extract a near-complete Swadesh wordlist for both languages.

In more recent times, fieldwork on Nyimang has also been conducted by Claude Rilly (2004–2008), who has published excerpts of his data as part of his attempt at a lexical reconstruction of Proto-Northeast Sudanic (Rilly 2009), and by Alex de Voogt, who has published an updated phonological sketch of Dinik with some new data (Voogt 2009). As of today, however, Stevenson’s wordlists, whose phonetic and semantic accuracy seem to be largely vetted by both older and newer fragments of collected data, remain the default data source for any historical research on Nyimang.

The only attempt at a reconstruction of Proto-Nyimang phonology belongs to Rilly (2009: 291–295), who has established (Table 1) the following common phonological inventory for Ama and Dinik (without any significant phonetic change):

Labial	Dental	Alveo-dental	Palatal	Velar
	*t̪	*t		*k
*b	*d̪	*d		*g
*f		*s		
*w		*l		
		*r		
*m		*n	*ɲ	*ŋ

Table 1. Phonological system (consonants) of Proto-Nyimang (following Rilly 2009)

Vocalic reconstruction remains less certain, but the system is likely to have contained at least five standard phonemes (*a, *e, *i, *o, *u); more problematic is the issue of reconstructing for Proto-Nyimang +/-ATR-type oppositions such as *e : *ɛ, *o : *ɔ, as well as the distinctive feature of vowel length.

From a typological perspective, the most striking feature of Nyimang which distinguishes it from NNT languages and, conversely, brings it closer to Temein (and «Southeast Sudanic» in general, including such families as Surmic and Nilotic) is the phonological opposition between dental and alveo-dental (alveolar) consonants¹. On the other hand, the lack of a clear-cut distinction between large subsets of +ATR and -ATR vowels is more typical of NNT than «Southeast Sudanic», so even from a purely typological point of view the group presents an interesting case of a potential mixture between genetically inherited and areally obtained features.

Complete Swadesh wordlists for both Ama and Dinik have been extracted from Stevenson’s vocabularies (with occasional corroboration of dubious cases based on other available sources), annotated, and published as part of the Global Lexicostatistical Database project (<http://starling.rinet.ru/new100>). Lexicostatistical calculations show approximately 58% of direct matches between Ama and Dinik, which yields a glottochronological date of separation at approximately 2600–2800 years BP, about the same time as the disintegration of the Nubian language family.

2. *Nubian / Nara / Tama*. The exact same data sources are used as in our previous publication on the subject (Starostin 2017); please refer to that publication for details.

¹ It must be noted that de Voogt (2009: 41) notes the lack of a phonological opposition between dental and alveolar consonants in Dinik, rather affirming that the dental and alveolar consonants are typically found in free variation, which further corroborates a similar earlier analysis in Kauczor, Drexel 1930. However, Rilly (2009) confirms that at least in Ama the opposition, as described by Stevenson, is clearly phonological, so the situation in Dinik is probably secondary; it is possible that the original opposition has gradually become neutralized under the linguistic influence of nearby Nubian languages, as well as Arabic.

3. *Temein*. Since the Temein languages are not the primary focus of this paper, provided information will be very brief. This small group consists of three closely related languages (Temein proper, or Rongo; Keiga Jirru, or Doni; Tese), spoken in the Western regions of the Nuba mountains. They have mostly been studied by the same researchers who also did work on Nyimang, beginning with the MacDiarmids (1931) and culminating in the studies of Roland C. Stevenson (1957, 1978–1986, 1978–1979, 1988; the latter three references are all to Stevenson’s manuscripts containing wordlists for all three languages, made available to the general public through courtesy of Roger Blench).

Relevant phonological descriptions of Temein languages may be found in Stevenson 1957, as well as Yip 2004, the only known important modern work on the phonology of a Temein language (namely, Tese). No attempts at a reconstruction of Proto-Temein phonology have been made, largely because all three phonological systems are extremely close to each other and most of the phonetic differentiation is usually the result of regular or sporadic assimilative processes in the sphere of vocalism. The general system of consonants, on the whole, is not too different from Nyimang, with the exception of the additional presence of a palatal affricate (*ʒ); the two-way opposition in the sub-system of plosives is described as either an opposition between voiceless phonemes and voiced or implosive phonemes (Stevenson), or as one between positionally conditioned voiceless or voiced phonemes and purely implosive phonemes (Yip). For technical reasons, in our Proto-Temein reconstruction we prefer the solution of Stevenson, reconstructing *p / *b, *t / *d, *t / *d, *k / *g as valid phonological contrasts.

Reconstructed wordlists

Below (Table 2) we present the standard 50-item subset of the Swadesh wordlist (subscript indexes reflect the «average stability index» of the items as per Starostin 2010) accompanied with the most likely onomasiological reconstructions of the appropriate concepts for:

- (a) Nubian / Nara / Tama (NNT). No common NNT reconstruction is provided due to the phonological system of Proto-NNT not having yet been elaborated to general satisfaction. In order to minimize accidental resemblances, we fill in the respective slot *only* in the presence of a possible isogloss between at least two out of three branches of the taxon, and *only* when the item in question is formally reconstructible for either Proto-Nubian or Proto-Tama (i.e. encountered in more than one branch of the family or is at least present in most languages of the deepest / most archaic branch of that family). Thus, entries for ‘black’, ‘blood’, etc. are left empty because all three branches feature unrelated words for these concepts; entry for ‘claw/nail’, on the other hand, is filled in because Proto-Nubian *suŋ-di and Proto-Tama *ŋosa may be related through metathesis, etc.;
- (b) Proto-Nyimang (N). Asterisked reconstructions are provided for cases when the word in question is attested in both descendants; otherwise, Afitti (A) and Dinik (D) forms are listed separately if both are equiprobable to reflect the original Swadesh root for the concept;
- (c) Proto-Temein. Asterisked reconstructions are provided for cases when the word in question is attested in at least two out of three languages (as it turns out, for the 50-item wordlist this is always the case). Specific forms from Temein languages will be listed and referred to in the comments below if they are relevant to the comparison with Nyimang.

N ₀	Word	NNT	Nyimang		Temein	Matches
1	'ashes' ₃₈	NU *ubur-ti, TA *or-ŋo	*finan		*ul(u)-	—
2	'bird' ₃₃	NU *kawir-, NA karba	*or-du		*=awe	±NNT
3	'black' ₄₈	—	*=bi-		*=tʃʃi-	—
4	'blood' ₂₀	—	*ule		*moni-	—
5	'bone' ₃₄	NU *kəsi-di, NA ketti, TA *ki-(ŋa)-ti	*am-		*am-	+T
6	'claw/nail' ₁₉	NU *suŋ-di, TA *ŋosa- (?)	*fal-		*=ol-	±T
7	'die' ₁₃	NU *di:-, NA di:-	*lu-		*bu(l)-	—
8	'dog' ₁₆	NA wəs, TA *wes-i NU *bəl	A gil	D wul	*=we-	+NNT
9	'drink' ₁₅	NU *ni:-, NA li:-, TA *li-	A li ~ il		*awis-	+NNT
10	'dry' ₂₄	—	*far-		*ra:ri	—
11	'ear' ₃₂	NA *tus, TA *(ŋ=)us (?)	*ŋɔɔr-		*wen(-a)	—
12	'eat' ₂₅	NU *kəl-, NA kəl-	*tam- (impf.) / *təl- (pf.)		*lam-	±NNT
13	'egg' ₄₇	NU *kumbu, TA *kob-	*dami		*war-	—
14	'eye' ₄	NU *mij-, TA *emeŋ-	*aŋ(w)-		*=aŋ- ~ *=aŋ-	+T
15	'fire' ₇	NU *usi-gi, TA *us-g	*mer		*paɖŋ	—
16	'foot' ₄₃	—	A kire		*=alwa- (?)	—
17	'hair' ₂₇	—	*yi-		*zɛ-ɬ	±T
18	'hand' ₁₁	NU *ə-si, NA a:-t, TA *aw-g	A a(y)i		*=ɛn(-a)	+NNT
19	'head' ₄₉	NU *or, TA *ur	*ɔr-		*=vlo	+NNT
20	'hear' ₄₅	NU *giɜ-, TA *sig- (?)	*kid- ~ *kil-		*tɔŋ ^w -	—
21	'heart' ₁₄	NA asim-a, TA *samil	*tulum		*om (?)	—
22	'horn' ₄₄	NU *ŋəzi, TA *ŋawi-ti	*gur-		*kini	—
23	T ₃	NU *ə-y, NA a-g	*ay		*n=a-n	+NNT, +T
24	'kill' ₄₂	NA si, TA *siy-	*ni		*ɔtʃu	—
25	'leaf' ₄₁	—	A kwɔ	D laluwa	*kabo (?)	—
26	'louse' ₁₇	NA ši-ti, TA *sin-	*ŋun ~ *un		—	—
27	'meat' ₄₆	—	*kun		*ini ~ *ili	—
28	'moon' ₁₈	—	*k(e)wur		*kaw	±T
29	'mouth' ₃₁	NU *agul, NA awolo, TA *kul	*ŋal		*=tʃv- ~ *=tʃt-	—
30	'name' ₁₀	NA a:da, TA *at	*aŋɛ-		*kalŋ	—
31	'new' ₂₃	—	*ŋɛri		*=ŋan	—
32	'night' ₅₀	NU *awar, TA *war	*tuni		*=zoni	—
33	'nose' ₂₉	—	*(a)ŋud-		*=min- ~ *=tʃim-	—
34	'not' ₃₀	NU *m-, NA ma=, TA *m=	A fa		*za=... -ŋ	—
35	'one' ₂₁	—	A pala	D anda	*k=iɖ(ɔ)-	—
36	'rain' ₃₉	NU *ar-, TA *ar-	*ar-		*n'o(-)k	+NNT
37	'smoke' ₃₆	—	A ŋɛši	D lɔsga	*kɪ=tʃmu(-k)	—
38	'star' ₄₀	NU *wape, NA wi:ni, TA *mij-	D midi		*ɖuli-	±NNT
39	'stone' ₉	—	A mid(i)r	D mbəɛ	*kure-ɬ	—
40	'sun' ₃₅	—	*ŋiŋ	*n(i)=onu(-k)	—	—

Table 2. Comparative 50-item wordlists for Nubian-Nara-Tama, Nyimang, and Temein

N ₀	Word	NNT	Nyimang	Temein	Matches
41	'tail' ₂₆	—	D weya	*rɪŋ-kak	—
42	'thou' ₅	NU *e ~ *i, NA ɪ-ŋa, TA *i-	*i	*n=i-n	+NNT, +T
43	'tongue' ₈	NU *ɲalT-, TA *lɔna-t	A ŋildi D ɔɔ	*=kandɪma-	+NNT
44	'tooth' ₂₂	NA nihi, TA *ŋeɜ-, NU *ɲəl-	*ɲil-	*=ay-	+NNT
45	'tree' ₃₇	[NA tum 'wood']	*tuma	*marɛŋ	±NNT
46	'two' ₂	NU *awri, NA ari, TA *wari	*arba-	*k=aro	+NNT, +T
47	'water' ₂₈	—	*bɔŋ	*=mɔŋ	+T
48	'we' ₁	NU *a-y, NA *a-gga	*ay-g-	*k=a-ɬ	+NNT, +T
49	'what' ₁₂	NU *nwa- ~ *nwi-, TA *num	*(a)ŋi	*ŋa-i	+T
50	'who' ₆	NA na-, TA *na; NU *ŋə-y	*ŋa-	*ŋa-nɪ	+NNT, +T

Table 2. Comparative 50-item wordlists for Nubian-Nara-Tama, Nyimang, and Temein (continued)

Matches are identified as follows:

- a + between Nyimang and either NNT or Temein indicates a «perfect» phonetic alignment between the reconstructed Proto-Nyimang item and its potential correlate in either Proto-Temein or in one of the three branches of NNT according to the method of Dolgopolsky's consonant classes (the exact same one used in my previous works on the subject, e.g. Starostin 2017);
- a ± between Nyimang and either NNT or Temein indicates a «plausible» phonetic alignment between the compared items, in that they share a certain degree of phonetic similarity (with at least one out of two consonants which constitute the «consonantal skeleton» of the root belonging to the same Dolgopolsky class) and a credible, if unprovable, scenario to reconcile the differences may be presented (see below notes on such words as 'bird', 'eat', 'star', etc.). Such cases cannot be used as proper lexicostatistical evidence, but ignoring their existence altogether would be imprudent in a clearly long-range comparison.

Detailed analysis of Nyimang entries

1) 'ashes': N *finan → A *finàn* [St.], *finān* [CR], D *fɪɲín* [St., CR].

No matches with either NNT or Temein.

2) 'bird': N *or-du → A *wór* [St., CR], D *órdō* [St.], *órdò* [CR]. || Second syllable in D is likely suffixal (cf. A *kwènì* 'knife' = D *k(w)ón-dù* id.).

Root morpheme **or-* may be compared with PNu **kawir-* 'bird' (Kenuzi *kawir-te*, etc.) under the condition that **k(a)=* in PNu is a fossilized prefix (a case of the famous Nilo-Saharan «*k*-mobile»); in fact, if Nara *karba* 'bird' also belongs here, this would project the fossilization itself onto the PNNT level. This is a highly speculative scenario, and its acceptance or rejection will depend on further investigation of the issue of possible fossilized morphological elements in NNT languages; nevertheless, the N form is still closer in shape to NNT than Temein *=*awe* (T *i=āwè*, J *n=ǰi*).

3) 'black': N *=*bi-* → A *t̪ē=bīò* [St.], *t̪ē=bīò* [CR], D *t̪ī=bīà* [St.], *t̪ī=bīà* [CR]. || The first syllable is clearly detachable as a productive dental prefix, seen in many other color terms as well (e.g. A *t̪ē=gīl-ē* 'red', A *t̪ā=bār* 'white').

No matches with any equivalents in NNT languages (the word is not reconstructible for the PNNT level) or with Temein.

4) 'blood': N **ule* → A *wíli* ~ *wúli* [St.], *wúlí* ~ *wílí* [CR], D *ólè* [St., CR]. || Word-initial **w-* does not seem to be historically phonological in this case.

No matches with either NNT or Temein.

5) 'bone': N **am-* → A *ám(b)í* [St.], *ámí* [CR], D *ámá* [St.], *ámá* [CR].

This is very clearly the exact same root as in Temein languages (T *àm-ís*, J *àm-ík*). NNT languages have a completely different set of forms.

6) 'claw (nail)': N **fal-* → A *fálè* [St.], *fàli* [CR], D *fálà* [St.], *fálá* [CR].

This form has no parallels in NNT, but could be compared to the corresponding item in Temein (only T proper: sg. *l=úli-ṭ* /probably ← **n=úli-ṭ* with assimilation/, pl. *k^(w)=ó:li-n*) under the assumption of contraction from the original stem **nV=púli*. Without any parallel examples to confirm the possibility of such a contraction, the match is questionable, but should not be ignored altogether.

7) 'die': N **lu-* → A *lw-è* (impf.), *lū-à* (pf.) [St.], D *lú-è* [St.], *lō* [CR].

No matches with either NNT or Temein.

8) 'dog': A *gíl* [St.], *gíl* [CR]; D *wùl* ~ *wíl* [St.], *wúl* [CR].

Despite some phonetic similarity, A and D forms cannot be related (no other examples of A *g-* corresponding to D *w-* are attested). C. Rilly tentatively suggests a borrowing from Nubian into D (which would leave **gíl* as a better candidate for the proto-level), but this is not very realistic, since the main contacts between D and Nubian languages involve Hill Nubian idioms, all of which feature a voiced stop reflex for this word (Proto-Hill Nubian **bəl* 'dog'). A genetic link between D *wul* and Proto-Nubian **bəl* 'dog' is, therefore, not out of the question.

9) 'drink': A *li* (impf.), *ṭw=il* (pf.) [St.]; D *dái* [St.], *ḍaù*, imperative *ḍaí* [CR].

Of these two different roots, the first one is fully compatible with the main NNT root for 'drink' (Nubian **ni-*, Nara *li-*, Ta **li-*, with the regular development **l-* → **n-* in Nubian). Temein **awis-* is clearly a completely different root.

10) 'dry': N **far-* → A *ā=f̣r* [St.], *ā=?f̣r* [CR], D *f̣r-á-f̣r-à* [St.], *f̣r-á-f̣r-á* [CR].

No matches with either NNT or Temein.

11) 'ear': N **ɲɔɔr-* → A *ɲɔɔr* ~ *ɲɔwɔr* [St.], *ɲógór* [CR], D *ɲōrwà* ~ *ɲēr-wà* [St.], *ɲōrwá* [CR].

No matches with either NNT or Temein.

12) 'eat': N **tam-* (impf.) → A *tàm* [St.], *tām* [CR], D *ṭāmàn* [St.], *ṭāmón* [CR]; **ṭal-* (pf.) → A *ṭàl* [St.], *ṭāl* [CR], D *ṭùl-ò* [St.], *ṭālò* [CR].

The imperfective form **tam-* is morphologically unsegmentable; however, the suppletive perfective stem **ṭal-* may be analyzed as containing the productive perfective prefix *ṭ-* (see 'drink' above, as well as other examples). In the latter case, the original form of the root may have been either **al-* or **kal-*, since root-initial *k-* is regularly deleted in Nyimang after that prefix (e.g. *kai* 'to chop' → pf. *ṭ=ai*, *kiw* 'to dig' → pf. *ṭ=iw*, etc.). An original root **kal-* 'eat' would be perfectly compatible with the most common NNT root for 'eat': Nu **kəl-*, Na *kəl-*.

13) 'egg': N **dami* → A *dámì* [St., CR], D *dómì* [St., CR].

No matches with either NNT or Temein.

14) 'eye': N **aŋ(w)-* → A *āŋè* [St.], *āŋè* [CR], D *āŋwá* [St.], *āŋwa* [CR].

A very transparent correlation with Temein **=aŋ-* ~ **=aŋ-* 'eye' (Temein *n=íŋíñà-ṭ*, Doni *n=áŋānà-k*, Tese *n=á:n-ìk*).

15) 'fire': N **mer* → A *mìr* [St.], *mér* [CR], D *mbàrr* [St.], *mbór* [CR]. || We follow Rilly's reconstruction with **m-* rather than Bender's with **mb-* (based on comparative evidence, it seems that most root structures with resonants such as **mVr-* or **mVl-* regularly dissimilate to **mbVr-/ *mbVl-* in D).

No matches with either NNT or Temein.

16) 'foot': A *kìrè* [St.], *kírè* [CR]. || This seems a more likely candidate for proto-status than D *māgílà* [St.], *màg'ālà* [CR], a longer and possibly morphologically complex form.

In any case, no matches with either NNT or Temein (the concept 'foot' in general seems to be fairly unstable in most of the area).

17) 'hair': N **yi-* → A *zè* [St.], *zě* [CR], D *īyá* [St., CR]. || Neither Bender's proposed reconstruction of **zE* nor Rilly's variant **igé* seem satisfactory (N palatal **z* is typically preserved in D, and no confirming examples of palatalization **g* → *z* in A are attested). We suggest **yi-* as the original root, with A reflecting the morphological variant **yi-e* and D the morphological variant **yi-a* (cf. 'nail' above with precisely such a variation), with affricativization in A (no confirming or disproving examples, since word-initial **y-* is in general a rare phoneme in these languages).

A very clear parallel is seen in Temein: **zε-ṭ* 'hair' → Temein sg. *zě-ṭṭ*, pl. *kí=zě-ṭ*, Doni *kí=zà-k*, Tese *kí=zà-k*. Phonetically, the word is closer to A than to D, but if A *zε* ← **yi-e*, this particular proximity may be deemed secondary (indicating either borrowing or independent development).

18) 'hand': A *á^yyì* ~ *á^yzì* [St.], *ái* [CR]. || The relation of this form to D *á:ṭà* [St.], *áṭà* [CR] is unclear. Rilly suggests reconstructing **aḍi*, but there are no confirming examples of **-ḍ-* → *-y-* in A. Alternately, one might think of a suffixal extension in D, e.g. **ay-ṭa* → *a(:)ṭa*, but there is no additional evidence to suggest the existence of such a suffix in Nyimang languages.

On the other hand, this variation is curiously parallel to the one observed in NNT, where Nu **ɔ-si* and Tama **aw-g* 'hand' reflect an original **ay-* ~ **aw-*, whereas Nara shows a variant with a fossilized dental suffix (*a:t*). Temein languages show a completely different situation, with **=εn* as the most likely protoroot (Temein sg. *n=ín-àṭ*, pl. *k=én*, Doni sg. *n=án-ák*, pl. *k=éŋ*).

19) 'head': N **ɔr-* → A *wóŋò* [St.], *wōŋò* [CR], D *ór* [St.].

This is a precise phonetic match with the most widespread NNT root for 'head': Nu **or*, Ta **ur*. It should be noted that Temein **=vlo* 'head' also displays comparable phonetic similarity, but the correlation between N **r* and Temein **l* is problematic (both resonants are autonomous phonemes in these language clusters, and no other solid examples of such a potential correspondence are found in our data).

20) 'hear': N **kid-* ~ **kil-* → N *kìn-* (impf.), *kīl-* (pf.) [St.], D *kíd-í* [St.]. || Although it seems improbable that the listed forms are not related, reconstruction of the original root form is

problematic; only *-n-* in N *kìn-* is clearly segmentable as an imperfective suffix (cf. D impf. *kād-in* according to Rilly), while stem-final *-l-* and *-d-* are not known as productive suffixes, nor is this correspondence between N and D recurrent or indicative of a special phoneme.

Still, regardless of whether the original root has to be reconstructed as **ki-*, **kil-*, or **kid-*, it can hardly be considered a lexicostatistical match with either NNT or Temein forms.

21) 'heart': N **t̥ilum* → A *t̥úlúm* [CR], D *t̥ílīm* [St.], *t̥ílím* [CR]. || Note that Stevenson has a different equivalent for A: *wīlī-n wèl*, literally 'house /of/ blood'. In Rilly's notes, A *t̥úlúm* is actually polysemous (meaning 'heart' as well as 'torso'), and the form *tulum* is glossed as 'chest' rather than 'heart' in the small wordlist found in MacDiarmid, MacDiarmid 1931: 159.

It is curious to note Rilly's etymology of the A word *ās(ū)māl-ín* (= *ās(u)māli* [St.]) 'bedbug' as 'little heart' (Rilly 2009: 434); if correct, this is an excellent match with Nara *asima* 'heart', but one cannot help but wonder if the internal etymology was directly influenced by the phonetic similarity with Nara; at the very least, evidence from areal semantic typology would be needed to confirm the probability of such an unusual metaphoric development.

22) 'horn': N **gur-* → A *gūršì* [St.], *gūrší* [CR], D *gwùrt̥ùn* [St.], *gūrt̥ì(n)* [CR].
No matches with either NNT or Temein.

23) 'I': N **ay* → A *ai ~ a* [St.], *á ~ ái* [CR], D *oi ~ woi* [St.], *oí* [CR]. || Labial reflex in D probably under the influence of the genitive stem **o-un* (← **a-un* ?) = A *wo-un* [St.], D *ɔ-ŋ-gu* [CR].

A transparent and extremely important match with NNT (Nu **ə-y*, Na *a-g* 'I') which explains Bender's placement of Nyimang closer to his «Ek» languages rather than the «En» ones, including Temein (cf. Temein *n=án*, Doni / Tese *n=áŋ* 'I').

24) 'kill': N **ni* → A *nì* (impf.), *nī* (pf.) [St.], D *nī* [St.], *nìl* (impf.), *nī* (pf.) [CR].
No matches with either NNT or Temein.

25) 'leaf': A *kwô* [St.], D *lālūwà* [St.]. || The form in D is compared by Bender with A *lávà* 'grass'; it may be a reduplicated variant denoting a collective meaning.

The contour tone in A *kwô* may hint at an earlier contraction, which would make the form slightly closer to its Temein equivalent (Temein *kóbò-kìt̥*, pl. *kābó* 'leaf'); however, this phonetic alignment would require us to set up the deletion of intervocalic **-b-* (**kabɔ* → **kawɔ* → *kwɔ*), with no additional examples to support such a development.

26) 'louse': N **(ŋ)un* → A *wīnì* [St.], *wíní ~ wúní* [CR], D *ŋwūnà* [St.], *ŋwúnà* [CR]. || Initial nasal in D is more likely to be secondary than original, cf. a similar situation with A *wōn-ōn* 'scorpion' = D *ŋwūn-ák* id., where prenasalisation of the glide in D probably appears under the influence of word-medial *-n-*.

No matches with NNT or Temein either way.

27) 'meat': N **kun* → A *kwòn ~ kwùn* [St.], *kwón ~ kwún ~ kún* [CR], D *kwùn* [St.], *kún* [CR].
No matches with either NNT or Temein.

28) 'moon': N **k(e)wur* → A *kwûr* [St., CR], D *-kero* 'month' (only within compounds, found in Kauczor 1923). || In the basic meaning 'moon', D uses the form *ársàn* [St., CR] = A *ārsá* [St.], *ársàn* [CR] 'sky' (an unusual metonymic development, but more likely than just a coincidence). The archaic stem *-kero* is impossible to separate from A *kwûr*, but the exact shape of the proto-

form is difficult to reconstruct; with the contour tone in A suggestive of an original contraction, **kewur* seems like a solid candidate.

The root is somewhat phonetically similar to the main Temein word for 'moon': Temein *kóù*, Doni *kòùʔ*, Tese *káù* ← **kaw*. However, this would require morphological segmentation into **kew-ur*, with no easy explanation for the second morphological component.

29) 'mouth': N **ɲal* → A *ɲàl* [St., CR], D *ɲgìlà* [St.], *ɲgálà* [CR]. ‖ D *ɲgìlà* may be an erroneous transcription or the result of occasional contamination with *ɲgìla* 'tooth'.

Vaguely reminiscent of phonetically similar forms in NNT languages (Nu **agul*, Na *awɔlo*, Ta **kul*), but not enough to explain the nasal consonant.

30) 'name': N **aɲε-* (?) → A *āɲèr* [St.], dial. *āɲès* [CR]. ‖ D *ōrdòɲ* 'name' [St., CR] is probably borrowed from a Hill Nubian plural form (cf. Dair sg. *or*, pl. *or-du* ~ *or-dandu* id.). The variation between *āɲèr* and *āɲès* in A is hard to explain by phonetic factors and is probably morphological in origin, leaving **aɲ(ε)-* as the most likely original root for the concept.

No matches with either NNT or Temein.

31) 'new': N **ɲeri* → A *kā=ɲèr* [St.], *kà=ɲér* [CR], D *ɲīr-ì* [St.], *ɲīr-í* [CR]. ‖ Vocalic assimilation in D; original root shape is well preserved in A (augmented by the productive adjectival prefix *ka=*).

No matches with either NNT or Temein.

32) 'night': N **t̥uni* → A *t̥wîm* [St.], *t̥wín* [CR], D *t̥únì* [St., CR]. ‖ Root shape in D is primary, cf. similar developments (assimilative labialization followed by deletion of the final vowel in A) in such examples as D *bori* 'road' = A *bwir* id., D *oli* 'house' = A *wel*.

Phonetically similar to Temein **=zoni* 'night' (→ Temein *fó:n*, Doni *ā=zūnì*, Tese *fúni*), but no other cases support the recurrence of the correspondence N **t̥* : Temein **z*, so it makes more sense at present to consider the phonetic similarity as accidental.

33) 'nose': N **(a)ɲud̥-* → A *àmùd̥ù* [St.], *āmùd̥ù* [CR], D *ɲwùt̥à* [St.], *ɲwútí* ~ *ɲwútá* [CR]. ‖ Initial *a-* in A remains unclear (more likely to be an obscure morphological component than part of the root). First consonant is reconstructed as **ɲ* rather than **m* because assimilation **ɲu-* → *mu-* is not contradicted by other examples, unlike dissimilation (cf. N **mul* '5' → A *mùl*, D *mùl* id.).

No matches with either NNT or Temein.

34) 'not': A *fá*. ‖ Universal negation marker in A. Negation in D is not attested.

No matches with either NNT or Temein.

35) 'one': A *ɲálà* [St.], *ɲálā* [CR]; D *ándà* [St.], *ándá* [CR]. ‖ For the Mandala dialect of A Rilly gives both forms: *ɲálā* 'one', *ándá* 'only; lonely'; this may have been the original situation, with only one out of two lexemes generalizing both meanings in each language.

No matches with either NNT or Temein.

36) 'rain': N **ar-* → A *árīɲè* [St.], *árīɲè* ~ *árīɲé* [CR], D *árāɲgà* [St.], *ārɲgà* [CR]. ‖ Cf. also D *ār-sá* 'sky' (in A the form *árīɲè* expresses both meanings; *-iɲ-* is a productive diminutive suffix, so the form's original meaning is literally 'little sky' or 'child of the sky').

A transparent match with the most common NNT word for 'rain' (Nu **ar-*, Ta **ar-*).

37) 'smoke': A *ηḗṣì* [St.], *ηḗṣì* [CR]; D *lósḡà* [St.], *lós(ḡ)à* [CR].

No optimal candidate for Proto-Nyimang status and no matches with either NNT or Temein.

38) 'star': D *mīdí* [St.], *mādí* [CR]. || A *kwóršìlè* [St.], *kūršìlè* [CR] is probably a compound form, whose first component (after C. Rilly) is identifiable as *kwûr* 'moon' (not clear why; if the original meaning of the root was something like 'to shine' or 'light', this would be understandable).

If D *mīdí* is the more archaic form, a remote resemblance to Nu **waje*, Na *wini*, Ta **mij-* 'star' may not be accidental (especially if *mīdí* ← **mij-di* with a fossilized nominal suffix), but the connection must remain highly speculative for now.

39) 'stone': A *mìndr* ~ *mìdr* ~ *mìdìr* [St.], *mīndr̄* ~ *mīdìr̄* ~ *mīdìr̄* [CR]; D *mbārḗ* [St.], *mb(à)rḗ* [CR]. || No clear candidate for proto-status. The form in A is likely to be related to A *mēdḗ* [St.], *mēdḗ* [CR] 'mountain', although internal morphology remains unclear.

No matches with either NNT or Temein.

40) 'sun': N **niḡ* → A *nīháj* [St.], *nīj-áj* [CR]; D *hízì* [St.], *nígì* [CR]. || Rilly reconstructs **niḡ-*, but considering that roots with the structure **NVg-* do not usually undergo nasal assimilation (cf. *ḡḡḡr* 'ear' above), it would perhaps make more sense to assume dissimilation in D (**niḡ-i* → *níg-i*).

In any case, no matches with either NNT or Temein regardless of whichever variant of the reconstruction is preferred.

41) 'tail': D *wēyá* [St.]. || For A, Stevenson records *zè* 'tail', which is clearly the same word as 'hair' (see above). Unclear if this is a mistake or an actual lexical merger, since alternate sources on A have no data on this word.

D *wēyá* has no matches with either NNT or Temein.

42) 'thou': N **i* → A *í* [St., CR], D *í* [St., CR]. || Interesting suppletivism with the oblique stem in A, cf. genitive case forms — A *n-un* [St.], *n-ŭn* [CR]. Rilly suggests secondary development of the nasal from an original **i-unu* (→ **yun* → *nun* with assimilation), which seems a plausible explanation, particularly in view of the relative rarity, if not total absence, of such types of suppletivism in other East Sudanic languages.

A clear match with both NNT and Temein, but, once again (see 'T'), the form is clearly more close to NNT (Nu **e* ~ **i*, Na *i-ḡa*, Ta **i-*; «Ek» type) than to Proto-Temein **n=i-n* («En» type).

43) 'tongue': A *hildì* [St.], *hīldī* [CR]; D *ḡḡ* [St.], *ḡḡ* [CR]. || The two forms cannot go back to a single source: A may reflect an original **hīl-* (or **hīld-*), while D reflects an original **ḡl-* (or **ḡl-*).

A is clearly compatible with the main NNT root for 'tongue': Nu **ḡalT-*, Ta **lajna-t* (the latter with metathesis). Discrepancy in vocalism may be explained by vocalic assimilation in A (**haldì* → *hildì*; see 'tooth' below for further comment).

44) 'tooth': N **hīl-* → A *ìlè* ~ *èlè* [St.], *ìlè* [CR], D *hḡíl* [St.], *hḡílà* [CR]. || We follow Rilly in assuming that A and D forms are related and go back to an original **hīl-*; loss of **h-* before front vowel in A may be regular (no contradicting or supporting examples; cases of attested *hī-* in A may be interpreted as late assimilations from **hā-* before a front vowel in the second syllable, cf. 'tongue' above).

The reconstruction **hīl-* agrees reasonably well with the main Nu root for 'tooth' (**ḡal-*); whether it has something to do with Na *nihì*, Ta **hēz-* (these forms rather point to an original **Nig-*) is unclear.

45) 'tree' : N *tuma → A *tómà* ~ *túmà* [St.], *túmà* [CR], D *fīmà* [St.], *tàmá* [CR] 'wood, fire-wood'. || The meaning '(growing) tree' is today expressed in D by the Arabic borrowing *šídārà* [St.], *šiḍèrà* [CR].

No lexicostatistical matches with either NNT or Temein, but an obvious, phonetically and semantically perfect comparison is with Na *tum* 'wood' (this word is still glossed as both 'wood' and 'growing tree' in the old 19th century records of Leo Reinisch).

46) 'two': N **arba-* → A *ár(m)bà* [St.], *ārbā* [CR], D *ármàk* [St.], *ārmàg* [CR]. || Cf. also Mandala *ārm̄bà* [CR]. It is not quite clear if all the attested variants ultimately go back to **arba-* or **arma-*, but whatever the case, phonotactic structure of the form speaks in favor of an original root **ar-*, extended with a suffixal component (either *-ba-* or *-ma-*).

A solid match with both the NNT root for 'two' (Nu *awri, Na *ari*, Ta *wari) and the Temein form (Proto-Temein **k=aro*, with a productive numeric prefix). It is possible that the labial element cropping up in both Nu and Ta is actually the same as in N, indicating an original **ar-b-* or **ar-w-*.

47) 'water': N *bɔŋ → A, D *bóŋ* [St., CR].

No matches in NNT, but clear phonetic similarity with Temein: Proto-Temein **=mvŋ* (Temein *múŋ*, Doni *ā=m̄vŋ*, Tese *ī=m̄vŋ* ~ *v̄=m̄vŋ*).

48) 'we': N **ay-g-* → A *aŋi* [St.], *āŋí* [CR], D *ogo* [St.], *ógò* [CR]. || Rilly reconstructs *agi. Labial vowel in D is likely due to analogical leveling with the rest of paradigm, cf. genitive case: A *wóŋ*, D *óú* [CR] ← *ay-g-un (labialisation first spreads to the root through assimilation with the suffixal vowel, then becomes generalized across the entire paradigm).

The root morpheme here is the same as in 'I', and the reconstruction **ay-g-* is much closer in structure to NNT (Nu *a-y, Na *a-gga) than to Temein (Proto-Temein **k=a-t̄* 'we', with the same original root but in a completely different morphological configuration).

49) 'what': N *(*a*)*ŋi* → A *ɛŋi-nɛ* [St.], *áŋī* ~ *éŋī* [CR], D *ŋgí-sè* [CR].

The morpheme *ŋi is extremely similar to Temein material (Temein *ŋé*, Doni *ŋē*, Tese *ŋēī*); NNT forms (Nu **nwa-* ~ **nwi-*; Ta *num) also share some phonetic similarity but are clearly more distinct.

50) 'who': N *ŋa → A *ŋa* ~ *ŋa-nɛ* [St.], *ŋá* ~ *ŋá-nè* [CR], D *ŋá-dè* [CR].

This root is fully compatible with both Temein forms (Temein *ŋá-nī*, Tese *ŋá-né*, where the second morpheme is the root 'person') and with NNT (especially Nu *ŋə-y).

Analysis

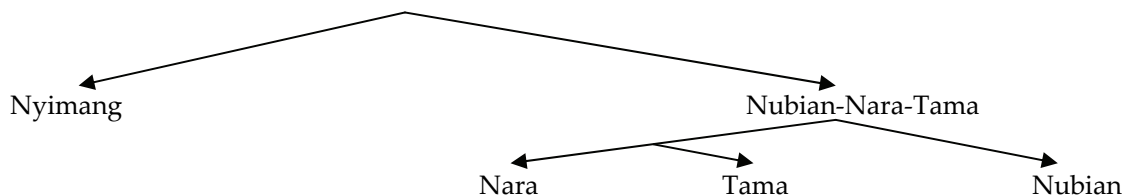
Let us now summarize the results of Nyimang / NNT / Temein comparison (Table 3), paying particular attention to «perfect» matches («plausible» matches may not be taken into serious consideration at this stage of analysis).

Nyimang matches with NNT		Nyimang matches with Temein	
+	±	+	±
12	4	9	3
'dog', 'drink', 'hand', 'head', 'I', 'rain', 'thou', 'tongue', 'tooth', 'two', 'we', 'who'	'bird', 'eat', 'star', 'tree'	'bone', 'eye', 'I', 'thou', 'two', 'water', 'we', 'what', 'who'	'claw/nail', 'hair', 'moon'

Table 3. «Perfect» and «plausible» matches between Nyimang and NNT / Temein.

It may be seen that, although Nyimang / NNT matches are encountered somewhat more frequently than Nyimang / Temein matches, the prevalence is not significant enough by itself for us to conclude that the former are indicative of genetic relationship and the latter of contact. However, it is important to note that 6 out of 9 «perfect» matches between Nyimang and Temein are non-exclusive, with only 'bone', 'eye', and 'water' not being shared with Nyimang; conversely, 7 out of 12 (more than half) matches between Nyimang and NNT have no parallels in Temein. Finally, it will be quite clear from Table 2 that almost no additional isoglosses can be detected between Temein and NNT to the inclusion of Nyimang, making a subgrouping of «NNT + Nyimang + Temein» quite unrealistic.

How should such a contradictory picture be resolved? The first impulse would be to ascribe all exclusive Nyimang / Temein isoglosses to linguistic contact between two neighbouring groups in the Nuba Mountains. However, an alternate solution exists as well, suggesting itself once the statistical results between Nyimang and NNT are contrasted with similar results between the branches of NNT itself. According to Starostin 2017: 109, NNT languages share from at most 18 matches on the 50-item wordlist (between Nubian and Tama) to at least 13 matches (between Nubian and Nara). Nyimang, conversely, has *at most* 12 matches (all of them with Nubian) and *at least* 7 (with Nara). This means that Nyimang cannot be considered properly a part of NNT, but could be considered as an earlier offshoot:

If this is the case, *and* the entire grouping itself is a subbranch of the even larger East Sudanic family, this puts Nyimang languages in a position where they could, at least in theory, preserve a number of archaisms inherited from East Sudanic that would be replaced by innovations on the level of Proto-NNT. These archaisms, in turn, could also be preserved in Temein — meaning that the several links we see between these groups might actually be «shared archaisms» rather than «shared innovations» (either through common inheritance or contact).

This issue, unfortunately, cannot be resolved without bringing into comparison data from other potential branches of East Sudanic; however, even if such an expansive comparison in general is way beyond the scope of the current paper, a few preliminary observations can still clarify the picture. Specifically, of the three exclusive isoglosses between Nyimang and Temein at least two show strong connections with other branches of East Sudanic:

(a) 'bone': to Nyimang **am-*, Temein **am-* one should also add Surmic: Proto-Southwest Surmic **emme-* (more likely, **ammε-*) + Majang (North Surmic) *εmε-nan* (Yigezu 2002: 258; Starostin 2014: 118), and possibly also parallels in the Jebel languages: Proto-Jebel *(*g*)*am* (Bender 1998: 55). In terms of distribution, this is a very strong candidate for 'bone' in Proto-East Sudanic, meaning that the forms in Nyimang and Temein may simply be retentions from a faraway common ancestor;

(b) 'eye': to Nyimang **aŋ(w)-*, Temein *=*aŋ-* ~ *=*aŋ-* one should necessarily add Proto-Daju *aŋwe (pl.), *aŋu-ne (sg.) (Thelwall 1981: 141) and Proto-Nilotic *(*k*)*ɔŋ* (sg.) ~ *(*k*)*ɔŋ* (pl.) (Dimmendaal 1988: 40). Without a doubt, this is the main «Southeast Sudanic» (Bender's «En») root for 'eye', and it is quite plausible to suggest that it was also retained in Nyimang, but replaced in NNT with an innovation.

Only the 'water' isogloss presents a really special case. Although phonetically similar forms with an initial labial nasal are well attested in other East Sudanic languages as well, e.g.

Proto-Daju *ma- (Thelwall 1981: 159), Proto-Southeast Surmic *ma and Proto-Southwest Surmic **ma:m* (Yigezu 2002: 283, 314), it is not clear if they are really the same root as Nyimang *bɔŋ, Temein *=*mvŋ*, and even if they are, the latter forms clearly show more affinity to each other, as far as morphological structure is concerned. However, one possible shared innovation on the entire list is certainly not enough to skew the case towards the scenario of a close relationship between Nyimang and Temein.

As for the exclusive isoglosses between Nyimang and NNT, no fewer than five of those are truly exclusive: 'dog', 'drink', 'head', 'rain', 'tooth' are all items which find no correlations (at least, not direct lexicostatistical correlations with the same Swadesh meaning) in any other potential branches of East Sudanic. Only 'hand' reflects a rather common East Sudanic root. This observation, coupled with the fact that even personal pronouns such as 'I' and 'thou' are morphologically closer to their NNT equivalents than Temein (and «En» language in general), speaks very strongly in favor of Nyimang and NNT sharing an exclusive common ancestor.

It must be stated that, since the comparison between Nyimang and NNT as presented here relies on phonetic similarity (more precisely, phonetic alignment based on Dolgopolsky's consonant classes) rather than phonetic correspondences, it is perfectly possible that some real etymological cognates have escaped detection; a small hint at that is provided by «plausible» matches such as 'bird' or 'to eat', where cognacy may have been obscured by the introduction of morphological markers. Conversely, it is also possible that at least a few of the detected «cognates» between Nyimang and NNT are, after all, the result of secondary contact (e.g. 'dog'). But a genetic explanation of the similarities still seems preferable, if only because the distribution of cognates in accordance with their «average stability rank» shows that, out of 12 potential matches, an overwhelming 10 are found in the upper half of the 50-item wordlist's stability index and only 2 ('head₄₉', 'rain₃₉') are from the lower half — a clear sign of genetic relationship.

Of course, it is doubtful that the Nyimang / NNT relationship will be supported in the future by an impressive number of etymologies (numbering in the hundreds): lexicostatistical results such as these indicate significant depth of divergence, and since Ama and Dinik are just two relatively close modern languages represented by modest-size wordlists rather than large dictionaries and text corpora, preserved lexical cognates are bound to be few. However, at this stage of research it may be stated with relative certainty that a solid enough case has been built up for ascertaining the East Sudanic (even more precisely, Northeast Sudanic) status of this little group, and that it is highly unlikely that a more solid case will ever be built up for changing this affiliation to something completely different.

References

- Bender, Lionel M. 1998. The Eastern Jebel Languages of Sudan II. Comparative Lexicon. *Afrika und Übersee* 81: 39–64.
- Bender, Lionel M. 2005. *The East Sudanic Languages: Lexicon and Phonology*. Southern Illinois University: SIU Printing/Duplicating.
- Dimmendaal, Gerrit J. 1988. The lexical reconstruction of proto-Nilotic: a first reconnaissance. *Afrikanistische Arbeitspapiere* 16: 5–67.
- Dimmendaal, Gerrit J. 2018. On stable and unstable features in Nilo-Saharan. In: Helga Schröder, Prisca Jerono (eds.). *Nilo-Saharan Issues and Perspectives*: 9–23. Köln: Rüdiger Köppe.
- Ehret, Christopher. 2001. *A Historical-Comparative Reconstruction of Nilo-Saharan*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Greenberg, Joseph H. 1966. *The Languages of Africa*. Bloomington, Indiana University; Mouton & Co., The Hague.
- Kauczor, P. Daniel. 1923. The Afitti Nuba of Gebel Dair and their relation to the Nuba proper. *Sudan Notes and Records* 6: 1–34.
- Kauczor, P. Daniel, Albert Drexel. 1930. Die Dairsprache in Kordofan. *Bibliotheca Africana* 4/1: 67–78, 4/2: 42–53.

- MacDiarmid, P. A., D. N. MacDiarmid. 1931. The languages of the Nuba Mountains. *Sudan notes and records* 14: 149–162.
- Meinhof, Carl. Sprachstudien im egyptischen Sudan. 17. Kudugli. 18. Kurungu. 19. Nyima. *Zeitschrift für Kolonial-sprachen* VII: 326–335.
- Rilly, Claude. 2009. *Le Méroïtique et sa famille linguistique*. Louvain – Paris – Dudley, MA: Peeters.
- Starostin, George. 2010. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: a new approach. *Journal of Language Relationship* 3: 79–117.
- Starostin, George. 2014. *Jazyki Afriki: Opyt postrojenija leksikostatisticheskoy klassifikacii. Tom II: Vostochnosudanskije jazyki*. Moskva: Jazyki slav'anskoj kul'tury.
- Starostin, George. 2017. Lexicostatistical Studies in East Sudanic I: On the genetic unity of Nubian-Nara-Tama. *Journal of Language Relationship* 15/1-2: 87–113.
- Stevenson, Roland C. 1957. A survey of the phonetics and grammatical structure of the Nuba Mountains languages, pp. 3–5. *Afrika und Übersee* 41: 27–65, 117–152, 171–196.
- Stevenson, Roland C. 1978–1979. *Teisei umm Danab Work sheets*. Ms., available at: <http://www.rogerblench.info>.
- Stevenson, Roland C. 1978–1986. *Wordlists of Keiga Jirru*. Ms., available at: <http://www.rogerblench.info>.
- Stevenson, Roland C. 1981. Adjectives in Nyimang, with Special Reference to *k*- and *t*- Prefixes. In: Thilo C. Schadeberg, M. Lionel Bender (eds.). *Nilo-Saharan: Proceedings of the First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Leiden, September 8–10, 1980*: 151–165. Dordrecht & Cinnaminson: FORIS Publications.
- Stevenson, Roland C. 1988. *Temein work sheets*. Ms., available at: <http://www.rogerblench.info>.
- Stevenson, Roland C. 2000. Roland Stevenson's Nyimang and Dinik Lexicon. Ed. by M. Lionel Bender. *Afrikanistische Arbeitspapiere* 63: 103–120.
- Stevenson, Roland C., Franz Rottland, Angelika Jakobi. 1992. The verb in Nyimang and Dinik. *Afrikanistische Arbeitspapiere* 32: 5–64.
- Thelwall, Robin. 1981. *The Daju Language Group. Systematic Phonetics, Lexicostatistics and Lexical Reconstruction*. D. Phil. School of Humanities of the New University of Ulster.
- Voogt, Alex de. 2009. A sketch of Afitti phonology. *Studies in African Linguistics* 38(1): 35–52.
- Yigezu, Moses. 2002. *A comparative study of the phonetics and phonology of Surmic languages*. Thèse de doctorat. Laboratoire de phonologie, Université libre de Bruxelles.
- Yip, May. 2004. Phonology of the These language. *Occasional Papers in the Study of Sudanese Languages* 9: 93–117.

Г. С. Старостин. Лексикостатистические исследования по восточносуданским языкам II: статус языковой группы ньиманг

Публикация продолжает серию исследований автора, посвященных лексикостатистическому обоснованию языкового родства между целым рядом мелких групп и крупных семей, традиционно объединяемых в рамках так называемой «восточносуданской» семьи. В данной статье проводится сопоставительное исследование базисной лексики языков ньиманг, локализованных в районе гор Нуба (Кордофан), и лексики нубийско-нара-тама ветви восточносуданской семьи, а также лексики соседних по отношению к ньиманг языков темейн. Показано, что данные свидетельствуют скорее в пользу ближайшего языкового родства между ньиманг и нубийско-нара-тама ветвью, в то время как параллели между ньиманг и темейн следует скорее объяснять отчасти вторичными контактами, отчасти — более отдаленным родством в общих рамках восточносуданской семьи.

Ключевые слова: восточносуданские языки; нубийские языки; нара язык; тама языки; темейн языки; лексикостатистика; базисная лексика.

Анализ базисной лексики диалектов группы Минь и реконструкция праминьского 100-словного списка

В работе предпринята попытка составления праминьского списка Сводеша на основе базисной лексики китайских диалектов, относящихся к группе Минь. Этимологически разобраны основные лексемы, релевантные для реконструкции праязыкового списка. Особое внимание уделяется амбивалентным реконструкциям и лексическим заменам относительно позднедревнекитайского и классического древнекитайского этапов. Исследование отражает многослойность лексического фонда, связанную с этническими миграциями, и показывает, что однозначно возвести всю (даже имеющую несомненно синитическое происхождение) старую базисную лексику миньских диалектов ни к позднедревнекитайскому, ни к классическому древнекитайскому невозможно.

Ключевые слова: диалектология; древнекитайский язык; среднекитайский язык; миньские диалекты; лексикостатистика; базисная лексика.

Введение

Настоящая статья посвящена вопросам лексикостатистического сравнения базисной лексики диалектов группы Минь (относящейся к синитической ветви сино-тибетской семьи) и классического древнекитайского языка. Изучаемые диалекты распространены преимущественно в провинции Фуцзянь, на островах Хайнань и Тайвань и частично в провинции Гуандун и Чжэцзян, а также встречаются и во многих странах Юго-Восточной Азии. Согласно общепринятой концепции, миньские диалекты ранее всех прочих обособились от общекитайского ствола (примерно в III–IV вв. н.э.), при этом сохранив ряд важных лексических и фонетических особенностей, унаследованных от древнекитайского языка и утраченных в остальных диалектах.

Первая попытка использования лексикостатистического анализа применительно к миньским диалектам была проделана в работе Lin, Fan 2010. Авторы провели исследование на материале 16 диалектов разных ветвей и на основе полученных ими результатов предложили свою классификацию миньской группы. Существенный недостаток работы заключается в том, что исследование производилось не непосредственно по лексическим спискам, а по спискам иероглифов, участвующих в образовании миньских слов, что создает угрозу переоценки влияния литературного языка на диалектный узус и не дает гарантии, что те или иные позиции в списке Сводеша действительно заполнены стилистически нейтральными эквивалентами разговорного языка.

Главной особенностью настоящей работы, отличающей ее от предыдущих исследований по миньской лексикостатистике, можно считать упор на создание ономаσιологического¹ списка праминьской лексики; от успеха или неуспеха этой задачи, в частности, будет напрямую зависеть наша уверенность в реальности «праминьского языка» как историко-лингвистического концепта. Помимо этого, реконструкция праминьского спи-

---

¹ Подробнее об особенностях ономаσιологической реконструкции и ее отличиях от чисто этимологического подхода см. в работе Jäger, List 2018.

ска может способствовать привлечению внимания не только к генетическим характеристикам, но и к ареальным связям миньских диалектов, а также разрешению тех или иных спорных вопросов их внутренней классификации.

Источники данных

Нам удалось собрать лексическую информацию по 32 диалектам, которые можно считать репрезентативными для всех традиционно выделяемых ветвей изучаемой диалектной группы (см. Таблицу 1). Основными материалами служили опубликованные словари и словники, реже — тексты; использовался также электронный словарь по тайваньскому диалекту, разработанный министерством образования Тайваня (<http://twblg.dict.edu.tw>). Все списки были составлены нами самостоятельно, за исключением списков по двум диалектам (Цзяньгоу и Вэньчан), ранее составленных Е. А. Кузьминой², в которые были внесены отдельные исправления.

Наиболее общепринятым вариантом внутренней классификации диалектной группы Минь обычно считается вариант, опубликованный в «The Linguistic Atlas of Chinese dialects»³ и включающий восемь равноправных ветвей: *северная, центральная, восточная, южная, пу-сяньская, шао-цзянская, хайнаньская, лэйчжоуская*. Лексикостатистическая классификация, полученная по итогам анализа наших списков, во многом согласуется с приведенной выше (за исключением отдельных случаев, анализу которых мы предполагаем посвятить в дальнейшем отдельную статью); специально приводить ее здесь мы не будем, поскольку настоящая работа посвящена в первую очередь реконструкции праминьского списка и взаимоотношениям между «общеминьским» и древнекитайским языковыми состояниями.

Методология составления лексических списков и реконструкции прасписка

При составлении списков учитывались методология и критерии отбора материала, подробно описанные в работе Kassian et al. 2010 и используемые в рамках проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных» (GLD). Главными принципами составления списков можно считать следующие: 1) из существующих словарей и словников отбираются слова, значение и стилистическая характеристика которых должна быть максимально приближена к семантическим параметрам, определенным в качестве стандарта в вышеуказанной работе; 2) по возможности избегать включения нескольких синонимов, ограничиваясь наиболее базовым (частотным, стилистически нейтральным) эквивалентом искомого значения.

К сожалению, из-за отсутствия подробных, снабженных диагностическими контекстами словарей для многих диалектов последовательно следовать второму пункту не всегда представляется возможным. Во многих случаях мы сталкиваемся с наличием множества «технических» синонимов, различия в употреблении которых никак не откомментированы в источниках. Примеры употребления в таких ситуациях либо ограничены и

² Полностью списки, снабженные подробными аннотациями, будут в ближайшее время доступны в рамках онлайн-проекта Global Lexicostatistical Database (GLD, доступен по адресу <http://starling.rinet.ru/new100/main.htm>).

³ Подробнее см. LAC 2012: 177–179.

Диалект	Сокращенное обозначение	Источник(и) данных
Цзяньоу хуа – северная ветвь	JNO	Li 1998
Сунси хуа – северная ветвь	SNX	Cheng, Li 1991
Цзяньян хуа – северная ветвь	JNY	Cheng, Li 1991
Юньань хуа – центральная ветвь	YAN	Nakajima 1979
Шасянь хуа – центральная ветвь	SHX	Cheng, Li 1991
Фучжоу хуа – восточная ветвь	FZH	Nakajima 1979
Ниндэ хуа – восточная ветвь	NND	Cheng, Li 1991
Чжоунин хуа – восточная ветвь	ZHN	Cheng, Li 1991
Гутянь хуа – восточная ветвь	GTA	Cheng, Li 1991
Фуцин хуа – восточная ветвь	FQN	Feng 1993
Фудин хуа – восточная ветвь	FDN	Cheng, Li 1991
Цюаньчжоу хуа – южная ветвь	QZH	Zhou 2006
Чжанчжоу хуа – южная ветвь	ZHZ	Zhou 2006
Сямэнь хуа – южная ветвь	XMN	Zhou 2006
Датянь хуа – южная ветвь	DTA	Cheng, Li 1991
Юси хуа – южная ветвь	YOX	Cheng, Li 1991
Юнчунь хуа – южная ветвь	YCH	Cheng, Li 1991
Чаочжоу хуа – южная ветвь	CZH	Cai 1991
Чаян хуа – южная ветвь	CHY	Nakajima 1979
Цзюань хуа – южная ветвь	JIE	Dong 1959
Лунси хуа – южная ветвь	LNK	Dong 1959
Лунду хуа – южная ветвь	LND	Egerod 1956
Лунъянь хуа – южная ветвь	LNK	Cheng, Li 1991
Дуншань хуа – южная ветвь	DSH	Nakajima 1979
Цзиньцзян хуа – южная ветвь	JNJ	Dong 1959
Тайюй хуа – южная ветвь	TWN	TMCC
Лэйчжоу хуа – южная ветвь	LEI	Li 1998
Путянь хуа – пу-сяньская ветвь	PTI	Nakajima 1979
Шао хуа – шао-цзянская ветвь	SHW	Cheng, Li 1991
Шуньчан хуа – шао-цзянская ветвь	SHC	Cheng, Li 1991
Хайкоу хуа – цюньвэньская ветвь	HKO	Li 1996
Вэньчан хуа – цюньвэньская ветвь	WCH	Hashimoto 1976

Таблица 1. Перечень диалектов Минь, привлеченных к исследованию

неинформативны, либо вообще отсутствуют. Не исключено, что по этой причине работа осталась не вполне свободной от ошибок, которые мы надеемся в дальнейшем исправить при подключении к анализу новых данных.

Для этапа реконструкции праминьского списка важнейшим условием является более или менее надежное представление об устройстве сравнительно-исторической фонологии миньских диалектов. В целом задача установления регулярных фонетических соответствий между основными миньскими диалектами и реконструкция на их основе праминьской фонологической системы успешно решена Дж. Норманом и другими ис-

следователями (см. работы Norman 1969, 1973, 1974 и др.). Это не означает, однако, что все суждения, выносимые относительно этимологического родства сравниваемых миньских форм, заведомо объективны, т.к. регулярность соответствий часто осложняется фактором междиалектных заимствований, влиянием литературного языка и различными фонетическими осложнениями (сандхи на стыке морфем, стяжения частотных форм и т. п.).

При формальном определении когнации мы придерживаемся подхода, согласно которому вариации в морфологической структуре словоформы, характерные для синитических языков в целом и для миньских диалектов в частности (прежде всего речь идет о двусложных «биномах»-композиатах), не засчитываются за лексические замены, а лишь отражают специфические механизмы, как правило, работающие на снятие лексической омонимии. При этом, как правило, одну из двух морфем в составе композита можно считать основным компонентом, а вторую — дополнительным (вариативным), способным опускаться в различного рода связанных контекстах. Более подробно об этой ситуации применительно к китайскому языку см. в работе Starostin 2019.

Отбор возможных кандидатов на статус праминьской реконструкции производился согласно рекомендациям, описанным в работе Starostin 2016. Основные правила, покрывающие абсолютное большинство конкретных случаев, сводятся к трем:

- 1) лексема автоматически выводится на прауровень, если она представлена во всех языках таксона;
- 2) если корень представлен как минимум в одном языке каждой первичной ветви (узла) и других кандидатов на статус пралексем с сопоставимой дистрибуцией нет, его также можно надежно выводить на прауровень;
- 3) если корень представлен как минимум в двух языках разных первичных узлов и альтернативных кандидатов нет, выведение его на прауровень в искомом значении возможно в том случае, если это поддерживается внешними данными (в первую очередь классического древнекитайского языка, см. ниже).

Тем не менее, есть и немало случаев, в которых данные критерии оказываются недостаточными. Так, нередко оказывается, что на «периферии» миньского ареала представлен один (вероятно, архаичный) корень, а в «центре» распространена совершенно другая лексема (вероятно, инновативная), игнорирующая традиционно определяемые границы диалектных зон — ср. ниже комментарии к таким словам, как ‘пить’ (飲 *ʔim и 食 *ʒik), ‘сухой’ (乾 *kān и 焦 *tāw), ‘зелёный’ (青 *s^hiēŋ и 綠 *lok) и др. В таких ситуациях мы оказываемся вынуждены формально постулировать «техническую» синонимию на праязыковом уровне, поскольку нет возможности строго доказать, какой из двух корней является оптимальным на уровне праязыка. При этом ареальная дистрибуция и внешние корреляты этих основ, как правило, позволяют маркировать один из конкурирующих корней как вероятный архаизм, а другой — как вероятную инновацию.

Время от времени в материале обнаруживаются элементы семантического пересечения, когда когнаты не соблюдают ожидаемую дистрибуцию по ветвям, подтверждаемую другими случаями. Наглядные примеры таких пересечений — концепты ‘холодный’ (寒 *gān и 清 *s^hjèŋ), ‘знать’ (知 *ʔe и 曉 *síēw), ‘говорить’ (講 *kōŋ и 話 *wəŋ) и др. Такие случаи, вероятно, следует объяснять ареальной диффузией, особенно если они действительно наблюдаются на базе географически примыкающих друг к другу диалектов (Starostin 2016: 188).

Наконец, методология реконструкции праписки предполагает, что при наличии двух и более потенциально равноправных кандидатов (с сопоставимой дистрибуцией по ветвям) при реконструкции следует отдавать предпочтение тому, у которого есть прямые внешние параллели (Starostin 2016: 194–196), в нашем случае — в классическом или

позднеханьском древнекитайском языке. Учитывая, однако, что мы не можем априорно исходить из аксиоматического представления о том, что «праминьский» в генетическом плане является непосредственным потомком (а не, скажем, боковым родственником) классического древнекитайского, однозначно отказывать в «праминьском» статусе потенциально инновативному корню, по-видимому, не следует вплоть до более четкого выяснения генетической природы собственно «праминьского» языка.

Примечания к транскрипции и анализу

В своей основе настоящая статья представляет собой сокращенный и переработанный анализ магистерской диссертации. Для удобства пользователя в нее было решено включить весь лексический материал (различные лексемы, имеющие одно и то же значение, расположены в порядке убывающей частотности), но детальный комментарий приводится только для тех корней, которые обладают релевантностью для главной цели исследования (реконструкция праминьского списка). В работе также не дается подробного описания всех случаев, когда тот или иной корень образует композит с разными другими вспомогательными морфемами. Все эти детали будут включены в комментарии к 100-словным спискам, публикация которых в ближайшем будущем ожидается в рамках «Глобальной лексикостатистической базы данных».

При цитировании древнекитайских праформ и среднекитайских фонетических транскрипций мы используем вариант реконструкции С. А. Старостина (Старостин 1989) и его этимологическую базу данных по древнекитайскому языку «Chinese Characters», опубликованную на сайте «Вавилонская башня». Что касается собственно праминьских реконструкций, то здесь, несмотря на наличие работ по реконструкции общеминьской фонологической системы (см. выше), проблемным остается отсутствие единого корпуса праминьских форм. Чтобы избежать сложных ситуаций, связанных с реконструкцией внешнего вида праминьской формы там, где фонетические соответствия неоднозначны, мы принимаем условное решение записывать праминьские формы в фонологическом варианте, реконструируемом С. А. Старостиным для позднедревнекитайского (далее — ПДК) этапа общенационального китайского языка; это связано с тем, что, по мнению большинства специалистов, обособление миньских диалектов от общекитайского ствола имело место в позднедревнекитайскую эпоху (более подробно о возможной датировке праминьского см. в заключительной части статьи).

«Праминьские» (в реальности — позднедревнекитайские) реконструкции ниже будут записываться под звездочкой. В отдельных случаях (особенно когда речь идет о локальных корнях, имеющих позднее происхождение и не зафиксированных ни на одном из этапов древнекитайского языка) оказывается необходимым вместо древнекитайских использовать более поздние среднекитайские чтения; они также даются в транскрипциях С. А. Старостина и заключаются в квадратные скобки.

Для лексем, имеющих широкую дистрибуцию и претендующих на ПМ статус, последовательно приводятся комментарий и этимологический анализ⁴ (за исключением очевидных случаев, когда лексема сохраняется во всех или в большинстве диалектов и не отличается этимологически от своего эквивалента в древнекитайском языке). При анализе учитываются также данные по диахроническому развитию базисной лексики от

⁴ Этимологические сведения в основном брались из работ Norman 1983, Schuessler 2007, Mei 1999, Starostin 2019.

раннедревнекитайского (РДК) к классическому древнекитайскому (КДК) и далее к позднедревнекитайскому (ПДК), приведенные в комментариях к 100-словным спискам, составленным Г. С. Старостиным для РДК и КДК (Starostin 2019).

В отдельных случаях, когда этимология тех или иных миньских инноваций может быть связана с ареальным влиянием языков других семей, мы использовали этимологические и лексикографические источники по сино-тибетским (Schuessler 2007), австроазиатским (Norman, Mei 2000; Shorto 2006), австронезийским (Tryon 1995) и тай-кадайским языкам (Li 1977).

Сравнительный список базисной лексики миньских диалектов

1) «все/all»: (a) {攏} WCH loŋ₃, DSH loŋ₁, CHY loŋ₁, QZH loŋ₃, ZHZ loŋ₃, XMN loŋ₃, TWN long₂, CZH long₂, JNJ loŋ₃, LNX loŋ₃; (b) {摠 ~ 總 ~ 總} WCH toŋ₃, LEI tsɔŋ₁, DSH tsoŋ₃, CHY tsoŋ₃, QZH tsɔŋ₃, ZHZ tsɔŋ₃, XMN tsɔŋ₃, TWN tsong₂, CZH tsong₂; (c) {都} JNO tu₁, FCH tou₁, PTI tou₁, YAN tau₁, JIE tou₁, LND tou₁, FQN t^hu₃; (d) {禮} QZH tsau₂, ZHZ tsiau₂, XMN tsiau₂; (e) SHW k^ha₅. || ПМ {都} *tō.

Основной КДК корень 皆 *krāj, выражавший значение ‘все’, по-видимому, был вытеснен другими эквивалентами уже на ПМ уровне, так как не был обнаружен ни в одной из дочерних ветвей языков-потомков.

Для миньнань выделяются два корня 攏 ПДК *loŋ и 總 ПДК *cōŋ, которые в диалектах WCH, DSH, CHY, QZH, ZHN, XMN, TWN, CZH объединяются в бином.

Наиболее часто встречающийся корень 攏 *loŋ совпадает с ранне-СК глаголом [l'ouŋ], который начинает встречаться в текстах эпохи Цзинь с семантикой ‘собирать вместе’. Семантический переход ‘собирать вместе’ → ‘все’, по всей видимости, произошел уже после отделения группы Минь, поскольку в СК памятниках значение ‘все’ для него не характерно.

Менее распространенная основа 總 *cōŋ унаследована от ДК языка; её исходное значение — ‘связывать, быть связанным вместе’. Слово обладало полуслужебными функциями уже в КДК с семантикой ‘в целом, целиком, в итоге’, но только в миньских диалектах оно становится базовым для выражения значения ‘все’.

Корень 都 *tō восходит к ПДК слову 都 *tā, которое вошло в употребление примерно с эпохи Троецарствия. Это слово обычно считается инновативным морфологическим вариантом старого эквивалента 諸 *ta, характерного для раннего и классического периодов. Оно наблюдается в северной, восточной, центральной и пу-сяньской ветвях. В дистрибуционном плане данная основа выглядит оптимальным кандидатом, так как представлена в четырех ветвях и имеет ДК параллели.

2) «пепел/ash»: (a) {灰} JNO xo₁, WCH hɥe₃, FZH hui₁, PTI huai₁, DSH hue₁, CHY hue₁, YAN hue₁, QZH hu₁, ZHZ hu₁, XMN hu₁, HKO hu₁, TWN hue₁, CZH hue₁, SHW fei₁, SHC xu_{ε1}, JNJ hə₁, LNX hue₁, LND fuai₁, (a.1) {火灰} LEI huε₄=hu₁. || ПМ {灰} *hwəj.

3) «кора/bark»: (a) {樹皮} WCH sɿu₁=fɥe₂, FZH ts^hiu₄=p^hui₅, PTI ts^hiu₁=p^huai₂, DSH ts^hiu₄=p^hue₂, CHY ts^hui₅=p^hfe₁, YAN t^hy₄=p^hue₃. || ПМ {樹皮} *ʒ^hwo=b^he.

Этимон плохо фиксируется в словарях, поэтому реконструкция ненадежна. Однако данных по некоторым диалектам из разных ветвей достаточно, чтобы вывести на ПМ уровень данное словосочетание, формально разложимое на компоненты ‘дерево’ и ‘кожа’.

4) «живот/belly»: (a.1) {肚} WCH dou₃, FZH lo₃, LEI tɕu₃, PTI tou₃, DSH to₃, CHY tou₃, YAN to₃, QZH to₃, ZHZ to₃, XMN to₃, HKO ʔdɕu₃, TWN too₂, CZH tou₂, SNX ta₄, GTA lu₃, NND lu₃, ZHN lu₃, FDN lu₃, YCH to₃, LNY tu₃, DTA tu₃, YOX lio₃, JNJ to₃, LNX to₃, LND tu₄, (a.2) JIE {屎肚} sai₃=tou₃; (b.1) {腹} JNO pu₅, FZH pu₄, PTI pak₆, DSH bak₃, QZH pak₇, ZHZ pak₇, XMN pak₇, TWN pak₄ (bak₄), SNX pu₇, JNY po₆, GTA pu₇, NND pok₇, ZHN pu₇, FDN pu₇, YCH pak₇, DTA pa₇, YOX puo₁, SHC pu₂, JNJ pak₇, LNX pak₇; (b.2) SHX {腹屎} po₆-sɿ₃, SHW {腹書} pu₇-ɕy₁, (b.3) FQN {腹老} pu₇-lo₂. || ПМ {腹} *piuk.

Довольно четко выделяются два корня с общим значением ‘живот’, часто сочетающиеся друг с другом в рамках бинорма (в диалектах FZH, PTI, DSH, QZH, ZHZ, XMN, TWN, SNX, GTA, NND, ZHN, FDN, YCH, LNY, DTA, YOX, JNJ, LNX). Из них более архаичным является корень (b) 腹 *piuk (← КДК *puk), который в КДК использовался как базовое обозначение ‘живота’.

Альтернативная лексема 肚 *dó (← КДК *dǎ), наблюдаемая в большом количестве миньских диалектов, в литературном языке отмечена начиная с периода Поздняя Хань, предположительно в значении ‘желудок’ (Starostin 2019: 167); однако в значении ‘живот’ начинает систематически употребляться только с эпохи Тан.

В плане дистрибуции корень 腹 *piuk, унаследованный от ДК языка в своем исходном значении, представлен в северной, центральной, южной, восточной, пу-сяньской, шао-цзянской ветвях. Следует также отметить, что употребление архаичной основы характерно для северной группы, которая меньше остальных ветвей подвержена лексическим инновациям, поэтому именно она лучше всего подходит для отражения ПМ ситуации.

Основу 肚 *dó можно считать более поздней инновацией, которая вытеснила корень 腹 *piuk в подветви южной ветви, распространенной в провинции Гуандун и на полуострове Лэйчжоу, цюньвэньской ветви острова Хайнань и в единственном диалекте YAN из центральной ветви, что можно считать независимой локальной инновацией. Те диалекты, в которых употребляется двусложная лексема, по-видимому, отражают поздниханьскую ситуацию, когда оба корня уже могли сочетаться в рамках бинорма, но лексическая замена (т. е. прекращение употребления 腹 *piuk как однослога) еще не осуществилась.

5) «большой/big»: {大} JNO tɕɛ₄, WCH dɕa₁, FZH tua₅, LEI tua₁, PTI tuo₄, DSH tua₅, CHY tua₅, YAN to₅, QZH tua₅, ZHZ tua₆, XMN tua₆, HKO ʔdua₁, TWN tai₇, CZH tua₇, SNX tua₅, JNY tue₅, SHX tua₅, GTA tua₅, NND tu₃, ZHN tuo₆, FDN tua₆, YCH tua₆, LNY tua₆, DTA tua₁, YOX to₆, SHW t^hai₆, SHC t^ha₅, JNJ tua₆, LNX tua₅, JIE tua₆, LND tua₅, FQN tua₄. || ПМ {大} *d^hǎs.

6) «птица/bird»: (a) {鳥 ~ 爪 ~ 隻} WCH cɿau₃, FZH tseu₃, LEI tsiau₃, PTI tsiau₃, DSH tsiau₃, CHY tsiau₃, HKO tsiau₃, TWN tsiau₂, CZH tsiau₂, NND tsidu₃, FDN tseu₃, YCH tsiau₃, SHC tsai₅, JNJ tsiau₃, LNX tsiau₃, JIE tsiau₃, LND cew₄, FQN tseu₂; (a.1) {鳥囀} QZH tsia₃₋₂-a₃, ZHZ tsiau₃₋₁-a₃, XMN tsiau₃₋₁-a₃, LNY tsi₇-a₃, GTA tsidu₃-ia₃, ZHZ tsi₄-ɛn₃, DTA tsiã₇-ã₃, YOX tsia₇-ŋ₃, (a.2) {隻仔} JNO cɿa₅-cɿe₂, SNX tsa₃-tsie₃, JNY tsia₆-tsie₃, SHX tsia₆-tsai₃, (a.3) SHW {鳥兒} tsou₇-ə₀, (a.4) YAN {鳥•} tsau₂-tsan₃. || ПМ {鳥} *ciéw.

КДК этимон 鳥 *tíw стабильно сохраняется в миньских диалектах, но при этом демонстрирует нерегулярное развитие инициали (*t- > *c- при обычном сохранении дентального согласного перед старыми долгими гласными). Аналогичное нерегулярное развитие наблюдается как минимум еще в одном случае (см. ниже ‘знать’) и вряд ли может служить поводом для отказа в этимологическом отождествлении миньских рефлексов с ДК формой. Любопытно, что примеры нерегулярного развития инициали в слове ‘птица’ также встречаются в ряде диалектов групп У, Хакка, Юэ и гуаньхуа (где в этом слове обобщилась совершенно нерегулярная инициаль n-). Альтернативная этимология предложена Дж. Норманом, который допускает связь с лексемой 雀 *ceuk ‘воробей, птичка’

(Norman 1969: 285), однако миньские формы не демонстрируют следов конечного **-k* и в лучшем случае могли контаминировать с этой основой.

Стоит отметить, что слово нередко записывается иероглифическими знаками 爪 ПДК **çǎw* ‘когти’ и 隻 ПДК **cék* ‘один из пары’, подобранными, очевидно, из-за фонетического сходства основ.

7) «кусать/bite»: (a) {咬} JNO ka₆, WCH ka₈, FZH ka₅, LEI ka₄, PTI ko₄, DSH ka₅, CHY ka₃, YAN ko₄, QZH ka₆, ZHZ ka₄, XMN ka₆, HKO ka₅, TWN ka₁, JNJ ka₄, LNX ka₅, LND kaa₅, FQN ka₄; (b) {啣} QZH nauh₇, ZHZ nauh₇, XMN nauh₇, (c) {齧~嚙} JNO nia₅, QZH giat₇, ZHZ tsiat₇ (dziat₇), XMN giat₇, TWN ge₃, CZH ni₇; (d) SHW {啃} k^hən₃. || ПМ {咬} **yǎw*.

Лексема (c) 齧 **ŋ^hēt*, сохранившаяся на периферии миньского ареала, является одним из эквивалентов значения ‘кусать’ в КДК и обычно встречается в южных памятниках; по имеющимся примерам для нее чаще всего агенсом выступает собака (Starostin 2019: 171). В словаре Чжоу Чанци по южным диалектам использование этимона зафиксировано также для XMN и ZHZ с дополнением, что это слово имеет специализированное значение ‘кусать’ или ‘грызть’, но агенсом является крыса или насекомое (Zhou 2006: 606). Стоит отметить потенциальные когнаты в австронезийских языках: ями *ŋatŋatən* ‘жевать’, иснаг *ŋaŋat* ‘жевать’ и др. (Tryon 1995: 649). При этом во всех перечисленных диалектах, кроме CZH, в значении ‘кусать’ также указывается синонимичная лексема **yǎw*.

Широко распространенная в северной, цюньвэньской, восточной, пу-сяньской, южной и центральной ветвях лексема **yǎw*, вероятно, не связана напрямую со словом 咬 **ŋ^hrǎw* ‘кусать’, знаком для которого она обычно записывается, так как других примеров фонетического развития КДК инициали **ŋ^(h)*- в ПМ **y*- не обнаружено. Альтернативная этимология для этого слова предлагается в словаре Шюсслера, который сравнивает его с потенциальным тайским когнатом *k^hiaui* ‘жевать’ (Schuessler 2007: 560).

Поскольку максимально широкая дистрибуция обнаружена у формы **yǎw*, мы выносим ее на ПМ уровень. Несмотря на то, что форма 齧 **ŋ^hēt* продолжает одно из ДК слов, которое, возможно значило ‘кусать’, следует отметить, что однозначно определить его семантику не представляется возможным из-за нехватки контекстов. Вероятно, по разным косвенным данным, включая возможные австронезийские когнаты и словарные примеры, можно допустить, что в миньских диалектах это слово на самом деле скорее имеет семантику ‘грызть’, чем ‘кусать’.

8) «черный/black»: {烏} JNO u₁, WCH ʔou, FZH u₁, LEI eu₁, PTI o₆, DSH o₁, CHY ou₁, YAN u₁, QZH o₁, ZHZ o₁, XMN o₁, HKO ou₁, TWN oo₁, CZH ou₁, SNX u₁, JNY o₁, SHX u₁, GTA u₁, NND u₁, ZHN u₁, FDN uo₁, YCH o₁, LNY u₁, DTA u₁, YOX u₁, SHW u₁, SHC u₁, JNJ o₁, LNX o₁, JIE ou₁, LND ʔu₁, FQN u₃. || ПМ {烏} **ʔō*.

Этимология этой лексеммы восходит к ДК корню **ʔā* с исходным значением ‘ворона’ и с производными значениями ‘темный, черный’, которые для КДК не определяются как базисные. Поскольку базовым этимоном для КДК является лексема 黑 **māk*, то можно говорить о лексической замене на ПМ уровне: 黑 **māk* → 烏 **ʔō*.

9) «кровь/blood»: {血} JNO xuai₅, WCH hue₆, FZH haik₆, LEI hue₆, PTI hei₄, DSH hue₇, CHY hue₇, YAN sye₅, QZH huieh₇, ZHZ hueh₇, XMN huieh₇, HKO hue₆, TWN hueh₁ (huieh₁), CZH hue₇, SNX хуэ₆, JNY хуэ₆, SHX ʃуэ₆, GTA хеi₇, NND хет₇, ZHN хет₇, FDN хе₇, YCH хуи₇, LNY hue₄, DTA hue₅, YOX hue₇, SHW fie₆, SHC хуа₁, JNJ хуи₇, LNX hue₇, JIE hue₄, LND het₃, FQN he₄. || ПМ {血} **hwiēt*.

10) «кость/bone»: (a) {骨} FZH kouk₆, LEI kuk₇, PTI kuak₄, DSH kut₆, CHY kuk₆, YAN kui₅, QZH kut₇, ZHZ kut₇, XMN kut₇, HKO kut₇, TWN kut₄, CZH kuk₄, SHX kue₆, DTA koʔ₆, SHW kuei₆, LND kot₃, FQN koʔ₆, (a.1) {骨頭} JNO ko₃-t^he, WCH kot₆-hau₂, JNJ kut₇-t^hau₂, LNX kut₆-t^hau₂. || ПМ {骨} *kwət.

11) «грудь/breast»: (a) {胸} WCH h̄iaŋ₁, YAN siam₁, SHX xəŋŋ₁, JNJ hiŋ₁, LNX hiŋ₁, JIE heŋ₁, LND huŋ₁, (a.1) {胸坎} CHY heŋ₁-kam₃, QZH hiŋ₁-k^ham₃, ZHZ hiŋ₁₋₆-k^ham₃, XMN hiŋ₁₋₆-k^ham₃, TWN hiŋ₁-k^ham₂, (a.2) LEI {胸膈} h̄iaŋ₁-kε₆, HKO {胸格} h̄iaŋ₁-kε₄, (a.3) JNO {胸頭} xəŋŋ₁-t^he₃, (a.4) CZH {胸膛} eng₁-t^hang₅, (a.5) JNY {胸甲} xəŋŋ₁-ka₆, (a.6) PTI {胸} hon₄-ŋeŋ₃; (b) FZH {心肝} θi₁-ŋaŋ₁, (b.1) {心肝頭} DSH sim₅=kuan₁=t^hau₂, CZH sim₁=kua₁=t^hau₅, DTA seŋ₁=kuã₁=t^hɔ₂, FQN siŋ₃=(k)ŋaŋ₃=t^hau₁, (b.2) SNX {心頭} seiŋ₁=t^ha₂. || ПМ {胸} *hon и {心肝} *sjim-kān.

Для данной позиции мы используем значение ‘мужская’, а не ‘женская грудь’ в соответствии с рекомендациями в Kassian et al. 2010: 54.

Корень 胸 *hon (← КДК *hoŋ) имеет широкую дистрибуцию и представлен в северной, центральной, южной, цюньвэньской, пу-сяньской ветвях. Преимущественно употребляется в расширенной с помощью различных дополнительных компонентов до биннома форме.

Форма 心肝 *sjim-kān (варианты 心肝頭 *sjim-kān-d^hōw и 心頭 *sjim-d^hōw) – это метафорическая передача данного значения (букв. ‘сердце и печень’, ‘голова сердца и печени’, ‘голова сердца’), встречается в географически отдаленных районах в диалектах северной, южной, восточной ветвей. В литературных памятниках начинает употребляться только с эпохи Сун и, как правило, либо в прямом значении, либо в значении ‘чуткость, истинные чувства’ (HYDC VII: 376).

Дистрибуция по ветвям неравномерна, причем как минимум для одного диалекта CZH из южной ветви используются оба варианта.

С формальной точки зрения на ПМ уровень в качестве потенциальных синонимов выводимы обе лексемы 胸 *hon и 心肝 *sjim-kān, при этом исходной, очевидно, является 胸 *hon ввиду ее базисности в значении ‘мужская грудь’ на КДК уровне.

12) «жечь/to burn»: (a) {燒} WCH t̄io₁, FZH θiu₁, LEI si₁, PTI t̄iau₁, DSH sio₁, CHY sio₁, YAN ts^hiū₁, QZH sio₁, ZHZ sio₁, XMN sio₁, HKO tio₁, TWN sio₁, CZH sio₁, SNX ts^hio₁, JNY ts^hio₁, SHX ts^ho₁, GTA siū₁, NND siū₁, ZHN siū₁, FDN sieū₁, YCH sio₁, LNY sio₁, DTA siʔ₁, YOX sio₁, JNJ sio₁, LNX sio₁, JIE sio₁, (a.1) JNO {燒火} c̄iau₁-xo₂, (a.2) LND {燒壺壺} siaw₁-fufu. || ПМ {燒} *sjew.

По всей видимости, на уровне ПМ языка КДК этимон 焚 *bən, как и в ПДК, был вытеснен лексемой 燒 *sjew, так как он не сохранился ни в одной из ветвей.

13) «ноготь/claw (nail)»: (a.1) {掌甲~指甲} FZH tsien₁=ŋak₄, DSH tseŋ₁=kaʔ₆, CHY tsain₃=kaʔ₆, QZH tsŋ₃₋₂=kah₇, ZHZ tsŋ₃₋₁=kah₇, XMN tsŋ₃₋₁=kah₇, TWN tsing₂=kah₄, JNJ tsŋ₃=kaʔ₇, (a.2) {手甲} JNO s̄iu₂=ka₅, WCH s̄iu₃=ka₆, HKO siū₃=ka₆, SNX siū₃=ko₆, JNY siū₃=ka₆, SHX t̄^hiu₃=ka₆, SHC fiū₃=kɔ₂, (a.3) {指甲} YAN ts̄i₂=ko₅, JIE tsai₃=kaʔ₇, (a.4) {手指甲} DTA ts^hu₃=tsε₃=kaʔ₆, SHW ɕiou₃=ɕi₆=kan; (a.5) FQN {手掌甲} ts^hiu₃=tsien₃=(ŋaʔ₆) kaʔ₆⁵, (a.5) PTI {■甲} ts^hiŋ₄=liŋ₂-ŋo₄. || ПМ {甲} *kār.

В КДК и в СК искомая семантика выражается лексемой 爪 *crū? (Starostin 2019: 168), но ни в одном из миньских языков-потомков она не обнаружена, и, по всей видимости, была вытеснена на ПМ уровне лексемой 甲 *kār (← КДК *krār) ‘твердая оболочка, панцирь, щит’.

⁵ Необходимо подчеркнуть, что в диалектах FQN, PTI на морфемном стыке происходит ассимиляция, в результате которой корень получает носовую инициаль ŋ-.

Однако ее употребление для всех ветвей характерно только в составе биномов: в южной и центральной ветвях лексема расширяется с помощью морфемы 指 ПДК *kij ‘палец’, в восточной и южной ветвях с помощью 掌 ПДК *áiŋ ‘ладонь’, а в северной, цюньвэньской, центральной, шао-цзянской ветвях с помощью 手 ПДК **s^hiw* ‘рука’. Важно заметить, что морфема *áiŋ ‘ладонь’ записывается иероглифическим знаком 指 *kij ‘палец’ в диалектах QZH, ZHZ, XMN, вероятно, из-за смежности значений.

14) «облако/cloud»: (a) {雲} JNO *œiŋ*₆, WCH *hɔŋ*₂, LEI *huŋ*₂, QZH *huŋ*₂, ZHZ *huŋ*₂, XMN *huŋ*₂, HKO *huŋ*₂, TWN *huŋ*₅, CZH *hung*₅, SNX *xœyŋ*_{2b}, JNY *hɛiŋ*₂, SHX *yɛiŋ*₂, GTA *xuŋ*₂, NND *xɔŋ*₂, ZHN *xɔŋ*₁, FDN *xuŋ*₂, YCH *huŋ*₂, LNY *gun*₂, DTA *huen*₂, YOX *hɔŋ*₂, SHW *viŋ*₂, SHC *iŋ*₂, LNX *huŋ*₂, JIE *huŋ*₂, LND *wan*₅, FQN *huŋ*₁, (a.1) {雲彩} FZH *uŋ*₂-*ts^hai*₄, PTI *uŋ*₂-*ts^hai*₃, DSH *huŋ*₂-*ts^hai*₄, CHY *huŋ*₁-*ts^hai*₃, YAN *uan*₂-*ts^ha*₃. || ПМ {雲} **w^hiŋ*.

15) «холодный/cold»: (a) {寒} WCH *kɤa*₂, FZH *kaŋ*₂, LEI *kua*₂, PTI *kuo*₂, DSH *kuan*₂, QZH *kuã*₂, ZHZ *kuã*₂, XMN *kuã*₂, TWN *kuann*₅, SNX *kuɛiŋ*_{2b}, JNY *xueiŋ*₂, SHX *kuĩ*₂, GTA *kaŋ*₂, NND *kan*₂, ZHN *kan*₂, FDN *kaŋ*₂, YCH *kuã*₂, LNY *kuã*₂, DTA *kuã*₂, YOX *kũ*₂, SHW *xɔŋ*₂, SHC *xaŋ*₂, JNJ *kuã*₂, LNX *kuã*₂, JIE *kuã*₂; (b) {清~清~靚} JNO *c^heiŋ*₃, FZH *ts^heiŋ*₃, PTI *ts^hiŋ*₅, DSH *ts^hiŋ*₅, HKO *sin*₁, CZH *ts^heng*₃, SNX *ts^heiŋ*₁, JNY *t^hɔiŋ*₁, SHX *ts^heiŋ*₅, GTA *ts^hiŋ*₄, NND *ts^hiŋ*₅, ZHN *ts^hen*₄, FDN *ts^hiŋ*₄, YCH *ts^hiŋ*₄, DTA *ts^hen*₄, YOX *ts^hiŋ*₅, SHW *ts^hən*₄, FQN *ts^hiŋ*₅; (c) {冷} YAN *ni*₃, HKO *lɛ*₃, TWN *liŋ*₂, CZH *ne*₂, LNX *liŋ*₃; (d) {言~冷} CHY *ŋaŋ*₂, CZH *ngang*₅, JIE *ŋaŋ*₂; (e) LEI {𠄎頁} *kaŋ*₅; (f) LND {凍} *teŋ*₃. || ПМ {寒} *gān и {清} **s^hjèŋ* (**ç^häiŋ*?).

В большинстве языков-потомков представлена синонимическая пара 寒 *gān и 清 **s^hjèŋ*. Корень 寒 *gān наблюдается во всех ветвях изучаемой диалектной группы.

Другой корень 清 **s^hjèŋ*, который также встречается во всех ветвях, по мнению Шюсслера, родственен КДК слову эпохи Чжаньго 滄 (чтение по Шюсслеру **ts^hránh*), которое, возможно, является интенсивно аспирированной формой корня 涼 (чтение по Шюсслеру *raŋ) (Schuessler 2007: 176), хотя на подобного рода морфологическое развитие не набирается достаточное количество примеров.

Альтернативную этимологию для данной лексемы предлагает Дж. Норман. Он обращает внимание на то, что в сунском словаре рифм «Цзи юнь» 集韻 встречается слово 靚 **ç^häiŋ*, которое, согласно этому словарю, было употребительным в царствах Чу и У; при этом Норман также обращает внимание на графическую разнопись 淘, которая обнаружена им в памятнике 世說新語 «Шишо синьюй» V в. н.э. и представляет собой то же самое слово (Norman 1983: 207–208).

Мы склоняемся к мнению Нормана, что данная лексема является диалектной формой, не обнаруживающей этимологической связи с литературными эквивалентами.

Семантическая разница между лексемами 寒 *gān и 清 **s^hjèŋ* в миньских диалектах не установлена. Семантическая оппозиция между значениями ‘холодный’ (об объектах, о воде) и ‘холодный’ (о погоде) достаточно характерна для языков юго-восточной Азии, и на основании этого можно было бы предположить, что аналогичная оппозиция была актуальной и для миньских диалектов. Однако, например, Ли Жулун подчеркивает, что лексема 清 **s^hjèŋ* может применяться как по отношению к погоде, так и по отношению к воде и пище (Li 2002: 38).

В связи с невозможностью установить семантическую разницу и с максимально широкой дистрибуцией для обоих кандидатов, мы выносим на ПМ уровень обе лексемы 寒 *gān и 清 **s^hjèŋ*. При этом более архаичной из них является именно КДК этимон 寒 *gān и 清 **s^hjèŋ*, очевидно, более поздняя инновация.

16) «приходить/come»: {來} JNO lɛ₃, WCH lai₂, FZH li₅, PTI li₂, DSH lai₂, CHY lai₂, YAN la₂, TWN lai₅, CZH lai₅, SNX lyœ₂, JNY le₂, SHX lai₂, GTA li₂, NND lɛ₂, ZHN le₂, FDN li₂, YCH lai₂, LNY lie₂, DTA lɛ₂, YOX le₂, SHW li₂, JNJ lai₂, LNX lai₂, JIE lai₂, LND li₂, FQN li₁. || ПМ {來} *lāj.

17) «умирать/die»: {死} JNO si₂, WCH ti₃, FZH θi₂, LEI si₃₁, PTI fi₃, DSH si₃, CHY si₃, YAN si₃, QZH si₃, ZHZ si₃, XMN si₃, HKO ti₃, TWN si₂, CZH si₂, SNX sei₃, JNY soi₃, SHX se₃, GTA si₃, NND si₃, ZHN si₃, FDN si₃, YCH si₃, LNY si₃, DTA si₃, YOX se₃, SHW si₃, JNJ si₃, LNX si₃, JIE si₃, LND si₄, FQN si₂. || ПМ {死} *sijj.

18) «собака/dog»: (a) {狗} JNO e₂, WCH kau₃, LEI kau₃, PTI kau₃, DSH kau₃, CHY kau₃, YAN ø₃, QZH kau₃, ZHZ kau₃, XMN kau₃, HKO kau₃, TWN kau₂, CZH kau₃, SNX ka₃, JNY kœu₄, SHX au₃, YCH kau₃, LNY kau₃, DTA kɔ₃, YOX kau₃, SHW kœu₃, SHC kai₃, JNJ kau₃, LNX kau₃, JIE kau₃, LND kaaw₄; (b) {犬} FZH k^hieŋ₁, GTA k^heiŋ₃, NND k^heŋ₅, ZHN k^hen₁, FDN k^heŋ₂, FQN k^heŋ₃. || ПМ {犬} *k^hwiēn и {狗} *kəw.

В своей работе Г. С. Старостин отмечает, что родовым термином в КДК и РДК для обозначения собаки является именно 犬 *k^{hw}in (Starostin 2019: 169–170). Этот корень сохранился исключительно в *восточной ветви*. Что касается лексемы 狗 *kó, то эта основа появилась только в V–III вв. до н. э. и, скорее всего, является заимствованием из языков южных соседей; изначально она могла применяться для обозначения вида собак, использовавшихся в кулинарии (Starostin 2019: 169–170), но к началу эпохи Хань в целом вытеснила из употребления старую основу 犬 *k^{hw}in. Именно эта лексема имеет широкое распространение и употребляется во всех диалектах, кроме *восточной ветви*.

Широкая дистрибуция в данном случае скорее указывает на лексему 狗 *kó как лучшего кандидата для реконструкции ПМ слова, но учитывая тот факт, что КДК этимон до сих пор сохраняется в базовом значении в *миньдунских* диалектах, мы предлагаем выносить на ПМ уровень синонимическую пару 犬 *k^{hw}in и 狗 *kó.

19) «пить/drink»: (a) {食} WCH cja₇, LEI tsia₄, DSH tsia₇, CHY tsia₇, QZH tsiah₈, ZHZ tsiah₈, XMN tsiah₈, GTA sia₇, NND sia₈, ZHN sie₈, FDN sia₈, DTA tsia₇, SHW tsia₇, SHC jiε₇, LND hia₃, FQN sia₃; (b) {啜} FZH ts^hyok₆, LEI ts^hue₆, YAN t^hye₅, QZH ts^həh₇, ZHZ ts^hueh₇, XMN ts^heh₇, HKO sue₆, SHW tɕie₆; (c) {唸} QZH lim₁, ZHZ lim₁, XMN lim₁, TWN lim₁, CZH nim₁, JNJ lim₁, LNX lim₁; (d) {飲} PTI ieŋ₂, TWN im₂, SNX aiŋ₃, JNY aŋ₃, LND ŋim₄⁶ (?); (e) JNO {飮} jɛ₆; (f) CZH lu₄; (g) SHX {飯} puī₅. || ПМ {飲} *ʔim и {食} *zik.

КДК этимон 飲 *ʔim (← КДК *ʔəm) (d) находит свое отражение в довольно небольшом количестве не контактирующих между собой диалектов *пу-сяньской, северной и южной ветвей*. Предположительно был смещен с лидирующей позиции лексемой 食 *zik.

Полисемичный корень 食 *zik (← КДК *lak ‘есть’), который также отражает семантику ‘есть’ и ‘курить’, используется в *цуньвэньской, южной, восточной, шао-цзянской ветвях*. Важно отметить, что совпадение значений ‘есть’ и ‘пить’ в одном корне совершенно не характерно для КДК и представляет собой специфическую миньскую инновацию. Такое единение значений, вероятно, произошло после распада общеминьского, поскольку КДК лексема 飲 *ʔim сохраняется в ряде диалектов. Такое явление могло произойти под влиянием чжуан-тайских языков, где значения ‘есть’ и ‘пить’ стандартно выражаются одним и тем же словом.

⁶ Что касается инициали *ŋ*- в диалекте LND, то это необычное фонетическое развитие ДК инициали *ʔ- в позиции перед передними гласными, которое также встречается в слове 揖 *ŋap₃* (← *ʔip) ‘приветствовать сложением рук’ (Egerod 1956: 225).

По формальным критериям на ПМ уровень могут быть вынесены оба слова, так как, с одной стороны, исконная лексема 飲 **ʔim* сохранилась в географически обособленных районах; с другой стороны, несмотря на то, что у континуанта 食 **ʒik* дистрибуция имеет прилегающий характер и объединяет несколько ветвей, нельзя исключить возможность присутствия его в обобщенном значении (в качестве синонима) уже на ПМ уровне.

20) «сухой/dry»: (a) {焦 ~ 焦 ~ 凋 ~ 乾} JNO t̪au₂, FZH ta₁, PTI to₁, DSH ta₁, CHY ta₁, QZH ta₁, ZHZ ta₁, XMN ta₁, HKO ʔda₁, TWN ta₁, CZH ta₁, SNX tyo₁, JNY lio₁, SHX tio₁, GTA ta₁, NND ta₁, ZHN ta₁, FDN ta₁, YCH ta₁, LNY ta₁, DTA ta₁, YOX ta₁, JNJ ta₁, LNX ta₁, FQN ta₃; (b) {乾 ~ 焦} WCH kan₁, SHW kon₁, SHC kaŋ₁, LND kaan₁, (b.1) LEI {乾•} kaŋ₁-ts^hoŋ₆. || ПМ {乾} **kān* и {焦} **tāw*.

ДК этимон 乾 **kān* сохраняется на периферии миньского ареала в единичных диалектах цюньвэньской, шао-цзянской, южной ветвей.

Корень **tāw* встречается в северной, южной, восточной, цюньвэньской, центральной ветвях, при этом иероглифические знаки 焦 или 焦, использующиеся для его записи, обычно передают семантику ‘горелый’ (в качестве фонетика знак 焦 обычно записывает КДК корни с фонологической структурой вида **cew*). Прямая связь между графическим знаком и миньским корнем сомнительна, так как примеры фонетического развития от КДК **c-* к ПМ **t-* или **d-* отсутствуют, а семантическая деривация ‘горелый’ → ‘сухой’ в целом не типична для китайского ареала (хотя следует отметить, что в литературном языке у слова 焦 **cew* действительно изредка встречается переносное значение ‘сухой’). По мнению Шюсслера, миньское слово ‘сухой’ этимологически связано с правьет-мыонгской основой **traw* с тем же значением (Schuessler 2007: 308).

Возможных вариантов развития два: либо анализируемое слово унаследовано от КДК, но при этом существенно (и нерегулярно) изменило не только фонетику, но и семантику, либо же этот корень был заимствован из австроазиатских языков еще в ПМ период.

Исходя из формальных критериев, потенциальных кандидатов на ПМ статус оказывается два: КДК этимон 乾 **kān* и инновативная лексема 焦 **tāw*, возможно, имеющая заимствованное происхождение.

21) «ухо/ear»: (a) {耳} WCH fi₅, FZH ŋai₅, LEI hi₄, CHY hin₃, QZH hi₄, ZHZ hi₆, XMN hi₆, HKO hi₅, TWN hinn₇ (hi₇), CZH h̄i₂, SNX nei₇, JNY n̄oiŋ₄, SHX leiŋ₃, GTA ŋi₅, NND ŋei₅, ZHN ŋi₃, FDN ŋi₅, YCH hi₅, LNY n̄i₃, DTA hin₄, YOX ŋi₅, JIE hi₄, LND ŋi₅, (a.1) {耳团} PTI hi₄-iaŋ₁, DSH hi₄-a₃, JNJ hi₄-a₃, LNX hi₅-a₃, FQN ŋi₄-(k)iaŋ₂, (a.2) {聆窟} SHW nin₃-k^huei, SHC ŋiŋ₃-k^hue₂, (a.3) YAN {耳•} nan₂-tsan₃, (a.4) JNO {耳仔} neiŋ₆-c̄ɛ₂. || ПМ {耳} **n̄i^h*.

22) «земля/earth»: (a) {塗 ~ 涂 ~ 土} WCH hou₂, FZH t^hu₂, LEI t^heu₂, PTI t^hou₂, DSH t^ho₂, CHY t^hou₂, QZH t^ho₂, ZHZ t^ho₂, XMN t^ho₂, HKO h̄ou₂, TWN t^hoo₂, CZH t^hou₅, GTA t^hu₂, NND t^hou₂, ZHN t^ho₂, FDN t^hu₂, YCH t^ho₂, LNY t^hu₂, DTA t^hu₂, YOX t^hio₂, JNJ t^ho₂, LNX t^ho₂, JIE t^ho₂, LND t^hu, FQN t^hu₁; (b) {泥} JNO nai₃, YAN le₂, SNX na₂, JNY nai₂, SHX nai₅, SHW nie₂, SHC la₂. || ПМ {塗} **d^hō* и {泥} **nāj*.

КДК этимон 土 **t^hō* не отражен в современных миньских диалектах, несмотря на определенное фонетическое сходство с наиболее частотным миньским корнем, обозначающим ‘землю’. Учитывая, что формы группы (a) указывают на звонкую придыхательную инициаль в ПМ, можно сделать вывод, что все они восходят непосредственно к слову 塗 [do] (← ПДК **d^hō* ← КДК **L^hā*) ‘глина’. Следовательно, речь идет о лексической замене на ПМ уровне.

Корень 泥 **nāj* (← КДК **nāj*) с исходным значением ‘глина’ встречается только в северной, центральной и шао-цзянской ветвях.

Таким образом, мы видим, что основы 塗 *d^hō и 泥 *nāj имеют четкую дистрибуцию (塗 *d^hō – юг и восток, 泥 *nāj – центр и север), разделяя языковой континуум на две зоны; по этой причине оба континуанта являются равноправными кандидатами на ПМ статус.

23) «есть/eat»: (a) {食} WCH cja₇, FZH θiek₇, LEI tsia₄, PTI fie₃, DSH tsia₇, CHY tsia₇, QZH tsiah₈, ZHZ tsiah₈, XMN tsiah₈, HKO tsia₅, TWN tsiah₈, CZH tsia₇, GTA sia₇, NND sia₈, ZHN sie₇, FDN sia₇, YCH tsia₇, LNY tsa₄, DTA tsia₇, YOX čia₁, SHW čie₄, SHC fie₇, JNJ tsia₇, LNX tsia₇, JIE tsia₈, LND hia₃, FQN sia₃; (b) {饑} JNO ĵε₆, YAN ie₄, SNX iei₇, JNY fie₇, SHX ie₄. || ПМ {食} *žik.

24) «яйцо/egg»: {卵} JNO sɔŋ₁, WCH nui₅, FZH louŋ₅, LEI lui₄, PTI lœ₄, DSH nui₅, CHY nəŋ₄, YAN sum₄, QZH nŋ₄, ZHZ nui₆, XMN nŋ₆, HKO nui₅, TWN nng₇, CZH nng₆, SNX sueiŋ₅, JNY suŋ₄, SHX suĩ₄, GTA lɔŋ₅, NND lɔn₆, ZHN lɔn₆, FDN loŋ₆, YCH lŋ₆, LNY nĩ₄, DTA nuĩ₄, YOX nũ₆, SHW son₃, SHC řǝ₃, JNJ nŋ₄, LNX nui₅, JIE nŋ₃, LND lan₃, FQN loŋ₄. || ПМ {卵} *l^hwán.

25) «глаз/eye»: (a) {目} WCH mak₇, LEI mak₈, CHY mak₇, HKO mak₈, TWN bak₈, CZH mak₈, JIE bak₈; (a.1) {目矚 ~ 目珠} JNO mu₆-ciu₆, FZH møyk₃-tsiu₁, PTI mak₃-tsiu₁, DSH bak₄-tsiu₁, YAN mu₃-tsy₁, QZH bak₈₋₄-tsiu₁, ZHZ bak₈₋₅-tsiu₁, XMN bak₈₋₅-tsiu₁, SNX mei₇-tsiu₁, JNY mu₇-tsiu₁, SHX bu₄-tʃiu₁, GTA mei₇-tsiu₁, NND mu₇-tsiu₁, ZHN mi₇-tsiu₁, FDN mu₇-tsiu₁, YCH bak₈-tsiu₁, LNY bak₈-tsiu₁, DTA ba₇-tsiu₁, YOX mɣ₈-tsiu₁, SHW mu₆-tɕy₁, SHC mu₇-tʃy₁, JNJ bak₇-tsiu₁, LNX bak₇-tsiu₁, LND mi₃-ciw₂, FQN mø₇-tsiu₃. || ПМ {目} *m^hiuk.

26) «жир/fat»: (a) {膏} FZH ko₁, LEI kɔ₁, PTI kou₁, CHY ko₁, QZH ko₁, ZHZ ko₁, XMN ko₁, TWN ko₁, SHC ko₁; (b) WCH {白肉} be₇=fjɔk₇, (b.1) DSH {白肉} pe₇=ba₇; (c) HKO {肥} ?bui₂. || ПМ {膏} *kāw.

27) «перо/feather»: (a) {毛} JNO mau₃, WCH mo₂, QZH mŋ₂, ZHZ mɔ₂, XMN mŋ₂, CZH mo₅, JNJ mŋ₂, LNX mɔ₂, JIE mo₂, LND mo₂; (a.1) {羽毛} FZH y₄=mou₂, PTI y₄=mu₂, DSH u₁=mo₂, CHY u₄=mo₂, HKO zi₂=mo₂, TWN u₂=mo₅. || ПМ (羽)毛 *(wó)-m^hāw.

КДК континуант 羽 *w(r)á самостоятельно в миньских диалектах не используется, а только сочетается с корнем 毛 *m^hāw ‘шерсть, перо, волосы на теле’ в рамках бинома 羽毛 *wó-m^hāw (a.1) в диалектах восточной, пу-сяньской, южной, цюньвэньской ветвей.

Основа 毛 *m^hāw, напротив, может употребляться отдельно и встречается в северной, цюньвэньской и южной ветвях. Она восходит к полисемичному слову *m^hāw ‘шерсть, перо, волосы на теле’; следует отметить, что и в современных миньских диалектах сохраняется многозначность данного корня.

Так как все представленные лексемы объединены морфемой 毛 *m^hāw, и различие состоит лишь в том, что в одних случаях фиксируется бином, а в других — только однослог, мы условно реконструируем для ПМ уровня бином (羽)毛 *(wó)-m^hāw с факультативным первым компонентом. Сценарий развития, согласно которому в ПМ значение ‘перо’ изначально выражалось корнем 毛 *m^hāw, который затем в некоторых диалектах расширился до бинома, маловероятен на том основании, что еще в ДК основным корнем ‘перо’ был именно 羽 *w(r)á. Замещение лексемы 羽 *w(r)á инновативной лексемой 毛 *m^hāw в миньских диалектах, а затем ее восстановление в отдельных диалектах — чересчур сложный вариант развития.

28) «огонь/fire»: {火} JNO xo₂, WCH fɥe₃, FZH hui₃, LEI huε₃, PTI hui₃, DSH hue₃, CHY hue₃, YAN hue₃, QZH hə₃, ZHZ hue₃, XMN he₃, HKO hue₃, TWN hue₂ (he₂), CZH hue₂, SNX k^huei₃, JNY k^hui₃, SHX xuε₃, GTA ŋuo₃, NND ŋøy₃, ZHN ŋuɔi₃, FDN xuei₃, YCH hə₃, LNY hue₁, DTA hue₃, YOX xui₃, SHW fei₃, SHC xuε₃, JNJ hə₂, LNX hue₃, JIE hue₃, LND fuaj₄, FQN hui₃. || ПМ {火} *hwǝj.

29) «рыба/fish»: (a) {魚} JNO ŋü₃, WCH fu₂, FZH ŋy₂, LEI hu₂, PTI hy₂, DSH hi₂, CHY hu₂, YAN ŋy₂, QZH hu₂, ZHZ hi₂, XMN hi₂, HKO hu₂, TWN hi₅, CZH hə₅, SNX ŋy₂, JNY ŋy₂, SHX gy₂, GTA ŋy₂, NND ŋøy₂, ZHN ŋəu₂, FDN ŋi₂, YCH hu₂, LNY hi₂, DTA hi₂, YOX ŋi₂, SHW ŋ₂, SHC ŋi₂, JNJ hə₂, LNX hi₂, JIE hə₂, LND ŋi₂, FQN ŋy₁. || ПМ {魚} *ŋ^ho.

30) «летать/fly»: {虎+風~飛} JNO üε₂, WCH bue₁, FZH pui₁, LEI pue₁, PTI puai₁, DSH pue₁, CHY pfe₁, YAN pue₁, QZH pə₁, ZHZ pue₃, XMN pe₁, HKO ?bue₁, TWN pue₁ (pe₁), CZH pue₁, SNX hue₁ (həε₈), JNY pəi₁, SHX pue₁, GTA puoi₁, NND pəy₁, ZHN pui₁, FDN pue₁, YCH pə₁, LNY pue₁, DTA pue₁, YOX pū₁, SHW p^həi₃, SHC p^hue₃, LNX pue₁, JIE pue₁, LND puai₁, FQN puoi₃. || ПМ {飛} *pwij.

31) «нога/foot»: (a) {髁~跂~脚} JNO k^hau₁, WCH ha₁, FZH k^ha₁, LEI k^ha₁, PTI k^ho₁, CHY k^ha₁, YAN k^ho₁, QZH k^ha₁, ZHZ k^ha₁, XMN k^ha₁, HKO xa₁, TWN k^ha₁, CZH k^ha₁, SNX k^həu₁, JNY k^hau₁, SHX k^hau₁, GTA k^ha₁, NND k^ha₁, ZHN k^ha₁, FDN k^ha₁, YCH k^ha₁, LNY k^ha₁, DTA k^ha₁, YOX k^ha₁, SHW k^hau₁, SHC k^hau₁, LNX k^ha₁, JIE k^ha₁, LND k^haa₁, FQN k^ha₃, (a.1) DSH {跂} k^ha₅-te₂, (a.2) JNJ {脚腿} k^ha₁-t^hui₃. || ПМ {髁} *k^hāw.

КДК этимон 足 *cok заменился на общеминьском уровне, так как во всех современных диалектах наблюдается инновативный корень 髁 **k^hāw* (← КДК **k^hrāw*). Эта лексема несколько раз встречается в текстах классического периода; словарь «Шовэнь цзецзы» толкует ее как ‘голень’. В некоторых диалектах иероглифический знак 髁 **k^hāw* заменен на часто использующийся в КДК языке иероглиф 脚 (обычно записывает ДК *kak ‘нога’) по семантическому принципу. Что касается этимологической связи между этими лексемами, то, как отмечает Шюсслер, она не вполне ясна (Schuessler 2007: 427), но очевидно, что прямого родства между ними нет.

32) «полный/full»: (a) {滿~瞞} WCH mɕa₅, FZH muaŋ₃, PTI muŋ₃, DSH mua₃, YAN mɕ₃, SHW mon₃, SHC maŋ₃, JNJ mua₃, LNX mua₃, JIE mua₃, LND mun₄, (a.1) JNO {滿分} muiŋ₂-xəŋ₄; (b) {溱} FZH tien₅, LEI ti₄, CHY tin₄, QZH tī₄, ZHN tī₆, XMN tī₆, HKO ?di₅, TWN tinn₇, LND tiam₅; (c) {蜜} CHY bik₇, CZH bek₈. || ПМ {滿} *mān.

КДК корень 盈 *leŋ в миньской группе диалектов не отмечен; вероятно, он был вытеснен еще на прауровне лексемой 滿 *mān ‘быть полным, полный’, которая начинает активно употребляться в ханьское время; таким образом, миньский корень продолжает ПДК этимологию. Корень 滿 *mān является основным претендентом на ПМ статус.

Альтернативный корень 溱 [tim], широко распространенный в южной, восточной и цюньвэньской ветвях, не имеет явных параллелей в КДК, но, вероятно, связан с чжуан-тайскими формами, ср. тайск. *tem*, лунчжоу *tim*, по-ай *lim* и др. (Li 1977: 118).

33) «давать/give»: (a) {乞 ~ 給 ~ 客 ~ 欠} FZH k^høyk₆, LEI k^hi₆, PTI kek₃, DSH k^hə?₇, CHY k^hi₂, YAN k^hein₅, CZH k^he?i₁, SHX k^hiŋ₅, GTA k^hei?i₆, NND k^hi?i₇, ZHN k^he?i₇, FDN k^hi?i₇, DTA k^he₅, YOX k^hia₇, JIE k^he?i₇, FQN k^hø₆; (b) {互 ~ 度 ~ 與 ~ 予} QZH t^hɔ₅, ZHZ hɔ₆, XMN hɔ₆, TWN hoo₇, YCH hɔ₆, JNJ t^hɔ₆, LNX hɔ₅; (c) {交} QZH kau₁, ZHZ kau₁, XMN kau₁, TWN kau₁; (d) {共} TWN ka₇, JIE ka₀, JNJ kaŋ₃; (e) {啲 ~ 納} JNO na₅, SNX na₆, JNY na₆; (g) {傳} QZH tŋ₂, JNJ tŋ₅. || ПМ {乞} *k^hit.

КДК этимон 與 *lá не сохранился ни в одном из современных миньских диалектов, что дает основания говорить о лексической замене на прауровне.

Наиболее широкой дистрибуцией обладает корень 乞 **k^hit* (← КДК **k^hət*) ‘просить’ (встречается в диалектах восточной, южной, пу-сяньской и центральной ветвей), унаследованный от КДК эпохи (HYDC I: 760). Шюсслер пишет, что уже в «Ханьшу» появляется производная форма от КДК глагола, образованная с помощью суффикса *-s: **k^his* (← КДК **k^hət*) ‘дать’. Но было бы, однако, некорректно полностью отождествлять процессы раз-

вития в ПДК и в миньских диалектах, поскольку в последних налицо семантический сдвиг ‘просить’ → ‘давать’ без сопровождающих изменений в морфологии. Впрочем, некоторые из перечисленных форм, судя по их тональным характеристикам, могут все же восходить конкретно к *s*-производному 乞 *k^hís. Ср. также вероятные сино-тибетские когнаты у Шюсслера: лимбу *kett* ‘передавать, доставлять’, канаури *ket* ‘давать’, тхебор *k^het* ‘давать’ (Schuessler 2007: 422).

Несмотря на то, что у данной основы есть фиксированный иероглифический знак, в диалектах графический знак часто подбирается по фонетическому принципу, за исключением диалекта LEI южной ветви, в котором знак 給 *k^hap отражает семантику лексемы.

Исходя из соображений дистрибуции, единственным возможным кандидатом для реконструкции ПМ состояния остается основа 乞 *k^hit.

34) «хороший/good»: {好} JNO hau₂, WCH ho₈, FZH ho₃, LEI ho₁, PTI hou₃, DSH hə₃, CHY ho₅₃, YAN hau₃, QZH ho₃, ZHZ ho₃, XMN ho₃, HKO ho₃, TWN honn₂, CZH ho₇, SNX xo₄, JNY hau₄, SHX xə₃, GTA xə₃, NND xə₃, ZHN xə₅, FDN xo₅, YCH ho₅, LNY hɤ₃, DTA hɤ₃, YOX hau₃, SHW hau₃, JNJ ho₃, LNX ho₃, JIE ho₃, LND ho₄, FQN ho₂. || ПМ {好} *h^hw.

Лексема 好 *h^hw, по всей видимости, как и в ПДК, вытеснила этимон 善 *dán на ПМ уровне, так как он не был обнаружен ни в одном из языков-потомков.

35) «зеленый/green»: (a) {綠} WCH ljak₇, FZH luok₇, LEI liak₈, PTI lok₅, YAN ly₄, HKO liak₈, TWN lik₈, CZH lek₈, DTA loʔ₇, SHW lyʔ₅, JNJ liak₈, LNX lik₇, JIE lek₈, LND luk₁, FQN luo₃, (a.1) {綠色} DSH liok₂-sek₆, CHY lek₂-sek₂; (b) {青} JNO c^haŋ₁, WCH se₁, QZH ts^hɿ₁, ZHZ ts^hɿ₁, XMN ts^hɿ₁, HKO se₁, TWN ts^henn₁ (ts^hinn₁), JNY t^haŋ₁, SHC ts^hɿ₁. || ПМ {青} *s^hiēŋ, {綠} *lok.

Широко распространенная в классический период лексема 青 *s^hiēŋ (← КДК *s^hēŋ) сохранилась в современных диалектах северной, южной, цюньвэньской и шао-цзянской ветвей, и, предположительно, не утратила исходную диффузную семантику, обозначая спектр от зеленого, синего, голубого до серого и черного.

Основа 綠 *lok (← КДК *rok), также унаследованная от КДК, имеет исключительно значение ‘зеленый’, но следует отметить, что в КДК она не была основной лексемой для передачи данного цветообозначения и преимущественно использовалась для описания искусственно окрашенных предметов. По входящим данным корень зафиксирован во всех ветвях, кроме центральной.

Допустимо, что на ранних этапах развития миньских диалектов лексемы 青 *s^hiēŋ и 綠 *lok имели примерно такую же разницу в употреблении, как и в КДК, но из-за невозможности детальной реконструкции на данном этапе мы предлагаем вынести на ПМ уровень оба слова.

36) «волосы/hair»: (a) {頭毛} JNO t^he₃=mau₃, WCH hau₂=mo₂, LEI t^hau₂=mɔ₂, DSH t^hau₅=mo₂, CHY t^hau₅=mo₂, QZH t^hau₂=mŋ₂, ZHZ t^hau₂₋₆=mɔ₂, XMN t^hau₂₋₆=mŋ₂, HKO hau₂=mo₂, TWN t^hau₅=mŋ₅, CZH t^hau₅=mo₅, SNX t^ha₂=mo₂, JNY həu₂=mau₂, GTA t^hau₂=muoʔ₁, YCH t^hau₂=bŋ₂, LNY t^hau₂=mō₂, DTA t^hɔ₂=bŋ₂, SHC t^hai₅=mo₅, JNJ t^hau₂=mŋ₂, JIE t^hau₂=mo₂, FQN t^hau₁=mo₁; (b) {頭髮~頭發} FZH t^hau₄=uok₆, PTI t^hau₁=uai₄, YAN t^hø₂=pue₅, SHX t^hau₂=puε₆, NND t^hau₂=uʔ₁, ZHN t^hau₂=uʔ₆, FDN t^hau₂=puoʔ₆, YOX t^hau₂=pue₆, SHW t^hau₇=pei₇, FQN t^hau₁=huoʔ₅; (c) {頭總} JNJ t^hau₂=tsaŋ₁, LNX t^hau₂=tsaŋ₁. || ПМ {頭髮} *d^hōw=pwat и {頭毛} *d^hōw=m^hāw.

КДК этимон 髮 *pwat (← КДК *pat) сохранился во многих языках-потомках миньдунской, пу-сяньской, миньчжунской, миньнаньской и шао-цзянской ветвей, но употребляется всегда только в двусложной форме, в которой первый компонент — лексема 頭 *d^hōw ‘голова’. Необходимо отметить, что в диалектах SHX, YOX, SHW иероглифический знак 髮 *pwat заменен на знак 發 *pwat ‘начинать, выходить’ из-за фонетического сходства основ.

Более широкая дистрибуция наблюдается у инновативной основы 毛 *m^hāw, которая также употребляется только в составе бинорма 頭毛 *d^hōw=m^hāw (букв. ‘шерсть головы’). Она встречается в северной, цюньвэньской, южной ветвях и в единичных диалектах восточной и шао-цзянской ветвей.

С точки зрения дистрибуции невозможно сказать, какая из двух лексем лучше подходит для реконструкции, поэтому технически вывести на прауровень следует обе лексем (хотя более архаичной из них, безусловно, является 頭髮 *d^hōw=pwat, а более инновативной — 頭毛 *d^hōw=m^hāw).

37) «рука/hand»: {手} JNO s̩u₂, WCH s̩u₃, FZH ts^hiu₃, LEI ts^hiu₃, DSH ts^hiu₃, CHY ts^hiu₃, YAN t^hiau₃, QZH ts^hiu₃, ZHN ts^hiu₃, XMN ts^hiu₃, TWN ts^hiu₂, CZH ts^hiu₂, SNX siu₃, JNY siu₃, SHX t^hio₃, GTA ts^hiu₃, NND ts^hiu₃, ZHN ts^hiu₃, YCH ts^hiu₃, LNY ts^hiu₃, DTA ts^hu₃, YOX ts^hiu₃, SHW ɕiu₃, SHC ɕiu₃, JNJ ts^hiu₃, LNX ts^hiu₃, JIE ts^hiu₃, LND c^hiu₄, FQN ts^hiu₂. || ПМ {手} *s^hiw.

38) «голова/head»: (a) {頭} JNO t^he₃, WCH hau₂, FZH t^hau₂, LEI t^hau₂, PTI t^hau₂, DSH t^hau₂, CHY t^hau₂, YAN t^hø₂, QZH t^hau₂, ZHN t^hau₂, XMN t^hau₂, TWN t^hau₅, SNX t^ha₂, JNY hæu₂, SHX t^hau₂, GTA t^hau₂, NND t^hau₂, ZHN t^hau₂, FDN t^hau₂, YCH t^hau₂, YOX t^hau₂ (t^hø₂), SHW t^heu₆, SHC t^hai₅, JNJ t^hau₂, LNX t^hau₂, JIE t^hau₂, LND t^haaw₂, FQN t^hau₁, (a.1) {頭殼} CZH t^hau₅-k^hak₄, LNY t^hau₂-k^hak₇, DTA t^hø₂-k^ha₇, (a.2) НКО {頭顱} hau₁-lε₁. || ПМ {頭} *d^hōw.

КДК этимон 首 *lú не прослеживается ни в одном из диалектов изучаемой диалектной группы, из чего следует вывод, что он был замещен лексемой 頭 *d^hōw на уровне праязыка, как и в ПДК.

39) «слышать/hear»: (a) {聽} WCH h̩a₁, FZH t^hia₁, LEI t^hia₁, PTI t^hie₁, DSH t^hian₁, CHY t^hian₁, YAN t^hion₁, QZH t^hiā₁, ZHZ t^hiā₁, XMN t^hiā₁, НКО hia₁, CZH t^hiā₁, SHW t^hia₁, JNJ t^hiā₁, LNX t^hiā₁, JIE t^hiā₁, LND t^hia₁, FQN t^hia₃, (a.1) JNO {聽聆} t^hia₃-li₄. || ПМ {聽} *t^hiē₁.

Основной КДК этимон 聞 *mən не был найден ни в одной из ветвей, из чего можно сделать вывод о вытеснении его лексемой 聽 *t^hiē₁ уже на ПМ уровне.

40) «сердце/heart»: (a) {心} JNO se₁, FZH θi₁, LEI si₁, PTI ɕi₁, DSH si₁, CHY si₁, YAN sa₁, QZH si₁, ZHZ si₁, XMN si₁, НКО ti₁, TWN si₁, CZH si₁, SNX se₁, JNY sɔi₁, SHX se₁, SHW sən₁, SHC si₁, JNJ si₁, LNX si₁, JIE si₁, LND si₁, FQN si₃, (a.1) WCH {心臟} t̩om₁-ta₅. || ПМ {心} *s̩im.

41) «рог/horn»: {角} JNO ku₅, WCH kak₆, FZH koyk₆, PTI kak₃, DSH kak₆, CHY kak₆, YAN ku₅, QZH kak₇, ZHZ kak₇, XMN kak₇, TWN kak₄, CZH kak₄, SNX ku₆, JNY ko₆, SHX ko₆, GTA køy₆, NND kœk₇, ZHN kœuk₇, FDN ke₇, YCH kak₆, LNY kak₇, DTA ka₇, YOX ku₇, LNX kak₆, LND kek₃. || ПМ {角} *kōk.

42) «я/I»: (a) {我} JNO ɕε₆, WCH g̩a₃, FZH ŋuai₃, LEI ba₃, PTI kua₃, DSH g̩a₃, CHY ua₃, YAN ŋuo₁, QZH g̩a₃, ZHZ g̩a₃, XMN g̩a₃, НКО va₃, TWN g̩a₂, CZH ua₂, SNX ŋua₇, JNY βue_{2b}, SHX g̩a₁, GTA ŋuai₃, NND ua₅, ZHN ua₃, FDN ua₃, YCH g̩a₃, LNY g̩a₃, DTA bua₃, YOX ŋua₃, SHC ŋa₄, JNJ g̩a₃, LNX g̩a₃, JIE ua₀, LND waa₄, FQN ŋua₂; (b) SHW {伉} xa₅. || ПМ {我} *ŋ^há.

43) «убивать/kill»: (a) {劊 ~ 台 ~ 治 ~ 夷} JNO t^hi₃, WCH hai₂, FZH t^hai₂, LEI t^hai₂, PTI tai₂, DSH t^hai₂, CHY t^hai₂, YAN t^hi₂, QZH t^hai₂, ZHZ t^hai₂, XMN t^hai₂, НКО hai₂, TWN t^hai₅, CZH t^hai₅, SNX t^hi₃, JNY h̩i₃, SHX t^hi₂, GTA t^hai₂, NND t^hai₂, ZHN t^hai₂, FDN t^hai₂, YCH t^hai₂, LNY t^hai₂, DTA t^hε₂, YOX t^hai₂, SHW t^hε₂, JNJ t^hai₂, LNX t^hai₂, JIE t^hai₂, LND t^hai₅, FQN t^hai₁. || ПМ {劊} *d^hə.

Стоит отметить, что фиксированная иероглифическая форма у данного диалектного слова отсутствует; чаще всего используется знак 台 или его графический вариант без ключа ‘нож’ 台. Очевидно, оба знака подобраны по фонетическому принципу (ПДК *d^hə).

Дж. Норман предполагает, что лексема 台 *d^hai (реконструкция Нормана), заместившая КДК этимон 殺 *srāt, восходит к КДК форме 治 *L^həh ‘управлять, регулировать’ с производными значениями ‘чистить, очищать, убивать, резать’ (Norman 1979: 179–181). В подтверждение этой гипотезы он приводит пример из словаря «Шовэнь цзецзы»: 劍, 楚人謂治魚也 «цзе — [так] чусцы называют очистку рыбы [от чешуи]»⁷. Однако такой сценарий развития с историко-семантической точки зрения выглядит спорным: легко предположить семантический переход ‘приводить в порядок’ → ‘очищать от шкуры’, но развитие ‘приводить в порядок’ → ‘резать, убивать’ требует надежных типологических параллелей.

Альтернативная этимология предложена Дэн Сяохуа; он считает, что слово является старым заимствованием из тай-кадайских языков в ПМ, и приводит ряд возможных когнатов из тай-кадайских языков с семантикой ‘умереть’: чжуанск. *tāi*₁, дай *tāi*₁, линьгао *dai*₁, дунск. *tai*₁, мулао *tai*₁, суй *tai*₁, ли *tāu*₁ (ср. также ли *hau*₁ ‘убить’). (Он также приводит потенциальные параллели в языках мяо-яо: цяньдун мяо *ta*₅ ‘убить’, *tua*₆ ‘умереть’, чуаньцянь дяньмяо *tua*₅ ‘убить’, *tua*₆ ‘умереть’, меник (яо) *tai*₅ ‘убить’, *tai*₆ ‘умереть’, бяоминь яо *tai*₅ ‘убить’, *tai*₄ ‘смерть, умереть’, и в австронезийских языках: амис *pataj* ‘убить’, бунун *matao* ‘умереть’, пайвань *matsay* ‘умереть’, цатский *tai*₄₂ ‘умереть’, см. Deng 1994: 39).

Ввиду того, что в тай-кадайских языках (наиболее вероятном из возможных доноров с точки зрения географии и фонологии) семантика, как правило, непереходная (‘умирать’), потенциальный механизм заимствования остается не вполне ясным, однако версия заимствования все же остается предпочтительной по отношению к семантически неправдоподобной внутренней этимологии. Мы склонны в данном случае предпочесть мнение Дэн Сяохуа.

44) «колени/knee»: (a) LEI {骹頭汚} k^ha₁-t^hau₂-u₁, TWN {骹頭跌} k^ha₁-t^hau₅-u₁, YCH {骹頭} k^ha₁-t^hau₂-u₁, LNY {骹頭} k^ha₁-lau₂-u₁, LNX {骹頭窩} k^ha₁-t^hau₂-u₁, JIE {骹頭窩} k^ha₁-t^hau₂-u₁, (a.1) {骹腹頭~骹肚頭} SNX k^ho₁-pu₆-t^ha₂, JNY k^hau₁-po₆-həu₂, FDN k^ha₁-pu₆-lau₂, GTA k^ha₁-u₄-lau₂, (a.2) {骹肚頭} ZHN k^ha₁-lu₃-lau₂, FQN k^ha₃-tu₂-t^hau₁, (a.3) {骹窩頭} DTA k^ha₁-u₁-t^hə₂, SHW k^ha₁-u₁-t^hə₂, (a.4) NND {骹骨頭} k^ha₁-ət₆-t^hau₂, (a.5) JNO {骹曲} k^hau₁-k^hü₁, (a.6) CZH {脚龜頭} k^ha₁-ku₁-t^hau₅, (a.7) SHX {骹子頭} k^hau₁-ts₃-t^hau₂, (a.8) HKO {脚踏躄} xa₁-hu₁-tsi₂, (a.9) WCH {骹} ha₁-?u₁, (a.10) YOX {骹頭} k^ha₁-p^hu₃-t^hə₂. || ПМ {骹} *k^hāw ●.

КДК этимон 膝 *sit ‘колени’ не сохранился ни в одном из современных диалектов, что дает основания сделать вывод о лексической замене на прауровне. В подавляющем большинстве современных диалектов наблюдаются трехсложные формы, которые с трудом поддаются морфологическому анализу. Абсолютно прозрачным оказывается только первый компонент 骹 (ПДК *k^hāw) ‘нога’, а остальные два компонента вариативны.

Форма [k^hāw-dlw-?o] (a) или [k^hāw-?o-dlw] (a.3) является наиболее распространенной в южных диалектах и в диалекте шао-цзянской ветви SHW. В рассматриваемой лексеме однозначно выделяется морфема 頭 (ПДК *d^həw) ‘голова’, третий компонент не имеет четкого иероглифического знака и либо записывается знаками 汚 [?o] ‘грязный’, 跌 [pu] ‘задняя часть стопы’, 窩 [?wa] ‘гнездо, впадина’, подобранными исходя из фонетической близости основ, либо вообще не записывается иероглифом. С точки зрения семантики

⁷ Детальный анализ текста «Шовэнь цзецзы» обнаруживает дополнительный пример на такого рода словоупотребление: 革, 獸皮治去其毛 «выделанная кожа — это когда кожу животного очистили от шерсти».

наиболее вероятно, что этимологически этот компонент восходит к лексеме 窩 [ʔwa] ‘гнездо, впадина’.

Для северной и восточной ветвей хорошо выделяется форма (a.1) 骹腹頭 [k^haw-puk-daw] букв. ‘голова живота ноги’, при этом любопытно отметить, что в диалекте FDN восточной ветви иероглифический знак 腹 *piuk ‘живот’ заменен на 肚 *dō ‘живот’, очевидно, из-за семантической близости. При этом вариант с альтернативной лексемой ‘живот’ тоже прослеживается, но только в миньдунской ветви (a.2) диалектов ZHN и FQN.

В данной запутанной ситуации полная реконструкция формы технически невозможна. Во всех языках-потомках фиксируются очень похожие друг на друга формы, которые невозможно свести к единой праформе. Мы можем четко реконструировать только первую морфему — *k^haw ‘нога’. С несколько меньшей вероятностью можно предполагать, что в состав этой сложной основы на прауровне входила морфема 頭 *d^how ‘голова’, хотя она отсутствует в диалектах JNO из северной ветви и WCH из цюньвэньской ветви.

45) «знать/know»: (a) {知} WCH tai₁, YAN ti₁, HKO tai₁, LEI tsai₁, CHY tsai₁, TWN tsai₁, PTI tsai₄ (a.1) {知影 ~ 職影} DSH tsai₅-ian₃, QZH tsai₁₋₆-iã₃, ZHZ tsai₁₋₆-iã₃, XMN tsai₁₋₆-iã₃, YCH tsai₁-iã₃, SHC tsai₁-iã₃, JNJ tsai₁-iã₃, LNX tsai₁-iã₃, JIE tsai₁-tã₃, (a.2) CZH {知咀} tsai₁-tã₃, (a.3) LNY {職} tsai₁-tsã₁, (a.4) {會知} ZHN e₆₋₅=tsai₁, XMN e₆₋₅=tsai₁, (a.6) {得知} JNO te₅=ti₁, SHX te₆=ti₁, (a.7) DTA {職了} tse₁-lɿ₃, (a.8) YOX {職得} tsai₁-tɿ₆, (a.9) LND {知道} cai₁-t^haw₂; (b) {曉} CZH hiau₂, PTI hiau₁, (b.1) {曉得} SNX xa₆-tyœ₆, JNY xau₃-te₆, SHW xiau₃-tie₀, SHC xiau₃-ta₂, (b.2) FDN {曉識} xieu₃-si₇; (b.3) FQN {曉來} hieu₂-li₃, (c) {八 ~ 扒 ~ 捌} FZH paik₂₃, JIE pak₇, (c.1) NND {八傳} pe₆-lyŋ₂, (c.2) ZHN {八傳} pi₇-ian₂, (c.3) GTA {會八} ε₅=pei₇. || ПМ {知} *tɛ и {曉} *síéw.

Максимальной дистрибуцией обладает КДК основа 知 *tɛ (← КДК *tre), которая сохранилась во всех ветвях, кроме восточной. Важно отметить, что в южной, пу-сяньской и шао-цзянской ветвях форма зафиксирована с аффрикативной инициальной ts-, представляющей собой редкое, нерегулярное развитие дентальной инициали в миньских диалектах. В связи с этим стоит отметить, что в диалектах LNY, YOX, DTA корень *tɛ записывается иероглифическим знаком 職 [sl] ‘смотреть’, зафиксированным исключительно в словарях и, очевидно, подобранным по принципу фонетического сходства; скорее всего, именно из-за нерегулярного развития инициали носители перестают воспринимать данный корень как унаследованный от ДК состояния. Тем не менее, альтернативная гипотеза о возможном некитайском происхождении корня не подтверждается потенциальными когнатами ни в каких из ветвей тай-кадайской, австроазиатской или австронезийской семей.

Другая, менее распространенная основа 曉 *síéw (← КДК *jéw) ‘знать’ (b) берет начало в чуском диалекте ханьской эпохи со значением ‘знать, понимать’ (Schuessler 2007: 536). Она встречается во всех ветвях, кроме цюньвэньской.

По формальным критериям на ПМ уровень можно вывести обе лексемы: 知 *tɛ и 曉 *síéw, так как четкого распределения между ними не наблюдается. Вероятно, частичная синонимия допускалась уже на ПМ уровне между двумя словами.

46) «лист/leaf»: (a) {葉 ~ 箬} FZH nuok₇, LEI hio₄, PTI niau₃, DSH hio₇, CHY hio₇, YAN ny₄, QZH hioh₈, ZHZ hioh₈, XMN hioh₈, HKO hio₅, CZH hio₇, SNX nio₇, JNY ni₇, SHX io₄, GTA nyø₇, NND nøk₇, ZHN ny₇, FDN nie₇, YCH hio₇, LNY niō₃, DTA niŋ₃, YOX nø₁, SHW nio₇, SHC yo₇ (io₇), LND nua₃, (a.1) {樹箬} JNO c^hiu₁=n₇o₆, WCH siu₁=h₇o₇, FQN ts^hiu₅=nyo₃, (a.2) {葉仔} TWN hioh₈-a₂, LNX hio₇-a₃. || ПМ {箬} *ńauk

КДК этимон 葉 *l^hap не является базисным в современных языках-потомках и был вытеснен инновацией 箬 (ПДК *ńauk), вероятно, уже на ПМ уровне. Источники показывают, что старая лексема сохранилась почти исключительно в качестве фамильного знака.

Инновация 箬 *hauk происходит от чуского слова ханьской эпохи со значением ‘кора бамбука, листья бамбука’ (Schuessler 2007: 448); таким образом, мы наблюдаем сужение значения: ‘лист(ья) бамбука’ → ‘лист’.

47) «лежать/lie»: (a) {倒} JNO tau₂, FZH to₃, DSH tə₄, QZH to₃, ZHZ to₃, XMN to₃, SNX to₃, JNY tau₃, SHX to₃, GTA to₃, NND to₃, ZHN to₃, FDN to₃, YCH to₃, LNY to₃, DTA tʰɿ₃, YOX tʰɿ₃, JNJ to₃, LNX to₃, JIE to₃, FQN to₂ (a.1) PTI {倒下} to₁-xa₂, (a.2) SHW {倒下去} tau₃-xa₀-k^ho₀; (b) WCH ʔa₃; (c) LEI {邁} mai₅; (d) LEI se₅; (e) HKO {溫} un₁; (f) HKO {屢} ai₃; (g) CHY {落來} in₇-lo₀-lai₀. || ПМ {倒} *t^haw.

Несмотря на то, что этот довольно сложный статический глагол плохо фиксируется в КДК языке и с трудом отделяется от динамических глаголов ‘ложиться, идти спать, спать’ (Starostin 2019: 172–173), в миньских диалектах он фиксируется довольно однозначно.

Наилучшим кандидатом для статуса ПМ реконструкции в данном случае оказывается КДК основа 倒 *t^haw ‘падать, переворачиваться’ (HYDC I: 1464), которая проявляется во всех ветвях, кроме цюньвэньской. Таким образом, налицо семантическая деривация ‘падать, переворачиваться’ → ‘лежать’.

48) «печень/liver»: (a) {肝} JNO xui₁, WCH kɿa₁, FZH ka₁, LEI kua₁, PTI kuo₁, DSH kuan₁, CHY kuan₁, YAN k^um₁, QZH kuã₁, ZHZ kuã₁, XMN kuã₁, HKO kua₁, TWN kuann₁, CZH kua₁, SNX xuei₁, JNY xuei₁, SHX xu^h₁, GTA ka₁, NND ka₁, ZHN ka₁, FDN ka₁, YCH kuã₁, LNY kuã₁, DTA kuã₁, YOX k^u₁, SHW kon₁, SHC xa₁, JNJ kuã₁, JIE kuã₁, LND kin₅ {闊}, FQN ka₁. || ПМ {肝} *k^han.

49) «длинный/long»: {長} JNO tɿŋ₂, WCH do₂, FZH touŋ₂, LEI to₂, PTI tuŋ₂, DSH təŋ₂, CHY təŋ₅, YAN tom₂, QZH tɿŋ₂, ZHZ tɿŋ₂, XMN tɿŋ₂, HKO ʔdo₂, TWN tng₅, CZH tng₅, SNX tion_{2b}, JNY loŋ₅, SHX taŋ₂, GTA touŋ₂, NND tɿŋ₂, ZHN tɿŋ₂, FDN ton₂, YCH tɿŋ₂, LNY tō₂, DTA tɿŋ₂, YOX ton₂, LNX tɿŋ₂, LND ton₂, FQN ton₁. || ПМ {長} *d^han.

50) «вошь/louse»: (a) {蝨} JIE sak₇, LND set₃, (a.1) {蝨孃~蝨母~虱母} JNO se₅-ma₃, WCH tat₆-bo₃, FZH aik₆-mo₄, LEI sak₇-bo₃, PTI ʔek₅-pou₄, DSH sat₄-bə₃, CHY sak₆-bo₃, QZH sat₇₋₈-bu₃, ZHZ sat₇₋₉-bo₃, XMN sat₇₋₈-bu₃, HKO tak₇-vo₃, TWN sat₈-bo₃ (sat₈-bu₃), CZH sak₈-bo₂, SNX siei₆-mɿ₂, JNY se₆-ma₂, SHX sai₆-mã₂, GTA sei₇-mɿ₃, NND set₇-mɿ₃, ZHN set₇-mɿ₃, FDN sa₇-mo₃, YCH sap₇-bu₃, LNY sap₇-ba₃, DTA sa₇-bɿ₃, YOX sa₇-mɿ₃, SHW sə₇-ma₂, SHC sap₆-bu₃, JNJ sat₆-bu₃, LNX sak₆-bo₃, FQN se₇-mo₂, (a.2) YAN {虱子} s₁-ts₂. || ПМ {蝨母} *ʂit-mōw.

51) «мужчина/man»: (a) {丈夫} SNX tion₇=py, NND tɿŋ₅=mu₁, LNY ti^h₁=pua₄, DTA teŋ₁=bu₃, YOX tɿŋ₁=mu₃, SHW teŋ₅=bu₁, SHC ti^h₁=py₁, (a.1) {丈夫儂} GTA touŋ₂=muo₁-nəy₂, ZHN ton₅=ŋu₁-nəy₂, FDN ton₅=muo₁-neŋ₂, FQN tyŋ₄=muo₃-nəŋ₁, (a.1.1.) {丈夫畚~丈夫捨} YAN tiam₂=pu₁-so₂, SHX tɿŋ₄=pu₁-ʃia₂, (a.2) {查埔~丈夫} PTI tak₃=pou₁, QZH ta₁=pɿ₁, ZHZ tsa₆=pɿ₁, XMN ta₆=pɿ₁, TWN tsa₁=poo₁ (ta₁-poo₁), YCH ta₁=pɿ₁, JNJ ta₁=pɿ₁, LNX tsa₁=pɿ₁, JIE ta₁=pou₁, (a.2.1) {丈夫人~乾埔人} CHY ta₁=pou₁-nan₂, CZH ta₁=pou₁-nang₅, (a.5) DSH {丈夫的} tsa₅=po₁-e₀; (b) {男人} JNO nan₃-neŋ₃, FZH nan₃-nəy₂, TWN lam₅-jin₅, LEI nam₂-nan₂, HKO nam₂-nan₂, JNY nan₂-ŋiŋ₂ (nan₂-ŋeiŋ₂); (c) WCH {爹} koŋ₂-de₁. || ПМ {夫} *pwo, {男} *nəm (?).

КДК этимон 男 *nəm (b) сохранился в отдельных диалектах северной, восточной, южной и цюньвэньской ветвей. В то же время максимальную дистрибуцию по ветвям имеет РДК континуант 夫 *pa с исходным значением ‘муж, мужчина’, представленный во всех ветвях, кроме цюньвэньской.

Основа 夫 *pa всегда входит в состав биномов, где чаще всего первым компонентом оказывается 丈 *d^han ‘почтенный человек, муж’.

Происхождение другого компонента, который также часто образует двуслог с РДК континуантом 夫 *pa, остается не вполне ясным, см. подробное обсуждение в Dong 1993: 103.

Таким образом, можно предположить, что обе основы (男 *nām и 夫 *pa) конкурировали и на уровне ПМ, что формально позволяет реконструировать для праязыка обе формы. При этом в принципе допустимо, что форма 男 *nām могла быть заимствована из литературного языка.

Следует отметить определенный параллелизм в употреблении лексем ‘мужчина’ и ‘женщина’: в небольшом количестве диалектов сохраняется старая основа, в то время как в большинстве случаев наблюдается композит *t(s)a* + корень, имеющий китайскую этимологию, но не являющийся основным эквивалентом требуемого значения в КДК период. Для обеих лексем возможны два сценария развития: 1) уже в ПМ уровне происходили замены исконного этимона на инновативную основу, но под литературным влиянием в некоторых диалектах восстанавливались старые эквиваленты; 2) на прауровне еще сохранялся основной этимон, но позже из центра стала распространяться инновация.

52) «много/many»: (a) {齊 ~ 多 ~ 齊 ~ 儕 ~ 儕} JNO cai₄, FZH sa₅, LEI tsoi₁, PTI fei₄, DSH tse₅, CHY tsoi₁, QZH tsue₅, ZHZ tse₆, XMN tsue₆, CZH tsoi₇, SNX tsa₅, SHX tse₅, GTA se₅, NND se₅, ZHN se₅, FDN se₅, YCH tsue₅, LNY tsie₅, DTA tse₁, YOX tsi₅, JNJ tsa₁, LNX tse₅, JIE tsoi₆, LND se₅, FQN tse₄; (b) {多} WCH toi₁, HKO toi₁, TWN to₁, SNX ta₆, JNY lai₅, LND to₁; (c) {夥} SHW vai₅, SHC ua₄. || ПМ {多} *tā и {儕} *ʒəj.

КДК основа 多 *tāj имеет ограниченную дистрибуцию и преимущественно сохраняется в северной и цюньваньской ветвях, но также представлена в двух диалектах из южной ветви. Так как эти диалекты географически отдалены друг от друга, в данном случае нельзя говорить о взаимном влиянии ветвей.

В большинстве современных диалектов КДК этимон был вытеснен лексемой 儕 (ПДК *ʒəj) с исходной семантикой ‘группа, категория, сверстники, товарищи’, которая уже в Хань берет на себя функцию выражения множественности, однако не имеет строго фиксированного графического знака (конкретные иероглифы подбираются исходя из фонетической близости, за исключением знака 多 *tāj ‘много’, который отражает семантику, а не фонетику лексемы).

В данной ситуации наблюдается конкуренция старого корня 多 *tāj и инновативного корня 儕 *ʒəj. Таким образом, оказывается два потенциальных кандидата на ПМ уровень, которые можно технически выводить на прауровень.

53) «мясо/meat»: (a) {肉} JNO nü₆, WCH h̄iok₇, FZH nyk₇, LEI hip₈, PTI nœk₅, CHY nek₇, YAN ny₄, QZH hiak₈, HKO hiok₈, TWN hik₄, CZH nek₄, SNX nœy₇, JNY ny₇, SHX gy₄, GTA ny₇, NND ny₇, ZHN nœu₇, FDN nu₇, YCH hik₇, DTA jio₇, YOX nuo₁, SHW ny₆, SHC ny₇, JNJ hiak₈, JIE nek₅, LND nuk₁, FQN ny₇; (b) {肉} DSH ba₄, QZH mah₇, ZHZ bah₇, XMN bah₇, TWN bah₄, CZH ba₈, YCH ba₆, LNY ba₇, LNX ba₆. || ПМ {肉} **h̄iuk*.

Континуант 肉 **h̄iuk* стабильно сохраняется и используется в базовой функции в подавляющем числе диалектов. Важно отметить употребление инновативного слова *ba₇, употребляющегося только в диалектах южной ветви, которое, по мнению Дэн Сяохуа, является заимствованием из тай-кадайских языков: ср. дайси (дай) *tān₂* ‘жирное мясо’, суй *tan₂* ‘жир’, хлай (ли) *tat₂*. (В работе также упоминаются возможные параллели из австронезийских языков: индонезийск. *gətuk* ‘мясо’, цатск. *ta₅₃* ‘жир’, амис *fimal* ‘масло, жир’, бунун *taf̄muh* ‘жирное мясо’; Deng 1994: 38). Гипотеза маловероятна по фонетическим причинам, так как в большинстве диалектов указывается входящий тон, который указывает на конечный согласный.

54) «луна/moon»: (a) {月} JNO ŋ̩ɛ₂, YAN ye₄, JNY ŋye₇, SHX ye₄, GTA ŋuo₇, NND ŋɔt₇, ZHN ŋot₇, FDN ŋuo₇, YCH ge₇, LNY gue₂, DTA gue₂, YOX ge₁, LNX gue₇, JIE gue₈, (a.1) {月娘} WCH gue₇-ŋio₂, LEI buɛ₄-nio₂, PTI kuai₄-niau₂, QZH gəh₈₋₄-niu₂, ZHZ gueh₈₋₅-nio₂, XMN geh₈₋₅-niu₂, TWN gueh₈-niu₅ (geh₈-niy₅), HKO vue₅-nio₂, CZH gue₈₋₄-nio₅, JNJ ŋiu₂-gə₈, (a.2) {月光} SHW vie₆-kuoŋ₁, SHC ŋø₇-kɔ̃₁, LND ŋit₂-kuaŋ₁, FQN ŋuo₇-kuoŋ₃, (a.3) FZH {月亮} ŋuok₇-luoŋ₅, (a.3) DSH {月亮媽} gue₇-nio₅-ma₃, (a.4) SNX {月奶} ŋyœ₇-na₄ || ПИМ {月} *ŋwat.

55) «гора/mountain»: {山} JNO suŋ₁, WCH tɕa₁, FZH θaŋ₁, LEI sua₁, PTI tɕuo₁, DSH suan₁, CHY suan₁, YAN sum₁, QZH suã₁, ZHZ suã₁, XMN suã₁, HKO tua₁, TWN suann₁, CZH sua₁, SNX sueiŋ₁, JNY sueiŋ₁, SHX suĩ₁, GTA saŋ₁, NND san₁, ZHN san₁, FDN saŋ₁, YCH suã₁, LNY suã₁, DTA suã₁, YOX sũ₁, SHW son₁, SHC faŋ₁, LNX suã₁, JIE suã₁, LND saan₁, FQN saŋ₃. || ПИМ {山} *ɕiŋ.

56) «рот/mouth»: (a) {喙 ~ 嘴} JNO c^hü₃, FZH ts^hui₄, LEI ts^hui₅, PTI ts^hui₁, DSH ts^hui₄, CHY ts^hui₃, QZH ts^hui₅, ZHZ ts^hui₅, XMN ts^hui₅, TWN ts^hui₃, CZH ts^hui₃, SNX ts^hy₄, JNY ts^hy₄, GTA ts^hy₄, NND ts^hoi₅, ZHN ts^hoi₅, FDN ts^hui₅, YCH ts^hui₅, LNY ts^hui₅, DTA ts^hi₅, YOX ts^hui₄, JNJ ts^hui₅, LNX ts^hui₄, JIE ts^hui₅, LND c^huj₃, FQN ts^hui₄, (b) {啐 ~ 嘴 ~ 喙 ~ 咀} WCH sui₄, HKO sui₁, SHX tsue₅, SHW tsei₃, SHC tɕy₃, (b.1) YAN {嘴啐} tse₂-lau₃. || ПИМ {喙} *c^hwa^s и {嘴} *c^jwa^j.

КДК этимон □ *k^hɔ̃ не сохранился ни в одном из языков-потомков, что говорит о лексической замене уже на прауровне, хотя данная лексема оставалась основной в литературном китайском языке вплоть до эпохи Цин.

Как видно из приведенных данных, наиболее широкую дистрибуцию имеет лексема 喙 *c^hwa^s (← КДК *ɕ^hwa^s ‘клюв’). Семантическая деривация ‘клюв’ → ‘рот’ типична для синитического ареала. Основа распространена в северной, восточной, южной, пу-сяньской и цюньвэньской ветвях. В пяти диалектах для записи этого слова используется знак 嘴, который в литературном китайском языке использовался для записи слова *c^jwa^j ‘клюв’, более частотного, чем семантически и фонетически схожего слова 喙 *c^hwa^s; уже в эпоху Цин это слово стало обозначать ‘рот’ в северных диалектах. Отметим, что в нескольких диалектах цюньвэньской, южной, шао-цзянской и в центральной ветвях знак 嘴, судя по фонетическим рефлексам, действительно записывает то же слово, что и ханьское 嘴 *c^jwa^j (← КДК *cwá^j) ‘клюв’.

Графическая вариация на этом не заканчивается, так как в диалектах SHW и SHC используется редкая графическая разнопись 咀 (HYDC III: 259), а для диалекта WCH приводится запись 啐, обычно передающая в литературном языке фонетику ПДК *s^hɔ̃^s и семантику ‘пробовать; пить’; этот знак в данном случае, очевидно, также подобран из-за фонетической близости основ (Schuessler 2007: 636).

Однозначно определить оптимального кандидата на ПИМ статус в данном случае затруднительно: оба слова являются жаргонными инновациями, и какое из них первым вытеснило исконный этимон, остается неясным. Пока что мы выносим обе основы на прауровень как «технические» синонимы.

57) «имя/name»: (a) {名} JNO m̩aŋ₃, WCH m̩a₂, LEI mia₂, DSH mia₂, CHY mia₂, QZH mia₂, ZHZ mia₂, XMN mia₂, HKO mia₂, TWN mia₅, CZH mia₅, SNX mian₂, JNY mian₂, SHX mi_ɔ, GTA mian₂, NND mian₂, ZHN mian₂, FDN mian₂, YCH miã₂, LNY miã₂, DTA miã₂, YOX miã₂, SHW mian₇, SHC mian₅, JNJ biŋ₇, LNX mia₂, LND mian₂, FQN mian₁, (a.1) FZH {名字} mian₃-tsei₅, YAN mio₂-tɕi₅, (a.2) PTI {名} mie₁-li₄. || ПИМ {名} *m^hjeŋ.

58) «шея/neck»: (a) {脰} JNO te₅, LEI tau₂₄, JNY lo₅, (a.1) {脰蒂} WCH ɕau₁-ɕi₃, HKO ʔdau₁-ʔdi₆, (a.2) {脰隴} DTA tɔ₁-lan₂-ga₃, YOX tau₂-lɕŋ₂-ŋ₃, (a.2.1) SHW {脰隴} tɔ₅-lan₂, (a.3) {脰項~脰引}

~脰管} GTA tau₅-uŋ₄, NND tau₅-oŋ₅, ZHN tau₅-yŋ₃, FDN tau₅-uŋ₃ (a.4) FZH {脰脰} ta₂-au₃, (a.5) PTI {脰顛} tau₂-ly₁, (a.6) SNX {脰骨} tɒu₆-kuei₆, (a.7) SHX {脰總} tau₅-tsœyŋ₃, (a.8) FQN {脰脰株} tau₄-puoʔ₁-ty₃; (b) {頷} DSH am₅, CHY am₃, CZH am₆, JIE am₄, (b.1) {頷管~頷頸} ZHZ am₆₋₅-kun₃ (kuĩ)₃, XMN am₆₋₅-kun₃, YCH am₅-un₃, TWN am₇-kun₂, JNJ am₅-kun₃; (c) SHC {頷} tʃiŋ₃, (c.1) LNY {頭顛頸囿} t^hau₂=li₂=kin₃-a₃, (c.2) SHW {頸子} kian₃-tsə₀, (c.3) LND {頸梯} kian₄-t^haaj₁; (d) LEI {頭蒂} t^hau₂=ti₆. || ПМ {脰} *d^hōw и {頷} *kjéŋ.

КДК корень 頷 *r^héŋ не обнаруживается ни в одном из диалектов, поэтому можно говорить о лексической замене уже на прауровне.

Самую широкую дистрибуцию имеет основа 脰 *d^hōw (← КДК *d^hōw) ‘шея’ (а) эпохи Чуньцю-Чжаньго. Она распространена во всех ветвях, кроме шао-цзянской. Г. С. Старостин предполагает, что более точное значение данной лексемы в КДК ‘шейный позвонок’, так как чаще всего она употребляется в контекстах, связанных с немедленной смертью (Starostin 2019: 170–171).

На периферии изучаемого языкового континуума (в шао-цзянской ветви и в двух диалектах южной ветви) распространен КДК корень 頸 *kjéŋ (← КДК *kéŋ) с тем же значением.

Таким образом, на ПМ статус претендуют две равноправные лексемы: 脰 *d^hōw и 頸 *kjéŋ. Сделать однозначный вывод по доступным нам данным, какая из них первой вытеснила исторический корень, не удастся, поэтому на прауровень технически выносятся обе основы.

59) «новый/new»: {新} JNO seiŋ₁, WCH tʃan₁, FZH θiŋ₁, LEI sien₁, PTI ʃiŋ₁, DSH sin₁, CHY siŋ₁, YAN sa₁, HKO tim₁, TWN sin₁, CZH seng₁, SNX seiŋ₁, JNY sɔiŋ₁, SHX suĩ₁, GTA sin₁, NND sin₁, ZHN sin₁, FDN siŋ₁, YCH sin₁, LNY sin₁, DTA seŋ₁, YOX sɤŋ₁, SHW seŋ₁, SHC siŋ₁, JNJ sin₁, LNX siŋ₁, LND siŋ₁, FQN siŋ₃. || ПМ {新} *sjin.

60) «ночь/night»: (a) {冥~冥~夜} JNO maŋ₃, WCH me₂, QZH mi₂, ZHZ me₂, XMN mi₂, HKO me₂, TWN me₅ (mi₅), SNX maŋ₂, JNY maŋ₂, YCH mĩ₂, SHC mǔ₂, LNX me₂, JNJ mĩ₀, JIE me₂, LND maŋ₂, (a.1) {冥晡} FZH maŋ₁-muo₁, GTA maŋ₂-muo₁, NND maŋ₂-mu₁, ZHN maŋ₂-mu₁, FQN maŋ₁-muo₃ (puo₃), (a.2) {冥昏~夜昏} CZH me₅-hng₁, SHX mɔ₂-xuĩ₁, YOX mǔ₂-hĩ₁, (a.3) LEI {冥頭} me₂-t^hau₂, (a.4) PTI {•冥•} ak₅=ma₄-li₂₄, (a.5) DSH {冥間} me₅-kan₁, (a.5.1) CHY {冥間頭} meŋ₁-kian₅-t^hau₂, (a.6) FDN {冥過} maŋ₂-kuo₇, (a.7) DTA {冥昏頭} mǎ₅-hiŋ₁-t^hɔ₂; (b) {暗} QZH am₅₋₃, ZHN am₅₋₃, XMN am₅₋₃, HKO am₁, TWN am₂ (am₂), SNX oŋ₄, JNY ɔŋ₄, YCH am₄, SHC ɔ₅, JNJ am₅, LNX am₄, (b.1) {暗頭} LNY am₅-t^hau₂, SHW oŋ₄-t^heu₆. || ПМ {暗冥} *ʔəm=miēŋ.

КДК этимон 夜 *liah не прослеживается в языках-потомках, что дает основания говорить о том, что уже в ПМ языке старый корень был вытеснен инновацией.

В миньских диалектах представлены две конкурирующие основы, которые либо расширяются с помощью дополнительных корней до двуслогов или трехслов, либо вместе образуют бином 暗冥 ПДК *ʔəm=miēŋ (в диалектах QZH, ZHZ, XMN, TWN, YCH, JNJ, LNX миньнаньской ветви, в диалекте HKO цюньвэньской ветви, в диалектах SNX, JNY миньбэйской ветви и в диалекте SHC шао-цзянской ветви).

Лексема 冥 *miēŋ известна уже в классических памятниках в значении ‘быть темным’. Семантическая деривация ‘темный’ → ‘ночь’ вполне типична как для синитических языков, так и для многих других языковых семей мира. Основа зафиксирована во всех ветвях. Следует обратить внимание, что иероглифический знак вариативен и слово часто записывается с ключом ‘глаз’ (冥) или через знак 夜 *liah ‘ночь’.

Корень 暗 *ʔəm (← КДК *ʔəmhi) восходит к ханьскому слову с тем же значением ‘быть темным’ и употребляется в южной, северной, цюньвэньской, шао-цзянской ветвях.

Учитывая широкую дистрибуцию бинома по ветвям, уместно предположить, что он мог существовать уже на ПМ уровне, так что на уровень реконструкции, очевидно, следует выносить обе морфемы.

61) «нос/nose»: (a) {鼻} JNO p^hi₁, WCH fi₁, FZH p^hei₄, LEI p^hi₁, DSH p^hin₅, CHY p^hin₅, YAN p^hi₅, QZH p^hi₅, ZHZ p^hi₆, XMN p^hi₆, HKO fi₁, CZH p^hi₇, SNX p^hei₅, JNY p^hci₅, SHX p^hi₅, GTA p^hi₄, NND p^hei₄, ZHN p^hei₄, FDN p^hi₄, YCH p^hi₅, LNY p^hi₅, DTA p^hi₅, YOX p^he₄, SHC p^hi₆, JNJ p^hi₅, LNX p^hi₅, JIE p^hi₅, LND p^hi₃, FQN p^he₄, (a.1) {鼻团~鼻子} PTI p^hi₆-ian₁, TWN p^hinn₇-a₂, (a.3) SHW {鼻窟} p^hi₅-k^huei₇. || ПМ {鼻} *b^hji₅.

62) «не/not»: (a) {不 ~ 唔 ~ 毋 ~ 無} JNO ein₁, FZH me₂, LEI m₁, DSH m₅, CHY m₅, QZH m₅, ZHZ m₆, XMN m₆, CZH m₇, TWN m₇, HKO vo₂, SNX on₇, JNY on₅, SHX n₅, GTA n₅, NND n₆, ZHN n₆, FDN n₆, YCH m₆, LNY m₆, DTA n₁, YOX n₆, SHW n₅, SHC n₆, JNJ m₃, LNX m₅, JIE m₂, LND ?m₅, FQN n₁; (b) {不} PTI pou₄, TWN put₄. || ПМ {無} *mwo (*nwo).

Ситуация со служебным словом ‘не’ в миньских диалектах довольно запутанная. Даже если учитывать только формы настоящего времени, в некоторых диалектах фиксируется большое количество отрицательных показателей, не ясно чем отличающихся друг от друга. Тем не менее, в большинстве случаев можно выделить самое простое и частотное слово, которое мы и учитываем в нашем исследовании.

Обе формы в диалектах PTI и TWN не могут восходить непосредственно к чистому КДК корню 不 *pə, поскольку в TWN сохраняется терминаль -t, а четвертый тон в PTI также свидетельствует об отпавшей терминали, ввиду чего можно предположить литературное или ареальное заимствование (формы с конечным -t характерны как для современных мандаринских, так и для разных южнокитайских диалектов).

Напротив, континуант 無 *mwo (← КДК *ma) ‘не надо, не’ имеет широкую дистрибуцию в миньских диалектах и представлен во всех ветвях. Как видно из входящих данных, рефлекс обнаруживают значительную фонетическую вариацию, причем отмечается, что фонетическое варьирование в речи связано с элементами сандхи на стыке слов (Wei 1995: 255). Вполне вероятно, что в некоторых диалектах один из используемых вариантов обобщился по аналогии. Что касается иероглифической записи, то чаще всего используется знак 不 — разнопись простого иероглифа 不 *pə. Знак 唔 [ŋ] подобран из-за фонетической близости основ (в литературном языке он впервые встречается для записи звукоподражания в эпоху Мин, см. NYDC III: 356). Только в TWN слово записывается знаком 毋 *mə ‘пусть не’ (архаичный иероглиф, уже в памятниках КДК эпохи в основном замененный знаком 無). Норман также приводит когнаты в группах У (шанхайск. m₂), Юэ (гуанчжоу m₂), Хакка (m₂) (цит. по Schuessler 2007: 518–519).

Таким образом, единственным претендентом на ПМ статус реально оказывается корень *mwo, который распространен практически по всему миньскому ареалу. При этом вероятно, что элементы сандхи присутствовали уже на ПМ уровне, поэтому формально можно реконструировать оба варианта — исходный с лабиальной инициальной /m/ и ассимилированный с инициальной /ŋ/ перед словами, начинающимися с заднеязычных инициалей.

63) «один/one»: (a) {一 ~ 蜀 ~ 禩} JNO ci₆, WCH zja₂ (zjan₇), FZH θuok₆, LEI zia₈, PTI fok₅, DSH tsit₇, CHY tsek₆, QZH tsit₈, ZHZ tsit₈, XMN tsit₈, HKO zia₈ (zia₈), TWN tsit₈, CZH tsek₈, SNX tsi₄, JNY tsi₇, GTA syø₇, NND sø₈, ZHN sɔ₈, FDN suo₈, YCH tsit₈, LNY tsit₈, DTA tse₄, YOX cie₇, SHW cie₂, JNJ tsit₈, LNX tsik₇; (b) {一} HKO it₇, LND ?o₁; (c) SHX {個} ka₅, (d) YAN {寡蜀} kuo₂-tjyo₁₃. || ПМ {蜀} *ʒok.

Когнаты КДК этимона — **ʔit* зафиксированы только в двух диалектах южной ветви — в НКО на острове Хайнань и в LND в провинции Гуандун, причем только в диалекте LND лексема является основным словом. Здесь логичнее предположить не сохранение исконого корня, а восстановление старой формы под влиянием литературного языка. По данным Син-син Нгай, в некоторых *миньбэйских* и *миньчжунских* диалектах наблюдается свободное варьирование между формами *it* и *sok* (Ngai 2015: 195), что вновь подтверждает идею о влиянии литературного языка на миньские диалекты.

Лидирующую позицию на всем миньском континууме занял корень **ʒok* (a), который иногда может записываться тем же знаком, что и исконое ДК слово, однако обычно записывается другими знаками — 禡 ПДК **ʒʰik* и 蜀 ПДК **ʒʰok*, которые, очевидно, были подобраны по принципу фонетического сходства.

Нгай предполагает, что числительное ‘один’, вероятно, напрямую связано с лексемой 獨 **dōk* ‘одинокий; уникальный’ (Ngai 2015: 213). Проблема заключается в том, что подавляющее число рефлексов не может напрямую отражать ПДК **dōk*; чтобы гипотеза была верной, следует предполагать наличие альтернативного варианта с кратким гласным (**dok*). Такая гипотеза в принципе допустима, если предположить расщепление исходного **dōk* на два слова — одно полнозначное (сохраняющее значение ‘одинокий’), а другое полуслужебное, которое в ПМ стало употребительным числительным. В результате в этом слове мог сократиться гласный, что автоматически привело бы к палатализации **d-* → **ʒ-* и появлению диалектного варианта **ʒok*.

В любом случае на ПМ уровень вне зависимости от своего этимологического происхождения выводится лексема 蜀 **ʒok*, распространенная по всему миньскому ареалу.

64) «человек/person»: (a) {人 ~ 儂} JNO neɪŋ₃, WCH naŋ₂, FZH nøyŋ₂, LEI naŋ₂, PTI naŋ₂, DSH laŋ₂, CHY naŋ₂, YAN na₂, QZH laŋ₂, ZHZ laŋ₂, XMN laŋ₂, НКО naŋ₂ (neŋ₂), TWN lang₅, CZH nang₅, SNX neɪŋ₂, JNY nɔɪŋ₂, SHX nɛɪŋ₂, GTA nøyŋ₂, NND nœŋ₂, ZHN nœŋ₂, FDN neŋ₂, LNY laŋ₂, DTA laŋ₂, YOX nɤŋ₂, JNJ laŋ₂, LNX laŋ₂, JIE naŋ₂, LND neŋ₂, YCH laŋ₂, FQN nøyŋ₁; (b) {人} SHW niŋ₂, SHC ŋiŋ₂. || ПМ {儂} **nəuŋ*.

На первый взгляд КДК этимон 人 **nip* довольно четко прослеживается во многих языках-потомках. Чжэн Чжицзюнь утверждает, что лексема 人 **nip* представлена только в диалектах северной, центральной и шао-цзянской ветвей и является инновацией (Zheng 2016: 190–191).

Это мнение в целом верно, но при этом указанная дистрибуция кажется несколько преувеличенной. Как показывает конкретный языковой материал, вокалические соответствия а : е : еі : оі : оу : еі : ое не могут восходить к ДК гласному **i*, из чего следует, что большинство перечисленных лексем не могут напрямую отражать этимон 人 **nip*. Исходя из наших знаний о миньской фонетике, ДК этимон представлен только в диалектах шао-цзянской ветви SHW и SHC. Можно предположить, что либо он был в этих диалектах восстановлен заново уже в СК период под влиянием литературного языка, либо был заимствован из соседних диалектов Хакка или Гань, в которых 人 **nip* остается основной лексемой. Сценарий развития, согласно которому исконый этимон сохранился только в северо-западных диалектах, выглядит сомнительно в общем контексте миньских изоглосс.

Напротив, широкое распространение по миньскому ареалу получила лексема **nəuŋ* (a). Она присутствует во всех ветвях изучаемой диалектной группы, кроме шао-цзянской. Чжоу Фагао отмечает, что данная лексема восходит к ДК слову 農 **nəuŋ* (← КДК **niŋ*) ‘крестьянин’, которая в литературном языке не встречается в обобщенном значении ‘человек’, но, любопытным образом, используется в значении стилистически окрашенного местоимения первого лица, начиная со стихотворения эпохи Южных династий 子夜歌

(«Песня Цзы-е») (цит. по Norman 1983: 208). Норман уточняет, что изначально местоимение могло использоваться в самоуничижительном значении, а затем стало вежливой формой в *миньдунской* ветви и в диалекте *XMN южной* ветви. Кроме миньских диалектов, это слово встречается и в южных диалектах группы У (Norman 1983: 208).

Как видно из приведенных выше данных, лексема 農 **n̄iŋ* нередко записывается тем же иероглифическим знаком, что и ДК этимон 人 *nin. Очевидно, что это сделано по принципу семантического и фонетического сходства, но этимологическая связь между этими словами отсутствует.

65) «дождь/rain»: (a) {雨} JNO xü₁, WCH hou₅, FZH y₄, LEI heu₄, PTI hou₄, DSH ho₄, CHY hou₄, YAN hu₄, HKO hɔu₅, TWN hoo₇, CZH hou₆, SNX hœy₅, JNY xy₄, SHX xu₄, GTA xu₅, NND xu₃, ZHN xu₅, FDN i₃, YCH hɔ₅, LNY hu₄, DTA hu₄, YOX y₃, SHC xu₃, JNJ hɔ₄, LNX hɔ₅, JIE hou₄, LND fua₅, FQN y₂, (a.1) {雨降} QZH hɔ₄-tsun₅, ZHZ hɔ₆₋₅-tsun₆, XMN hɔ₆₋₅-tsun₆, (a.2) SHW {落雨} lo₆=xy₃. || ПМ {雨} *w^hó.

66) «красный/red»: {紅} JNO əŋ₂, WCH ʔəŋ₂, FZH øyŋ₂, LEI əŋ₂, PTI əŋ₂, DSH əŋ₂, CHY əŋ₂, YAN han₂, QZH əŋ₂, ZHZ əŋ₂, XMN əŋ₂, HKO əŋ₂, TWN ang₅, CZH ang₅, SNX hon_{2b}, JNY fon_{2b}, SHX хɔŋ₂, GTA øyŋ₂, NND œŋ₂, ZHN œyŋ₂, FDN eŋ₂, YCH əŋ₂, LNY əŋ₂, DTA əŋ₂, YOX xŋ₂, SHW fuŋ₂, SHC хyŋ₂, JNJ əŋ₂, LNX əŋ₂, JIE əŋ₂, LND huŋ₅, FQN øŋ₁. || ПМ {紅} *ɣwōŋ.

КДК этимон 赤 **k^hiak*, вероятно, был вытеснен лексемой 紅 *ɣwōŋ уже на праязыковом уровне, так как не встречается ни в одном диалекте.

67) «дорога/road»: (a) {路~蹕} WCH lou₁, FZH lou₅, DSH lo₅, CHY lou₅, QZH lo₅, ZHZ lo₆, XMN lo₆, HKO lo₁, TWN loo₇, SNX to₅, JNY lau₄, YCH lo₅, LNY lu₆, DTA lu₁, JNJ lo₆, LNX lo₅, JIE lou₆, (a.1) CZH {路條} lou₇-tiau₅; (b) {道 ~ 蹕} PTI tou₄, YAN lau₅, LEI leu₁, GTA tuo₅, NND tu₅, ZHN tu₅, FDN tuo₅, YOX tɔ₅, FQN tuo₄, (b.1) LND {道蹕} to₅-tua₂; (c) SNX tyo₆, JNY liɔ₅, SHW xio₅, SHC t^hio₆, SHX tio₅, (c.1) JNO kai₁=tɔ₁ {街蹕} (d) {途} QZH tɔ₂, ZHN tɔ₂, XMN tɔ₂, TWN too₅. || ПМ {道} *d^háw и {路} *lò.

КДК этимон 路 *lò (← КДК *rāh) стабильно сохраняется в современных миньских диалектах и бесспорно опережает другие лексемы по количеству употреблений; встречается в *цзюньвэньской*, *восточной*, *южной*, *северной* ветвях. Часто записывается редким иероглифическим знаком 蹕, который встречается только в СК словарях.

РДК корень 道 **d^háw* (← КДК **l^hí*) сохранился в отдельных диалектах *пу-сяньской*, *восточной*, *центральной* и *южной* ветвей. Уже в период КДК лексема не была основной морфемой и чаще использовалась для абстрактного значения 'путь'. Как и в случае с основной 路 *lò, может записываться редким знаком 蹕.

В отдельную группу (с) вошли фонетически похожие друг на друга слова, которые по соответствиям невозможно возвести ни к корню 路 *lò, ни к корню 道 **d^háw*, ни к 途 **d^hó*. Распространение лексем этой группы ограничено северным кластером (зафиксированы в *северной*, *центральной* и *шао-цзянской* ветвях).

Возможными равноправными кандидатами для реконструкции ПМ корня в данном случае оказываются оба корня — 路 *lò, сохраняющийся по всему языковому континууму миньской группы, и 道 **d^háw*, встречающийся на периферии миньского ареала.

68) «корень/root»: (a) {根} JNO küiŋ₁, WCH kian₁, LEI kien₁, QZH kun₁, ZHZ kin₁, XMN kun₁, TWN kin₁ (kun₁), LNX kiŋ₁, JIE keŋ₁, (a.1) {樹根} FZH ts^hiu₄=kyŋ₁, PTI ts^hiu₆=kœŋ₁, DSH ts^hiu₄=kin₁, CHY ts^hiu₅=kiŋ₁, YAN t^hy₂=kuan₁, HKO siu₁=kin₁. || ПМ {根} *kəŋ.

69) «круглый/round»: {圓} JNO uiŋ₂, WCH ʔi₂, FZH ien₂, LEI i₂, PTI iŋ₂, DSH in₂, CHY in₅, YAN yaiŋ₂, QZH ʔi₂, ZHZ ʔi₂, XMN ʔi₂, HKO i₂, TWN inn₅, CZH ʔi₅, SHW uən₂, JNJ ʔi₁, LNX ʔi₂, JIE ʔi₂, LND jan₂, FQN ien₁. || ПМ {圓} *wen.

70) «песок/sand»: {沙~砂} JNO suε₄, WCH tua₁, FZH θai₁, LEI sua₁, PTI ʃa₁, DSH sua₁, CHY sua₂, YAN suo₁, QZH sua₁, ZHZ sua₁, XMN sua₁, HKO tua₁, TWN sua₁, CZH sua₁, DTA sua₁, SHW sai₁, LNX sua₁, JIE sua₁, LND sua₁, FQN sua₃. || ПМ {沙} *ʃā.

71) «сказать/say»: (a) {講} WCH koŋ₃, LEI ko₃, ZHZ koŋ₃, XMN koŋ₃, HKO koŋ₃, LNX koŋ₃, LND koŋ₄, FQN koŋ₂, FZH kouŋ₁, PTI koŋ₂, DSH koŋ₁, TWN kong₂, CZH kang₂, GTA kouŋ₃, NND koŋ₃, ZHN koŋ₃, FDN koŋ₃, YCH kaŋ₁, LNY kō₁, DTA kŋ₃, YOX ŋ₃, JNJ koŋ₃; (b) {話} JNO ua₁, FZH ua₃, PTI uo₄, DSH ua₅, TWN ue₇, CZH kue₇, GTA ua₅, NND uo₆, ZHN uo₆, FDN ua₆, YCH ue₆, LNY ue₆, DTA ua₅, YOX ua₆, JIE ue₆, LND wo₅ (b.1) {話事} YAN uo₄-ʃia₅, SNX ua₅-tei₅, JNY ua₅-tōi₅, SHX ua₅-sai₅, SHW va₅-sə₅, SHC ŋo₆-ʃiε₆; (c) QZH tã₅, ZHZ tã₂, XMN tã₅, TWN tann₄, JIE tã₅; (c.1) {咀話} CHY tan₂-ue₅, CZH tã₃-ue₇, SHC tã₅-ue₅; (d) {說} QZH səh₇, ZHN səh₇, TWN sueh₄ (seh₄), JNJ səʔ₇, LND siat₁. || ПМ {講} *kōŋ и {話} *wāj.

В синитических языках значения ‘сказать’ и ‘говорить’, как правило, не разграничиваются лексически; к тому же все глаголы говорения обычно отражают комплексные значения, среди которых сложно выявить нейтральное слово, поэтому из-за нехватки данных нельзя утверждать, что выявленные эквиваленты строго соответствуют заявленным требованиям составления 100-словного списка.

КДК этимон 曰 *wat был вытеснен еще на прауровне, так как не наблюдается ни в одном из диалектов.

Наиболее часто встречающийся корень 講 *kōŋ (← КДК *krōŋ ‘объяснять, дискутировать’) употребляется в *восточной, пу-сяньской, южной, цюньвэньской* ветвях. В диалектах FZH, PTI, DSH, TWN, CZH, GTA, NND, ZHN, FDN YCH, LNY, DTA, YOX может расширяться до биннома с помощью компонента 話 ПДК *wāj ‘речь, говорить’ (см. b).

Корень 話 *wāj (← КДК *g^hwrāc) ‘речь’ может использоваться в требуемом значении и самостоятельно преимущественно в диалектах *северного* кластера JNO, SNX, SHX, SHW, SHC и в одном диалекте JIE из *южной* ветви.

Исходя из принципа географического распределения, на ПМ статус скорее претендует лексема 話 *wāj, сохраняющаяся на периферии языкового ареала. Можно предположить, что уже на ПМ уровне использовался бинном 講話 *kōŋ-wāj, но нельзя исключать и возможности самостоятельного употребления обеих основ. На прауровень в качестве «технических» синонимов выносятся обе лексемы.

72) «видеть/see»: (a) {見} LEI ki₅, QZH kī₅, ZHZ kī₅, XMN kī₅, TWN kinn₃, CZH kiang₃, JNJ kī₅, LNX kī₅, LND kan₃, (a.1) {看見} JIE t^hoi₃=kī₅ (kian₅), FQN k^han₄=kien₄ (ŋien₄). || ПМ {見} *kièn.

Четкое лексическое разграничение между значениями ‘видеть’ и ‘смотреть’ в словарях и словниках, как правило, отсутствует. Отдельное слово ‘видеть’, соответствующее мандаринскому глаголу 見 *kēnh, легко находится только в небольшом количестве диалектов (в южной и восточной ветвях). В двух диалектах JIE и FQN оно расширено до двуслога 看見 *k^hānh-kēnh, где первый компонент — 看 *k^hānh ‘смотреть’.

73) «семья/seed»: (a) {籽~子} WCH ci₃, FZH tsi₂, LEI tsi₃, PTI ni₃, DSH tsi₃, QZH tsi₃, ZHZ tsi₃, TWN tsi₂, HKO tsi₃, SNX tsu₃, JNY tso₃, SHX tsɿ₃, GTA tsi₃, NND tsi₃, ZHN tsi₃, FDN tsi₃, YCH tsi₃, LNY tsi₃, DTA tsɿ₃, YOX tsɿ₃; (b) {種} JNO cœüŋ₂, CHY tseŋ₃, YAN tʃiam₃, CZH tseng₂, WCH cian₃, FZH tseyŋ₁, PTI tsœŋ₄, DSH tsion₁, TWN tsiŋ₂. || ПМ {種(子)} *cōŋ-(cǐ).

Рефлексы КДК односложной основы 種 *cōŋ (← КДК *tōŋ) наблюдаются только в ограниченном числе диалектов *северной, южной, центральной* ветвей; чаще всего она расширяется до двуслога 種子 *cōŋ-cǐ с помощью компонента 子 *cǐ (← КДК *cá) ‘сын, ребенок, потомство’ (в диалектах WCH, FZH, PTI, DSH, TWN). Эта же морфема оказывается самостоя-

тельной основой в большинстве диалектов южной, северной, центральной и восточной ветвей. Семантическая деривация ‘сын, ребенок’ → ‘икра, семя’ является типичной для китайского ареала.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что, вероятно, уже в ПМ существовал бином 種子 *śóŋ-cjí, в котором перенос основной семантической нагрузки на 子 *cjí произошел уже после распада ПМ. При этом на ПМ уровне значение могло быть выражено как двусложным вариантом 種子 *śóŋ-cjí, так и односложным 種 *śóŋ. В некоторых языках-потомках лексема была усечена до 子 *cjí. По этой причине можно реконструировать для ПМ и однослог 種 *śóŋ, и расширенный вариант 種子 *śóŋ-cjí.

74) «сидеть/sit»: {坐} JNO *co*₄, WCH *ce*₅, FZH *θuo*₅, LEI *tse*₄, PTI *ʃø*₄, DSH *tse*₅, CHY *tso*₃, YAN *tsue*₅₅, QZH *tsə*₄, ZHZ *tse*₆, XMN *tse*₆, HKO *tse*₅, TWN *tse*₇, SNX *tsua*₅, JNY *tsue*₅, SHX *tsue*₄, GTA *soi*₅, NND *soy*₅, ZHN *soi*₅, FDN *soi*₅, YCH *tsə*₅, LNY *tse*₄, DTA *tse*₄, YOX *sy*₅, SHW *t^hoi*₃, SHC *ts^hue*₄, JNJ *tsə*₄, LNX *tsə*₅, JIE *tso*₄, LND *soj*₅, FQN *soi*₄. || ПМ {坐} **ʒ^hwá*.

75) «кожа/skin»: {皮} WCH *fue*₂, FZH *p^hui*₂, LEI *p^hue*₂, PTI *p^hui*₂, DSH *p^hue*₃, CHY *p^he*₂, YAN *p^hue*₂, QZH *p^hə*₂, ZHZ *p^hue*₂, XMN *p^he*₂, HKO *fue*₂, TWN *p^hue*₅ (*p^he*₅), CZH *p^hue*₅, SNX *p^hyə*₂, JNY *hui*₃, SHX *p^hue*₂, GTA *p^hui*₂, NND *p^hui*₂, ZHN *p^hui*₂, FDN *p^hue*₂, YCH *p^hə*₂, LNY *p^hue*₂, DTA *p^hue*₂, YOX *p^hue*₂, SHW *p^hei*₆, JNJ *p^hə*₃, LNX *p^hə*₃, JIE *p^hue*₂, LND *p^huai*₂, FQN *p^hui*₁. || ПМ {皮} **b^he*.

Этимон классического периода 膚 *pra, как и в ПДК, по всей видимости, был вытеснен инновативной лексемой 皮 **b^he* (изначально — ‘шкура /животного/’) еще на прауровне, так как не отмечен ни в одной из ветвей-потомков. Подчеркнем, что уже в ханьский период ПДК 皮 **b^he* употребляется в том числе и для обозначения человеческой кожи.

76) «спать/sleep»: (a) {瞋} FZH *k^huon*₅, LEI *k^hun*₅, DSH *k^hun*₄, QZH *k^hun*₅, ZHZ *k^hun*₅, XMN *k^hun*₅, TWN *k^hun*₃, JNJ *k^hun*₅, LNX *k^hun*₄, FQN *k^hon*₅; (b) LND *mi*₁ {寐}, (b.1) {寐~目} JNO *mi*₃-*c^hi*₅, SNX *mei*₆-*ts^hi*₆, JNY *mo*₇-*ts^hi*₆; (c) {倒眠} YAN *tau*₂=*ma*₂, SHX *tu*₃=*mēiŋ*₂, (c.1) SHW {瞌眠} *ka*₆=*min*₂; (d) {睡} CHY *in*₇, CZH *ĩ*₆, JIE *ĩ*₄; (f) WCH *hoi*₇, (f.1) HKO {偃目+契} *ai*₃=*xci*₆; (g) CHY *gu*₇; (h) CZH *uk*₈. || ПМ {寐} **mji*₅ и {瞋} **k^hwə̃n*.

КДК этимон 臥 **ŋ^hwājh* ‘лежать, спать’ не сохранился ни в одном из современных диалектов. Интересно отметить, что по данным XIX в. (Macklay, Baldwin 1898: 548) лексема 臥 *ŋguo*₇ все еще употреблялась в значении ‘спать’ в фучжоуском диалекте, но, скорее всего, речь идет о специализированном значении, так как в качестве разговорного слова указывается корень 瞋 ПДК **k^hwə̃n*.

Лексема 瞋 **k^hwə̃n*, по-видимому, представляет специфическое семантическое развитие от КДК слова 困 **k^hwə̃nh* ‘устать, утомиться’ → ‘спать’. В литературных памятниках данное слово, помеченное как диалектное, впервые встречается только с конца эпохи Цин и не имеет базового значения ‘спать’ (HYDC VII: 1222). В современных миньских диалектах распространена в южной и восточной ветвях. Дополнительный источник (Liu, He 1998: 564–565) фиксирует 瞋 **k^hwə̃n* также для диалектов GTA, NND, ZHN, FDN восточной ветви, YCH, LNY, DTA, YOX южной ветви и SHC шао-цзянской.

Бином 寐瞋 [*mji*-*cip*] употребляется на периферии в диалектах северной ветви и в одном диалекте южной ветви LND. Основной компонент ПДК **mji*₅ восходит к РДК слову 寐 **mi*₅ со значением ‘спать’, при этом может записываться иероглифическим знаком 目 **m^huk* ‘глаз’, вероятно, подобранным из-за фонетического (и семантического?) сходства.

Исходя из географического принципа, на ПМ статус претендуют два корня: основа 瞋 **k^hwə̃n* из-за своего присутствия на всем миньском континууме, хотя все зоны являются контактными, за исключением полуострова Лэйчжоу, и РДК основу 寐 **mji*₅, распро-

страненную на периферии языкового континуума (на крайнем севере провинции Фуцзянь и на юге провинции Гуандун).

77) «маленький/small»: (a) {細} LEI so_i5, PTI t_ɛk₅, DSH se₄, CHY so_i5, QZH sue₅, ZHZ se₅, XMN sue₅, HKO tɔ_i4, TWN sue₃ (se₃), CZH sou₃, SHX se₅, FDN se₅, YCH sue₄, DTA se₅, YOX si₅, JNJ sue₅, LNX se₄, JIE so_i5, FQN se₅; (b) {小} JNO s_ɔɔu₂, TWN siau₂, SNX syo₃, JNY si_ɔ3, LNY sie₅, LND siau₄, FQN sieu₂; (c) {嫩} FZH nou_ɲ5, GTA n_ɔɲ₅, NND n_ɔn₅, ZHN n_ɔn₅; (d) {孛} WCH n_ɔɔu₅, LEI n_iau₆, HKO n_iau₆. || ПМ {小} *s_jɛw и {細} *si_ɛj.

КДК этимон 小 *sew сохраняется в периферийных диалектах северной и южной ветвей.

Более широкую дистрибуцию имеет КДК корень 細 *si_ɛj (← КДК *s_ɛh) ‘маленький, детализированный, крошечный’, который распространяется в диалектах южной, восточной, центральной и цюньвэньской ветвей.

Налицо конкуренция старого корня 小 *sew, который сохранился на севере провинции Фуцзянь, на острове Тайвань и юге провинции Гуандун, и инновативного корня 細 *s_ɛh, распространившегося из центра миньского ареала. Таким образом, здесь снова можно постулировать «техническую» синонимию.

78) «дым/smoke»: (a) {煙} JNO i_ɲ1, PTI i_ɲ1, CHY i_ɲ1, HKO in₁, CZH eng₁, SHW e_ɲ1 (ien₁), SHC i_ɛ1, JNJ ian₁, LNX ian₁, LND ?i_ɲ1, (a.1) {火煙} FZH hui₃=ien₁; (b) {熏~薰} WCH fon₁, LEI hu_ɲ1, DTA hon₁, (b.1) {火薰} QZH h_ə3-2=hun₁, ZHZ hue₃₋₁=hun₁, XMN he₃₋₁=hun₁, TWN hue₂=hun₁ (he₂=hun₁). || ПМ {熏} *hw_in и {煙} *?i_ɛn.

Реконструкция данного слова ненадежна из-за отсутствия этимона в различных источниках. Этимон 熏 *hw_in (← КДК *hun) сохраняется в современных диалектах в цюньвэньской и южной ветвях. По имеющимся данным нельзя однозначно сказать, действительно ли он сохранился только в этих диалектах.

Линь Ханьшэн подчеркивает, что в диалектах восточной ветви 熏 *hw_in имеет значение ‘трубочный дым’ (Lin 2002: 96), поэтому, согласно критериям отбора лексем для составления стословного списка, из этих диалектов данную лексему следует исключить.

Лексема 煙 *?i_ɛn (← КДК *?in) также унаследована от КДК и имеет более широкую дистрибуцию (представлена в северной, пу-сяньской, южной и восточной ветвях).

Важно заметить, что уже в КДК наблюдается постепенное замещение старой основы 熏 *hun на более новую 煙 *?in (Starostin 2019: 168). Современные миньские диалекты показывают в данном случае совершенно аналогичную «смешанную» картину, с необходимостью восстанавливать «техническую» синонимию на ПМ уровне.

79) «стоять/stand»: {倚 ~ 企} JNO k_ɥε₆, WCH h_ɔa₅, FZH k^hie₅, LEI k^hia₁, PTI k^hœ₄, DSH k^hia₅, CHY k^hia₃, YAN k^hya₄, QZH k^hia₄ (k^ha₄), ZHZ k^hia₆, XMN k^hia₆, HKO xia₅, TWN k^hia₇, CZH k^hia₆, SNX kyœ₅, JNY kye₅, SHX k^hya₄, GTA k^hie₅, NND k^hie₃, ZHN k^hie₅, FDN k^hia₅, YCH k^hia₅, LNY k^hya₄, DTA k^hia₄, YOX k^hia₅, SHW k^hi₃, SHC k^hi_ɛ4, JNJ k^ha₄, LNX k^hia₂, JIE k^hia₄, LND k^hia₅, FQN k^hia₄. || ПМ {企} *k^hɛ́.

Основа *k^hɛ́ восходит к КДК этимону 企 *k^hé со значением ‘стоять на цыпочках’, которая, судя по имеющимся данным, вытеснила старый ДК корень 立 *rəp еще на ПМ уровне. Как можно заметить, лексема часто записывается иероглифическим знаком 倚, который впервые фиксируется в значении ‘стоять’ только в сунском словаре «Гуаньчюнь».

80) «звезда/star»: (a) {星} WCH se₁, FZH θi_ɲ1, LEI ts^hɛ₁, PTI ts^ha₆, DSH ts^hen₁, CHY ts^hen₁, YAN si_ɲ1, QZH ts^hɿ₁, ZHZ ts^hɛ̃₁, XMN ts^hɿ₁, HKO se₂, TWN ts^henn₁ (ts^hinn₁, san₁), CZH ts^hɛ̃₁, YCH ts^hɿ₁, JNJ ts^hɿ₁, LNX ts^hɛ̃₁, JIE ts^hɛ̃₁, LND san₁, (a.1) {天星} SHX t^hɿ₁=so_i1, GTA t^hien₁=ni_ɲ1, NND t^hen₁=ni_ɲ1, ZHN t^hien₁=ni_ɲ1, FDN t^hien₁=si_ɲ1, LNY t^hɿ₁=san₁, DTA t^hɿ₁=ts^hā₁, YOX t^hɛ̃₁=si_ɲ1, SHC t^han₁=sɛ̃₁,

FQN t^hien₁=sin₃, (a.2) {星宿} JNO sain₁-siu₃, SNX sain₁-soey₆, JNY sain₁-siu₄, (a.3) SHW {星兒} sen₁-nə. || ПМ {星} *s^hiēŋ.

81) «камень/stone»: (a) JNO cǐ₁ {石}, WCH cǐ₇, LEI tsi₁, TWN tsi₈ (sia₈), SHX fǐ₄, YOX ts₄, JIE tsi₈, LND sua₃, (a.1) FZH θuok₄-t^hau₂ {石頭}, PTI fiau₄-lau₂, DSH tsi₂-t^hau₂, CHY tsi₂-t^hau₂, YAN sy₄-t^hø₂, SHW ɸio₅-t^həu₆, JNJ tsi₈-t^hau₂, LNX tsi₇-t^hau₂, FQN sy₃-t^hau₁ (lau₁), (a.2) {石子} QZH tsi₈₋₄-tsi₃, ZHZ tsi₈₋₅-tsi₃, XMN tsi₈₋₅-tsi₃, (a.3) HKO {涂石母} hɔu₂=tsi₅-vo₃, (a.4) CZH {石部} tsi₈-pou₆. || ПМ {石} *ʒek.

82) «солнце/sun»: (a) {日} SHC ŋi₇, JIE dzek₈, (a.1) {日頭~熱頭} JNO mi₆-t^he₃, WCH zǐat₇-hau₂, FZH lik₄-t^hau₂, LEI ziek₈-t^hau₂, PTI t^hek₂-t^hau₂, DSH dzit₂-t^hau₂, CHY dzik₂-t^hau₂, YAN ŋi₃-t^hø₂, QZH lit₈₋₄-t^hau₂, ZHZ dzit₈₋₅-t^hau₂, XMN lit₈₋₅-t^hau₂, HKO zit₃-hau₂₁, TWN jit₈-t^hau₅ (lit₈-t^hau₅), CZH zek₈-ts^hau₅, SNX nei₇-t^ha_{2b}, JNY nɔi₇-həu₂, SHX ŋi₄-t^hau₂, GTA ni₇-t^hau₂, NND nik₇-t^hau₂, ZHN ne₇-t^hau₂, FDN ni₇-t^hau₂, YCH lit₇-t^hau₂, LNY lit₈-t^hau₂, DTA le₇-t^hɔ₂, YOX nie₁-t^hau₂, SHW nie₆-t^həu₂, JNJ lit₈-t^hau₂, LNX dzik₇-t^hau₂, LND ŋit₁-t^haaw₂, FQN ni₇-t^hau₁. || ПМ {日頭} *nit-d^hōw.

В подавляющем большинстве случаев используется двуслог 日頭 ПДК *nit-d^hōw с десемантизированным суффиксом 頭 *d^hōw ‘голова’; по этой причине мы реконструируем на ПМ уровне бином.

83) «плавать/swim»: (a) {泅} PTI fɛi₄, DSH siu₂, CHY siu₂, QZH siu₂, ZHZ siu₂, XMN siu₂, CZH siu₅, JIE siu₂, (a.1) {泅水} WCH tiu₂-tiu₃, FZH θiu₃-tsui₅, TWN siu₅-tsui₂, FQN siu₁-tsui₂; (b) {游泳} JNO iu₂-œiŋ₄, CZH iu₅-ueng₃, (b.1) HKO {游水} ziu₂-tui₃. || ПМ {游} *jiw и {泅} *ʒ^hiw.

Слово плохо фиксируется в словарях и словниках для отдельных диалектов. КДК этимон 游 *lu прослеживается на периферии миньского языкового континуума на севере провинции Фуцзянь, на острове Хайнань и в Гуандуне, что позволяет вывести его на прауровень.

Альтернативный корень классической эпохи 洿 *ʒ^hiw (← КДК *l^hu) встречается преимущественно в центре языкового ареала в миньнаньских и миньдунских диалектах.

Конкуренция КДК этимона 游 *lu и инновативной лексемы 洿 *l^hu однозначно неразрешима, ввиду чего на праязыковой статус могут претендовать обе формы.

84) «хвост/tail»: (a) {尾} JNO mü_{ε2}, WCH bue₃, FZH mui₁, LEI buε₃, DSH buε₃, CHY bve₃, YAN mue₃, QZH bə₃, ZHZ buε₃, XMN be₃, TWN buε₂ (be₂), SNX muei₃, JNY mui₃, SHX buε₃, GTA muoi₃, NND møy₃, ZHN muai₃, FDN muei₃, YCH bə₃, LNY buε₃, DTA buε₃, YOX mue₃, SHW mei₃, SHC müε₃, JIE buε₃, LND muai₄, (a.1) {尾巴} PTI puai₄-pa₁, CZH buε₂-pa₁, (a.2) {尾溜} JNJ bə₃-liu₀, LNX buε₃-liu₁, FQN mui₂-lieu₃. || ПМ {尾} *mwǐj.

85) «ТОТ/that»: (a) {兀 ~ 許 ~ 那 ~ 彼} JNO u₅, LEI hu₃, QZH hu₃, ZHN hi₃, XMN hi₃, HKO ho₄, TWN he₁, CZH hə₂, JIE hio₃, (a.1) {迄} QZH hit₇, ZHZ hit₇, XMN hit₇, JNJ hit₇, LNX hik₆, (a.2) {彼個} PTI hœk₅-kei₂, DSH hit₆-ge₀, CHY hu₃-kai₁, FDN xi₃-koi₅, YCH hik₆-ke₂, LNY hm₅-kie₂, YOX hi₃-ki₅; (a.3) {兀隻 ~ 迄隻} YAN hu₀₂-t^hŋy₀₂, SNX ua₆-tsia₆, SHX gu₃-t^hŋia₆, DTA hi₃-tse₂, GTA xia₆-ie₂; (a.4) {許隻 ~ 彼個} FZH hi₂-eik₆, ZHN xai₄-it₆, (a.5) {許蜀隻 ~ 許一隻} JNY u₆-tsi₆-tsia₆, NND xa₂-søk₇-ie₂, FQN hy₂-sy₀₃-tsia₄, (a.6) SHW {那蜀個} oŋ₇-ɸio₀-kəi₀; (b) HKO {姪} mo₅, (b.1) WCH {▪ 姪} fo₄-mo₇. || ПМ {許} *hó.

КДК этимон 彼 *páj в миньских диалектах не сохранился. Мэй Цзулинь считает, что инновативный миньский корень (a) восходит к диалектному служебному слову 許 *hó эпохи Шести династий (220–589), которое было распространено к востоку от Янцзы (Mei 1999: 8). Самый ранний из приводимых им примеров употребления наблюдается в сти-

хотворении 子夜歌 («Песня Цзы-е») эпохи Цзинь: 吹冬簾起, 許時寒薄飛 «подуло зимой, поднялась занавеска // в это время холодные чувства разлетаются».

Во многих диалектах лексема записывается различными графическими знаками, подобранными по фонетическому принципу, за исключением 那 (*nān) и 彼 (*páj), записывающих различные указательные местоимения и отобранных по принципу семантического сходства.

Представленная основа часто стягивается с лексемой 'один', причем лексемы могут быть разными — как старая основа — *ʔit, так и новая 蜀 *ʒok (a.1; см. выше комментарий к этимону 'один'), о чем свидетельствует чередование финалей -t и -k. Может использоваться и вариант без стяжения (a), (a.4), (a.8) (Mei 1999: 8). В случае сохранения нестянутого двусложного варианта для записи второго компонента часто используется иероглифический знак 個 ПДК *kà 'штука'.

86) «этот/this»: (a) {只 ~ 即 ~ 這 ~ 者 ~ 迄} QZH tsi₃, HKO tsi₆, TWN tse₁ (tsi₁), CZH tsia₂, JNJ tsit₇, JIE tsi₃, LND ci₄, (a.1) ZHZ tsit₇, XMN tsit₇, LNX tsik₇, (a.2) {這個} PTI tsek₅-kei₂, DSH tsit₆-ge₀, CHY tsi₃-kai₁, FDN tsi₃-koi₅, YCH tsik₆-ke₂, LNY hi₃-kie₂, (a.3) {這個} YAN tso₃-tʃyo₅, SHX tʃia₃-tʃia₆, DTA tsi₃-tse₂, (a.4) {這隻 ~ 這個 ~ 這一} GTA tsia₆-ieʔ₆, FZH tsi₂-eik₆, ZHN tsai₄-it₆, (a.5) {這蜀隻 ~ 者一隻} NND tsaʔ₆-søk₆-ieʔ₆, FQN tsie₂-syo₃-zia₅, (a.6) SHW {口+掌蜀個} tʃioŋ₆-ʃi₀-kəi₀, (a.7) YOX {只其} tsi₃-ki₅; (b) JNY i₆-tsi₇-tsia₆, (b.1) SNX {隻} iei₆-tsia₆, (b.2) JNO ʔŋ₅; (c) {姪} HKO mo₅, (b.1) WCH zo₄=mo₇ (za₄=mo₇). || ПИМ {茲} *cʃi.

В КДК языке существовало множество основ для обозначения указательного местоимения, однако, по мнению Г. Старостина, именно корень 此 *c^hé является главной основой, так как используется на протяжении всей истории китайского языка (Starostin 2019: 169). Лексема 此 *c^hé, очевидно, не сохранилась в миньских диалектах, так как все перечисленные формы отражают рефлексы непридыхательной инициали *c-.

Знаки для записи лексем, как и в предыдущем случае, подобраны либо по принципу фонетического сходства основ, либо по принципу семантической близости. Мэй Цзулинь считает, что указательные местоимения зачастую стягиваются со старой и новой лексемами с семантикой 'один', о чем свидетельствуют финали -k и -t (см. аналогичную ситуацию с этимоном 'тот'; Mei 1999: 22). В диалектах южной ветви мы отчетливо видим стяжение основы с лексемой 'один'.

В этимологическом плане хорошо видно, что все представленные в миньских диалектах варианты корня так или иначе сводимы к РДК этимону 茲 *cə 'этот', который в КДК представляет собой скорее архаизм.

87) «ты/thou»: (a) {汝 ~ 女 ~ 你} WCH ɔu₃, FZH nø₃, LEI lu₃, PTI tøk₃, DSH li₃, CHY lu₃, QZH lu₃, ZHZ li₃, XMN li₃, HKO lu₃, TWN li₂, CZH lə₂, GTA ny₃, NND ny₃, ZHN ny₃, FDN ni₃, YCH lu₃, LNY li₃, DTA li₃, YOX ne₃, JNJ lə₃, LNX li₃, JIE lə₃, LND ni₄, FQN ny₂, (b) {你} JNO ni₆, YAN ŋi₁, SNX niε₇, JNY nɔi_{2b}, SHX gi₃, SHC lε₄; (c) SHW {爾 賢} xien₅. || ПИМ {汝} *n^hó и {爾} *n^hé.

Мэй Цзулинь считает, что миньские формы в южной ветви восходят к КДК этимону 汝 *n^há (Mei 1999: 9–12). Дж. Норман считает, что в северных и северо-западных диалектах исходной основой была лексема 爾 *n^hé (Norman 1969: 259).

По нашим данным видно, что обе формы имеют равномерное распределение по ветвям. Форма *n^hé, восходящая к КДК слову 爾 *n^hé, распространена на севере Фуцзяни в северной, центральной и шао-цзянской ветвях. Часто для записи используется знак 你 (обычно записывает современное мандаринское nǐ 'ты'; в литературных памятниках фиксируется только начиная с эпохи Тан), очевидно, подобранный по принципу семантической и фонетической близости.

КДК этимон 汝 *n^há сохраняется в южных, восточных и цюньвэньских диалектах. Графическая вариация между 女 ‘женщина’ и непосредственно 汝 восходит к аналогичной вариации ханьской эпохи.

Следует уточнить, что зона употребления основы 爾 *n^hé не ограничивается только северо-западными диалектами, а затрагивает почти весь север провинции Фуцзянь. На этом основании можно сделать вывод, что в миньских диалектах представлены две разные лексемы, которые четко распределены по географическим зонам «север» и «юг». Обе они формально проецируемы на ПМ уровень, без какой-либо очевидной дистрибуции на прауровне.

Хорошо известно, что КДК 汝 *n^há и 爾 *n^hé являются этимологически родственными формами, однако уже в КДК морфологическая связь между ними непродуктивна и четких правил распределения для этих лексем не обнаружено. Нет оснований думать, что на ПДК или на ПМ уровне эти два варианта осознавались как морфологически родственные; по этой причине их вряд ли следует рассматривать как лексикостатистические когнаты.

88) «язык/tongue»: (a) {舌} JNO üε₆, WCH ci₇, LEI tsi₄, DSH tsi₇, CHY tsi₇, YAN fya₄, HKO tsi₅, TWN tsi₈, CZH tsi₈, SNX lyœ₇, JNY lye₇, SHX sua₄, GTA sie₇, NND set₇, ZHN sik₇, FDN sie₇, YCH tsi₇, LNY tsi₄, DTA sua₄, YOX ci₁, JIE tsi₈, LND siat₁, (a.1) {舌仔~舌兒} QZH tsi_{8-4-a3}, ZHZ tsi_{8-5-a3}, XMN tsi_{8-5-a3}, JNJ tsi_{8-a3}, LNX tsi_{7-a3}, (a.2) PTI {脣頭} lei_{4-lau2}, SHW ciε_{6-t^həu₀}, (a.3) {嘴舌} FZH t^hui₄=liek₇, FQN t^hui₄=(s)lie₇. || ПМ {舌} *zεt.

89) «зуб/tooth»: (a) {齒 ~ 齧} JNO c^hi₂, PTI k^hi₃, QZH k^hi₃, ZHZ k^hi₃, XMN k^hi₃, HKO xi₃, TWN k^hi₂, CZH k^hi₂, SNX ts^hi₃, JNY ts^hi₃, FDN k^hi₃, LNY k^hi₃, SHW tç^hi₃, (a.1) {嘴齒} DSH t^hui₃=k^hi₃, GTA ts^hy₄=i₃, NND ts^hi₅=i₃, ZHN ts^hi₅=i₃, YCH ts^hui₅=k^hi₃, DTA ts^hi₅=k^hi₃, YOX ts^hui₅=k^hi₃, JNJ ts^hui₅=k^hi₃, LNX ts^hui₄=k^hi₃, FQN ts^hui₄=k^hi₂, (a.2) {齒齒} SHX ts^hɿ₃-ts^hɿ₃, SHC t^hiε₃-t^hiε₃; (b) {牙} JNO ŋa₃, WCH ge₂, FZH ŋai₃, LEI ŋe₂, DSH ge₂, CHY ge₂, YAN ŋo₂, CZH ge₅, SNX ŋo₂, JNY ŋa₂, FDN ŋa₂, LNY giε₄, SHW ŋa₂₃, FQN ŋai₃, LND ŋaa₂. || ПМ {(牙)齒} *(ŋā)-č^hí.

КДК этимон 齒 *č^hí (← КДК *t^há) стабильно сохраняется в диалектах и занимает лидирующую позицию. Г. Старостин отмечает, что в КДК данная лексема может использоваться как по отношению к людям, так и по отношению к животным (Starostin 2019: 169).

Важно отметить то, что континуант 齒 *č^hí часто сочетается с основой 牙 *ŋā (← КДК *ŋrā) в рамках бинома. Последняя основа тоже унаследована от КДК, но в отличие от 齒 *č^hí в ДК языке использовалась исключительно применительно к животным (Starostin 2019: 169). По мнению Нормана и Мэя лексема 牙 *ŋrā была заимствована в КДК из австроазиатского источника с исходным значением ‘бивень’, ‘зуб животного’, ‘клык’, так как товары из кости были популярны в северном Китае (Norman, Mei 2000: 475).

Двусложная форма 牙齒 *ŋā-č^hí встречается в северных диалектах JNO, SNX, JNY, в южных CZH, LNY, в диалекте FDN из восточной ветви и в SHW из шао-цзянской ветви. Самостоятельно лексема 牙 *ŋā используется в диалектах южной, восточной, центральной и цюньвэньской ветвей.

Норман и Мэй указывают на вариант стяжения лексемы ŋai₃ в диалекте FZH из двух слов: 牙+齒, о чем свидетельствует наличие финали -i (Norman, Mei 2000: 480). Подобное стяжение наблюдается также в диалекте FQN восточной ветви. В этом стяжении очевидно, что основной акцент находится на морфеме 牙 *ŋā, которая частично «поглощает» лексему 齒 *č^hí.

Обобщая все вышесказанное, можно предположить для ПМ вариацию между 齒 *č^hí и двуслогом 牙齒 *ŋā-č^hí; для отдельных диалектов, где наблюдается только однослог 牙 *ŋā, можно предположить перемещение основного «лексического акцента» на первую морфему и в дальнейшем усечение двуслога до однослога уже после распада ПМ.

90) «дерево/tree»: (a) {樹} JNO c^hiu₁, WCH siu₁, FZH ts^hiu₄, LEI ts^hiu₁, PTI ts^hiu₁, DSH ts^hiu₅, CHY ts^hiu₃, YAN t^hy₅, CZH ts^hiu₇, SNX ts^hiu₅, JNY ts^hiu₅, SHX t^hiu₅, GTA ts^hiu₅, NND ts^heu₅, ZHN ts^heu₅, FDN ts^hiu₅, YCH ts^hiu₆, LNY ts^hiu₆, DTA ts^hu₅, YOX ts^hiu₅, SHW t^hy₃, SHC t^hy₅, JNJ ts^hiu₆, LNX ts^hiu₅, JIE ts^hiu₆, LND c^hiaw₃, FQN ts^hiu₅, (a.1) {樹叢} QZH ts^hiu₅₋₄-tsa₂, ZHZ ts^hiu₆₋₅-tsa₂, XMN ts^hiu₆₋₅-tsa₂, HKO siu₁-ta₂, (a.2) TWN {樹仔} ts^hiu_{7-a2}. || ПИМ {樹} *ʒ^hwó.

Лексема 樹 *d^hó вытеснила КДК корень 木 *m^hók на прауровне, как и в ПДК, так как старый корень в базовом значении 'дерево' не сохранился ни в одном из языков-потомков.

91) «два/two»: (a) {兩} JNO n̄i₂, WCH no₅, FZH na₅, LEI n̄o₄, PTI nu₄, DSH no₅, CHY no₁, QZH n̄i₄, ZHZ n̄o₆, XMN n̄i₆, HKO no₅, TWN nng₇, CZH no₆, SNX sa₅, JNY s̄o₄, SHX li₃, GTA la₅, NND la₅, ZHN la₅, FDN la₅, YCH lai₂, LNY n̄ō₄, DTA n̄i₄, YOX lo₆, SHW li₃, JNJ ni₃, JIE no₄, LND laa₃, FQN la₄; (a.1) YAN liam₂-t^hy_{o13} {兩個}. || ПИМ {兩} *l^háŋ.

КДК этимон 二 *ni^hc 'два', как и в ПДК, был, очевидно, в атрибутивной функции вытеснен на ПМ уровне лексемой 兩 ПДК *l^háŋ, так как не был в этой функции обнаружен ни в одном диалекте.

92) «идти/walk (go)»: {去} JNO k^hɔ₃, FZH k^ho₄, LEI k^hu₅, PTI k^hy₄, DSH k^hi₄, CHY k^hu₄, YAN k^hu₅, QZH k^hu₅, ZHZ k^hi₅, XMN k^hi₅, HKO xu₄, TWN k^hi₃, CZH k^he₃, SNX k^ho₄, JNY k^hɔ₄, SHX k^ho₅, GTA ŋy_{ø4} (k^hy_{ø4}), NND ŋy₄, ZHN ŋy₄, FDN k^hie₅, YCH k^hu₅, LNY k^hi₅, DTA k^hi₅, YOX k^hy₅ (ŋy₅), SHW k^ho₅, SHC k^ho₅, JNJ k^hə₅, LNX k^hi₄, JIE k^hə₅, LND k^hua₃, FQN k^hø₄. || ПИМ {去} *k^hó.

Этимон КДК периода 往 *wáŋ не был обнаружен в миньских диалектах и, очевидно, был вытеснен лексемой 去 *k^hó уже на ПМ уровне. Подобная ситуация наблюдается и при переходе от КДК к ПДК.

93) «горячий/warm (hot)»: (a) {熱} JNO i₂, WCH z̄i_{at7}, FZH iek₇, LEI zua₄, PTI tsek₃, DSH dzua₇, CHY dzua₇, YAN ya₄, ZHZ dzia_{t8}, XMN lia_{t8}, TWN juah₈ (luah₈), CZH zua₇, SNX iei₇, JNY fie₃, SHX ya₄, GTA ie₇, NND ɛ_{t7}, ZHN i₇, FDN ie₇, YCH dzua₇, LNY iat₈, DTA jia₇, YOX nia₁, SHW nie₅, JNJ lia_{t8}, LNX dzua₇, JIE dzua₇, LND ŋiat₁, FQN ie₇, (a.1) {燒熱} QZH sio₁=luah₈, HKO tio₁=zit₈. || ПИМ {熱} *ńet.

94) «вода/water»: {水} JNO sü₂, WCH tiu₃, FZH tsui₂, LEI tsui₃, PTI tsui₃, DSH tsui₃, CHY tsui₃, YAN ŋy_{i3}, QZH tsui₃, ZHZ tsui₃, XMN tsui₃, HKO tui₃, TWN tsui₂, CZH tsui₂, SNX sy₃, JNY sy₃, GTA tsui₃, NND tsui₃, ZHN tsy_{i3}, FDN tsui₃, YCH tsui₃, LNY tsui₃, DTA ts̄i₃, YOX tsui₃, SHW sei₃, SHC ŋy₃, JNJ tsui₃, LNX tsui₃, JIE tsui₃, LND cui₄, FQN tsui₂. || ПИМ {水} *c̄wíj.

95) «мы/we»: (a) LND {我} waj₃; (a.1) {我人 ~ 阮} JNO ɤε₆-nei₃, WCH gua₃-na₂, LEI ba₃-na₂, DSH guan₃, CHY ua₃, QZH gun₃ (guan₃), ZHZ gun₃ (guan₃), XMN gun₃ (guan₃), HKO va₃-na₂, TWN guan₂ (gun₂), FDN uε₃-nei₂, YCH gun₃, LNY gua₃-la₂, JNJ gun₃, LNX gun₃, JIE ua₃; (a.2) {我各人} FZH ŋuai₁-ko₃-nø₂, GTA ŋuai₃-ɔu₆-nø₂, NND ua₃-kɔ₆-nø₂, YOX ua₃-kɔ₁-nø₂, FQN ŋua₂-ko₅-nø₂; (a.3) {我們} PTI kuok₅-muai₅, YAN ŋuo₁-muai₂, CZH ua₂-mng₅, (a.4) DTA {我伙} nã₃-hue₃, (a.4.1) JNY {我伙人} βue_{2b}-xo₃-nɔi₂; (a.5) ZHN {我儕} uε₃-lε₂; (b.1) SNX {俺叢人} aŋ₁-tsa₂-nei₂; (b.2) SHX {俺儕} ɔ₁-tse₀, (b.3) SHW {俺多} ien₄-tai₀, (b.4) SHC {俺大傢} aŋ₁-t^ha₆-kɔ₁. || ПИМ {我儂} *ŋ^há-nəu_ŋ.

Основа 我 *ŋ^háj, которая в КДК употреблялась как для единственного числа, так и для множественного, также сохраняется и в современных миньских диалектах в значении 'мы', но обычно в форме, расширенной за счет дополнительных показателей множественного числа. Чистый корень без каких-либо дополнительных морфем сохранился только в диалекте южной ветви LND.

Наиболее часто встречающийся суффикс 儂 ПДК **n̄iŋ* ‘человек’ употребляется в *северной, южной, цюньвэньской, восточной* ветвях. Следует отметить, что для большинства диалектов *южной ветви* характерно стяжение обеих морфем в однослог 阮 *guan* (иероглифический знак для данного стяжения подобран исходя из фонетической близости); стяжение отсутствует только в диалектах LEI, LNY.

96) «что/what»: (a) {啥} QZH siã₃ (siã₂), ZHZ sãh₇, XMN sia₃ (siã₃), TWN siann₂ (sann₂), (a.1) {啥乜 ~ 什乜 ~ 什麼 ~ 甚麼} JNJ siã₇-mi₇, LNX si₇-mi₇, JIE si-mue₅, DSH sim₁-mi₇, PTI tok₅-muai₁, YCH siam₃-mi₇, LNY sim₄-mẽ₅, DTA suiŋ₂-ni₃, (a.2) {啥貨} YAN so₂-ho₃, SHX sv₃-xv₅, (a.3) SHW {啥個} çia₆-kəi₄; (a.4) {甚乜} FZH θien₂-nok₄, GTA sia₄-nɔ₇, (a.5) SNX {什麼事} soŋ₂-moŋ₁-tei₅, (a.6) YOX {什地} çie₆-te₄; (b) {乜} LEI mi₄, QZH mi₇, HKO mi₆, (b.1) {乜個} WCH mi₆-kai₂, CHY mi₇-kai₂, CZH me₄-kai₅, (b.2) {乜乜} ZHN mi₇-nɔ₇, FQN mie₄-no₅, (b.3) LND {乜嘢} man₃-je₄, (c) ZHZ {哪} nah₇, (c.1) {哪乜} NND nɔ₇-nɔ₇, FDN no₅-no₄, (d) {孰事} JNO su₄-ti₁, JNY so₇-hai₃. || ПМ {啥} *śá.

ҚДК этимон 何 **g^həj* не сохранился ни в одном языке-потомке, что говорит о лексическом замещении еще на ПМ уровне.

Наиболее часто встречается средневековая лексема [śá], которая записывается тем же иероглифом, что и слово 啥 *shà*, которое встречается в китайских текстах начиная с периода Цин. Вероятно, обе лексемы имеют одно и то же происхождение, однако их точный источник неизвестен. Преимущественно употребляется в *южных* диалектах и однократно в *центральной ветви, в шао-цзянской, северной и пу-сяньской*.

Эта основа часто встречается в составе биномов, из которых самым употребительным является [śá-má]. Вторая часть этого бинома 乜 [má], скорее всего, представляет собой сокращенный вариант ҚДК лексемы 物 **m^hət* ‘вещь’. Впоследствии в части диалектов этот двуслог сократился до лексемы ‘вещь’, которая взяла на себя функции вопросительного местоимения, что и наблюдается в *южной, цюньвэньской и восточной* ветвях. В дальнейшем корень 乜 [má] может уже сам по себе «обрастать» другими показателями, в том числе и новыми лексемами с семантикой ‘вещь’.

Важно отметить, что ПДК бином [śá-má] часто записывается иероглифами 甚麼 или 什乜. Есть основания предполагать, что некоторые из этих форм на самом деле могли быть заимствованы позже из литературного языка, но строго доказать их заимствованность на данном этапе исследования не удастся.

Так или иначе, единственным подходящим кандидатом на ПМ статус оказывается основа 啥 [śá].

97) «белый/white»: {白} JNO pa₁, WCH be₇, FZH pak₇, LEI pe₄, PTI pa₃, DSH pe₇, CHY pe₇, YAN po₄, QZH peh₈, ZHZ peh₈, XMN peh₈, HKO ?be₅, TWN peh₈, CZH pe₇, SNX pɔ₅, JNY pa₇, SHX pe₄, GTA pa₇, NND pa₇, ZHN pa₇, FDN pa₇, YCH pe₇, LNY pie₄, DTA pa₄, YOX pa₃, SHW p^ha₃, SHC p^hɔ₇, JNJ p^hə₇, LNX p^he₇, JIE p^he₇, LND paa₃, FQN pa₃. || ПМ {白} *bək.

98) «кто/who»: (a) {誰 ~ 底人} WCH ŋiŋ₅, FZH tak₄-nəyŋ₂, LEI tiaŋ₄, DSH ti₄-lan₂, CHY ti₅-nan₂, CZH ti₇-tiang₅, HKO ?dian₅, GTA təyŋ₁, NND ti₅-nəyŋ₂, ZHN təyŋ₃, YCH tiaŋ₂, LNY tan₅, YOX te₁-nəyŋ₂, JIE ti₀-tiaŋ₂, LND tan₂-nan₅, FQN tie₁-nəyŋ₂; (b) DSH sian₂-lan₂ {啥人~誰儂}, SHX sv₃-neŋ₂, QZH siã₃-lan₂, XMN siã₃-lan₂, TWN siann₂-lang₅, DTA suiŋ₂-lan₂ (b.1) SHW {啥個人} çia₆-kəi₀-nin₂; (c) YAN {誰 + 畜} f₁₄-so₄, (c.1) ZHZ {咗} tsua₂; (d) {哪人} SNX nan₅-neŋ₂, FDN no₇-neŋ₄, (d.1) SHW {哪蜀個} ŋo₂-çio₀-kæi₅; (e) {乜人} DSH mi₇-lan₂, CHY mi₇-nan₂; (f) {孰人} JNO su₄-neŋ₃, JNY so₆-nɔŋ₂; (g) PTI {何人} hŋ₁-ŋaŋ₂. || ПМ {底儂} *təj-nəyŋ и {啥儂} *śá-nəyŋ (?).

ҚДК этимон 誰 *dwəj (c) представлен только в двух диалектах YAN *центральной ветви* и в диалекте ZHZ *южной ветви*, в котором форма 咗 *tsua₂* представляет собой стяжение из морфем 誰 *dwəj и 啊 *ʔəh. Иероглифический знак подобран по созвучию.

Наиболее широкой дистрибуцией (в *восточной, южной, цюньвэньской* ветвях) обладает бином 底人 [tíej-nōŋ], в котором первая морфема 底 — вопросительное слово, встречающееся в литературном языке только с эпохи Тан. В качестве второго компонента выступает лексема 人 ПДК *nīŋ ‘человек’. В некоторых *южных* и *цюньвэньских* диалектах данный бином может стягиваться до однослога и записываться иероглифом 誰, который подобран по принципу семантической близости.

Инновативный композит 啥人 [śá-nōŋ] употребляется преимущественно в диалектах *южной* и в *шао-цзянской* ветвях; первый компонент 啥 ‘что?’ обсуждался выше.

Можно заметить определенную закономерную модель перестраивания системы вопросительных местоимений: новая лексема ‘что?’ становится основообразующей и для местоимения, используемого для одушевленных объектов. Логично предположить, что более старая форма в миньских диалектах — именно 底儂 [tíej-nōŋ], а для лексемы 啥 [śá] можно предположить сценарий аналогического выравнивания, по которому основа неодушевленного местоимения обобщилась на всю парадигму вопросительных местоимений.

Несмотря на то, что корень 底 [tíej] в литературных памятниках впервые появляется лишь в средневековый период, в миньских диалектах он прекрасно фиксируется и имеет широкую дистрибуцию, что позволяет вывести форму 底儂 [tíej-nōŋ] на ПМ уровень.

Что касается бинорма 啥儂 [śá-nōŋ], то он распространен в трех разных географически обособленных ветвях, что позволяет судить об отсутствии взаимного влияния, и с чисто формальной точки зрения выводим на прауровень, но ввиду того, что механизм его образования прозрачен и продуктивен, легко допустить его независимое образование в различных ареалах распространения миньских диалектов. По этой причине его «техническая» реконструкция как формально допустимого синонима находится под сомнением.

99) «женщина/woman»: (a) LEI {孃} nian₁, (a.1) {阿娘} SNX v₁=nioŋ₂, JNY aiŋ₁=nioŋ₂, SHW a₁=nioŋ₂, SHC ɿ₁=ŋiɿ₂, (a.1.1) JNO {阿娘人} a₁=ŋiŋ₃-neiŋ₃, (a.1.2) {阿娘𪛗} SHX a₁=iŋ₂-fia₂, YAN oŋ₂=iam₂-so₂, (a.2) {姿娘} CZH tsə₁=nio₅, JNJ tsī₁=ŋiu₂, JE tsə₁=nio₂, (a.2.1) {查某人} CHY tsu₁=nio₁-naŋ₂, LNY tsiu₅-laŋ₂, FQN tsy₃-nōŋ₁-nōŋ₁, (a.3) WCH fo₂-ŋjan₃, (a.4) PTI ʃeŋ₂=niau₂ {孀娘}; (b) {查某} QZH tsa₁=bɔ₃, ZHZ tsa₁₋₆=bɔ₃, XMN tsa₁₋₆=bɔ₃, TWN tsa₁=boo₂, NND tsɔ₆=mu₃, YCH tsa₁=bɔ₃, DTA tso₇=bu₃, YOX tsa₁=mu₃, JNJ tsa₁=bɔ₃, LNX tsa₁=bɔ₃, LND cuŋ₁=mua₃, (b.1) {查某人 ~ 做母儂} DSH tsa₅=bo₁-laŋ₂, FDN tsɔŋ₅=muo₁-neŋ₂; (c) {女儂} HKO nu₃-naŋ₂, TWN lu₂-jin₅ (lu₂-lin₅), (c.1) {婦女人} GTA xu₅=ny₃-nœy₂, ZHN xu₅=ny₃-nœy₂, (c.2) FZH ny₁-y₄ {女子}, CZH nŋg₂-tse₂. || ПМ {女} *nó и {娘} *ŋaŋ.

КДК корень 女 *nrá сохранился в небольшом числе диалектов *южной, цюньвэньской* и в *восточной* ветвях, но только в составе трехсложных или двусложных структур.

Альтернативная основа 娘 [ŋaŋ] восходит к лексеме ‘девушка, девочка, мать’, которая в литературном языке проявляется впервые только в памятниках эпохи Тан. Лексема имеет широкую дистрибуцию (употребляется во всех ветвях группы Минь) и распространена почти по всему языковому континууму.

Второй по степени распространенности корень ПДК *mów, встречающийся исключительно в прибрежной части в *южных* и *восточных* диалектах, восходит к КДК лексеме 母 *má ‘мать’. Что касается первого компонента, с которым данная основа образует композит, то он обсуждался ранее (см. ‘мужчина’).

Мы предлагаем, как и во всех аналогичных случаях, вынести на прауровень два слова: этимон 女 *nrá, так как он сохранился на периферии миньского ареала и не утратил свою исходную семантику, и инновативный корень 娘 [ŋaŋ], который распространился из центра миньского ареала.

100) «желтый/yellow»: {黃} JNO ɥaŋ₃, WCH ʔui₃, FZH uoŋ₅, LEI ui₂, PTI ŋ₂, DSH uin₂, CHY ŋ₂, YAN m₂, QZH ŋ₂, ZHZ uĩ₂, XMN ŋ₂, HKO ui₁, TWN ng₅, CZH ng₅, SNX oŋ₂, JNY uoŋ₂, SHX ŋ₂, GTA uoŋ₂, NND uŋ₂, ZHN uŋ₂, FDN uoŋ₂, YCH ŋ₂, LNY ŋuĩ₂, DTA ŋ₂, YOX ŋ₂, SHW voŋ₁, JNJ ŋ₂, LNX uĩ₂, JIE ŋ₂, LND woŋ₅, FQN uoŋ₂. || ПИМ {黃} *wāŋ.

101) «далеко/far»: (a) {遠} WCH hui₃, FZH huoŋ₅, LEI hui₄, PTI huai₄, DSH huin₅, CHY hŋ₃, YAN ʃyain₄, TWN hng₇, CZH hng₆, SNX yŋ₃, JNY ʃyeiŋ₃, SHX xuĩ₄, GTA xuoŋ₅, NND xun₅, ZHN xun₅, FDN xuoŋ₅, YCH hŋ₅, LNY huĩ₄, DTA huĩ₄ (huŋ₄), YOX huẽ₅, SHW fien₃, SHC xiẽ₃, JNJ hŋ₁, JIE hŋ₄, LND fuaŋ₅, FQN huoŋ₄; (b) {套+兆} JNO tau₆, SNX to₇, JNY lau₆. || ПИМ {遠} *w^hǎn.

102) «тяжелый/heavy»: {重} JNO toŋ₁, WCH ɔaŋ₅, FZH tɔyŋ₅, LEI taŋ₄, PTI taŋ₄, DSH taŋ₅, CHY taŋ₃, YAN taŋ₄, QZH taŋ₄, ZHZ taŋ₆, XMN taŋ₆, HKO ʔdaŋ₅, TWN tang₇, CZH tong₆, SNX toŋ₅, JNY leiŋ₅, SHX tɔuŋ₄, GTA tɔyŋ₅, NND tɔeŋ₅, ZHN tɔeŋ₅, FDN teŋ₅, YCH taŋ₅, LNY taŋ₄, DTA taŋ₄, YOX tɔŋ₅, SHW t^huŋ₃, SHC t^huŋ₄, JNJ taŋ₄, LNX taŋ₅, JIE taŋ₄, LND teŋ₅, FQN tɔŋ₄. || ПИМ {重} *ɖ^hóŋ.

103) «близко/near»: {近} JNO küiŋ₃, WCH kɿan₅, FZH kɔyŋ₅, LEI kien₄, PTI kœŋ₄, DSH kin₅, CHY kiŋ₃, YAN kuan₄, QZH kun₄, ZHZ kin₆, XMN kun₆, HKO kin₅, TWN kin₇ (kun₇), CZH keng₆, SHW k^hin₅, SHC k^hǔ₄, JNJ kun₄, LNX kiŋ₅, JIE keŋ₄, LND kiŋ₅, FQN kœŋ₄. || ПИМ {近} *gín.

104) «соль/salt»: (a) {鹽} JNO iŋ₃, WCH ʔiam₂, FZH ʃien₅, LEI iam₂, PTI ien₂, DSH iam₂, CHY iam₂, YAN iaiŋ₂, QZH iam₂, ZHZ iam₂, XMN iam₂, HKO iam₂, TWN iam₅, SNX iŋ₅, JNY ieiŋ₅, GTA siŋ₄, NND sim₅, ZHN sim₅, FDN sien₅, YCH sĩ₅, LNY sĩ₅, YOX siŋ₅, SHW ien₂, SHC niẽ₂, JNJ sĩ₂, LNX iam₂, JIE iam₂, LND jam₂, FQN sien₁, (a.1) CZH iam₅-hue₁ {鹽花}. || ПИМ {鹽} *žem.

105) «короткий/short»: {短} JNO to₂, WCH de₃, FZH tɔy₂, LEI te₃, PTI tœy₃, DSH te₃, CHY to₃, YAN tue₅, QZH tɔ₃, ZHZ te₃, XMN te₃, HKO ʔde₁, TWN tuan₂, CZH to₂, SNX tuei₃, JNY tui₃, SHX tuɛ₃, GTA toi₃, NND tɔy₃, ZHN tei₃, FDN toi₃, YCH tɔ₃, LNY tie₃, DTA tue₃, YOX tɔ₃, SHW tue₃ (ton₃), JNJ tɔ₃, LNX te₃, JIE to₃, LND toj₄, FQN toi₂. || ПИМ {短} *twán.

106) «змея/snake»: (a) {蛇} JNO üɛ₃, WCH tɥa₂, FZH ʃie₂, LEI tsua₂, PTI ʃye₂, DSH tsua₂ {蛇}, CHY tsua₂, YAN ʃya₂, QZH tsua₂, ZHZ tsua₂, XMN tsua₂, HKO tua₂, TWN tsua₅, SNX ia₂ (yœ₂), JNY ʃye_{2b}, SHX sua₂, GTA sie₂, NND sie₂, ZHN sie₂, FDN sia₂, YCH tsua₂, LNY tsua₂, DTA tsua₂, YOX ɕia₂, JNJ tsua₂, LNX tsua₂, LND sua₂, (a.1) FQN {老蛇} lo₂=sia₁ (zia₁). || ПИМ {蛇} *ža.

107) «тонкий/thin»: {薄} JNO pɔ₆, WCH bo₇, FZH pok₇, LEI pɔ₄, PTI pou₃, DSH pə₇, CHY po₇, YAN pə₄, QZH poh₈, ZHZ poh₈, XMN poh₈, HKO ʔbo₅, TWN poh₈, CZH po₈, JNJ po₈, JIE po₈. || ПИМ {薄} *bāk.

108) «ветер/wind»: {風} JNO xoŋ₁, WCH ʃuaŋ₁, FZH huŋ₁, LEI huaŋ₁, PTI puai₁, DSH hoŋ₁, CHY huaŋ₁, YAN han₁, QZH huaŋ₁, ZHZ hɔŋ₁, XMN hɔŋ₁, HKO huaŋ₁, TWN hong₁, CZH huang₁, SNX pɔŋ₁, JNY piɔŋ₁, DTA hoŋ₁, SHW pyuŋ₁ (piuŋ₁), SHC piuŋ₁, JNJ huaŋ₁, LNX hɔŋ₁, JIE huaŋ₁, LND huŋ₁, FQN huŋ₃. || ПИМ {風} *piuŋ.

109) «червяк/worm»: (a) {猴蚓 ~ 涂蚓} QZH kau₂₋₄=un₃, NND kau₂=ɔn₃, ZHN ka₂=yn₃, FDN kau₂=oŋ₃, YCH kau₂=uŋ₃, JIE kau₀=uŋ₃, CHY kau₅=uŋ₃, DTA kɔ₂=huen₃, YOX kau₂=hɔŋ₃, (a.1) {涂蚓 ~ 地堦} ZHZ tɔ₂₋₅=kin₃, XMN tɔ₂₋₅=un₃, HKO hɔ₂=hun₃, DSH to₄=un₃, (a.1.2) TWN {杜蚓仔} too₇=kun_{2-a2}, (a.1.3) LEI {涂蚓蟲+耳} t^heu₂=uŋ₅-zi₁, (a.2) GTA {尿蚓} nie₅=ɔuŋ₃; (a.3) FZH {牙蚓} ŋaun₃, (a.4) FQN {琴蚓} k^hiŋ₁=ŋɔŋ₂; (b) {尿蚓 ~ 尿虫+窠} SNX ŋyŋ₅=xueiŋ₃, JNY niɔ₅=xyeiŋ₃, SHX niɔ₅=xyeiŋ₃,

(b.2) JNO {加流蠱} ka₃=liu₄=xüiŋ₂, (b.3) SHW {黃虫+寗} voŋ₂=fien₃, (c) SHC {河虫+寗} xu₂=kuaŋ₃, (d) LNY {鴨蟲} a₇=t^haŋ₂; (e) PTI niau₄=œ₃. || ПМ {蠱} *xán и {蚘} *ún.

По всему миньскому региону наблюдается большое разнообразие форм, несводимых к КДК корню 蚘 ~ 蠱 *Łán, что говорит о лексической замене на прауровне.

Группа (а) представляет неизвестный корень, который распространен в южной, восточной и цюньвэньской ветвях. Иероглиф 蚘 *Łán, которым он записывается, подобран по семантическому принципу. Данную лексему, скорее всего, на ПМ уровне надо восстанавливать как *ʔín, так как в большинстве диалектов отсутствует начальный консонант; отдельные формы вида ɲaiŋ следует скорее всего рассматривать как стяжение с неким неизвестным первым компонентом.

В диалектах северной, центральной и шао-цзянской ветвей обнаружен корень 蠱 [xán] ‘червяк’, который не встречается в литературных памятниках, но зафиксирован в СК словарях. Так, в 廣韻 «Гуаньюнь» дается следующее объяснение: 蠱: 蚯蚓也, 吳楚呼爲寒蠱。休謹切, 又虛偃切 «сянь – это червяк. В [царствах] У и Чу называют ханьсянь (зимний червяк). Фаньце [xán] и [xán]». Как правило, для записи этого слова используется знак 蚘 *Łán, подобранный по семантическому принципу, но в диалектах SHX, JNY, SHW также встречается редкий знак {虫寗}, вероятно, подобранный из-за фонетической близости.

Таким образом, лексемы 蠱 *xán и 蚘 *ʔín разделяют языковой континуум на две зоны (север и юг) и являются равноправными кандидатами на статус ПМ этимона.

110) «год/year»: {年} JNO niŋ₃, FZH niŋ₂, LEI hi₂, PTI niŋ₂, DSH ni₂, CHY ni₂, YAN ŋeiŋ₂, QZH ni₂, ZHZ ni₂, XMN ni₂, HKO hi₂, TWN ni₅, CZH ni₅, SNX niŋ₂, JNY niŋ₂, SHX ŋi₂, GTA niŋ₂, NND niŋ₂, ZHN niŋ₂, FDN niŋ₂, YCH nĩ₂, LNY niã₂, DTA nĩ₂, YOX nẽ₂, SHW nin₂, SHC nĩ₂, JNJ nĩ₂, LNX lian₂, JIE ni₂, LND nian₂, FQN niŋ₁. || ПМ {年} *n^hiēn.

Анализ данных

Результаты анализа базисной лексики показывают, что как минимум в 25 случаях ПМ реконструкция амбивалентна (см. таблицу 2) и выбрать единственного кандидата для реконструкции ПМ состояния на основании обычных дистрибуционных критериев невозможно.

		Северная группа	Центральная группа	Шао-цзянская группа	Южная группа	Восточная группа	Пу-сяньская группа	Цюнь-вэньская группа
Грудь	胸 *hoŋ	+	+	+	+	-	+	+
	心肝 *sjim-kān	+	-	-	+	-	-	-
Земля	塗 *d ^h ō	-	-	-	+	+	+	+
	泥 *nāj	+	+	+	-	-	-	-
Холодный	寒 *gān	+	+	+	+	+	+	+
	清 *s ^h jēŋ	+	+	+	+	+	+	+
Собака	犬 *k ^h wiēn	-	-	-	-	+	-	-
	狗 *ków	+	+	+	+	-	+	+
Пить	飲 *ʔim	+	-	-	-	+	+	-
	食 *zik	-	-	+	+	+	-	+

Таблица 2. Распределение лексем с двумя возможными кандидатами на ПМ статус по основным диалектным группам.

		Северная группа	Центральная группа	Шао-цзянская группа	Южная группа	Восточная группа	Пу-сяньская группа	Цюнь-вэньская группа
Сухой	乾 *kān	–	–	+	+	–	–	+
	焦 *tāw	+	+	–	+	+	+	+
Волосы	頭髮 *d ^h ōw=pwat	–	+	+	+	+	+	–
	頭毛 *d ^h ōw=m ^h āw	+	–	+	+	+	–	+
Зеленый	青 *s ^h iēŋ	+	–	+	+	–	–	+
	綠 *lok	–	–	–	+	+	+	+
Знать	知 *tʰe	+	+	–	+	–	+	+
	曉 *síéw	+	–	+	+	+	–	–
Мужчина	夫 *pwo	+	–	+	+	+	+	–
	男 *nām	+	+	+	+	+	–	+
Рот	喙 *c ^h was	+	+	–	+	–	+	–
	嘴 *cjwáj	–	+	+	–	–	–	+
Много	多 *tā	+	–	–	+	–	–	+
	儕 *ʒəj	+	+	–	+	+	+	–
Дым	熏 *hwin	–	–	–	+	–	–	+
	煙 *ʔiēn	+	–	+	+	+	+	–
Шея	脰 *d ^h ōw	+	+	+	+	+	+	+
	頸 *kjéŋ	–	–	+	+	–	–	–
Дорога	道 *d ^h éw	–	+	–	+	+	+	–
	路 *lò	+	–	–	+	+	–	+
Ночь	瞑 *miēŋ	+	+	+	+	+	+	+
	暗 *ʔəm	+	–	+	+	–	–	–
Сказать	講 *kǒŋ	–	–	–	+	+	+	+
	話 *wáj	+	+	+	+	+	+	–
Спать	寐 *mjiś	+	–	–	–	–	–	–
	睏 *k ^h wəŋ	–	–	+	+	+	–	–
Плывать	游 *jiw	+	–	–	+	–	–	+
	涸 *ʒ ^h iw	–	–	–	+	+	+	+
Маленький	小 *sjéw	+	–	–	+	+	–	–
	細 *sièj	–	+	–	+	+	+	+
Женщина	女 *ŋó	–	–	–	+	+	–	+
	娘 *ŋaŋ	+	+	+	+	+	+	+
Кто	底儂 *tǒj-nəuŋ	–	–	–	+	+	–	+
	啥人 *sá-noŋ (?)	–	+	+	–	+	–	–
Зуб	齒 *c ^h í	+	+	+	+	+	+	+
	牙 *ŋā	+	–	+	+	+	–	+
Ты	汝 *í ^h o	–	–	–	+	+	+	+
	爾 *ŋ ^h e	+	+	+	–	–	–	–
Червяк	蚓 *ún	–	–	–	+	+	+	+
	蟪 *xán	+	+	+	–	–	–	–

Таблица 2 (продолжение).

Данные таблицы показывают, что четкой дистрибуции изоглосс между диалектными группами, которая хорошо согласовывалась бы с традиционной классификацией миньских диалектов, в большинстве случаев не наблюдается; исключения представляют собой лишь 4 случая из 25 ('земля', 'собака', 'ты', 'червяк'). Тем не менее, эти результаты нельзя считать доказательством некорректности традиционной классификации, поскольку распространение инновативных изоглосс на миньском пространстве во многих случаях может носить контактно-ареальный характер.

Что касается отношений между миньской диалектной группой и классическим древнекитайским языком, то здесь обнаруживается, что КДК от ПМ отличают 34 слова (69% совпадений от 110-словного списка). Некоторые из этих инноваций оказываются тождественными инновациям, имевшим место при переходе от КДК к ПДК и далее к СК (т. е. инновациям, характерным для всех или большинства синитических диалектных групп), но существуют и специфически общеминьские инновации, отличные как от КДК, так и от ПДК/СК (хотя из-за неполноты наших сопоставительных данных нельзя гарантировать, что эти инновации действительно представлены только в миньских диалектах и никаких других).

Ниже перечислены все миньские лексические инновации по сравнению с КДК, но при этом объединяющие миньские диалекты с ПДК и с СК:

- 'все' 皆 *krəy → ПМ 都 *tō
- 'жечь' 焚 *bən → ПМ 燒 *sʃew
- 'полный' 盈 *leŋ → ПМ 滿 *mān
- 'хороший' 善 *dán → ПМ 好 *háw
- 'голова' 首 *lú → ПМ 頭 *dʰōw
- 'красный' 赤 *kʰiak → ПМ 紅 *ɣwōŋ
- 'кожа' 膚 *pra → ПМ 皮 *bʰe
- 'дерево' 木 *mʰōk → ПМ 樹 *ʃʰwó
- 'два' 二 *nić → ПМ 兩 *lʰáŋ
- 'идти' 往 *wáŋ → ПМ 去 *kʰó

Все эти случаи подтверждают, что в целом ПМ развивался в том же направлении, что и ПДК; это согласуется с общепринятой концепцией, что обособление ПМ языка должно датироваться ПДК периодом (примерно II–III вв. н.э.). С другой стороны, необходимо отметить и такие специфически миньские инновации, которые не характерны ни для ПДК, ни для СК:

- 'кусать' 噬 *dać → ПМ 咬 *ɣáw (ср. СК 咬 ηáw)
- 'черный' 黑 *māk → ПМ 烏 *ʔō (ср. СК 黑 xak)
- 'ноготь' 爪 *crū? → ПМ 甲 *kāp (ср. СК 爪 čáw)
- 'земля' 土 *tʰó → ПМ 塗 *dʰō и 泥 *nāj (ср. СК 土 tʰó)
- 'нога' 足 *cok → ПМ 骸 *kʰāw (ср. СК 腳 kak)
- 'давать' 與 *lá → ПМ 乞 *kʰit (ср. СК 與 jó)
- 'слышать' 聞 *mən → ПМ 聽 *tʰiēŋ (ср. СК 聞 mün)
- 'убивать' 殺 *srāt → ПМ 劊 *dʰai (ср. СК 殺 sät)
- 'колени' 膝 *sit → ПМ 骸 *kʰāw (ср. СК 膝 sjit)
- 'лист' 葉 *lʰap → ПМ 箬 *háuk (ср. СК 葉 jep)
- 'лежать' 臥 *ŋʰwājʰ → ПМ 倒 *táw (ср. СК 臥 ηwà)
- 'рот' 口 *kʰó → ПМ 喙 *čʰwaś и 嘴 *cʃwáj (ср. СК 口 kʰíw)
- 'шея' 領 *rʰéŋ → ПМ 脰 *dʰōw и 頸 *kjéŋ

- ‘ночь’ 夜 *liah → ПМ 暝 *miēŋ и 暗 *ʔəm (ср. СК 夜 *ja*)
- ‘не’ 不 *pə → ПМ 無 *mwo (*ŋwo) (ср. СК 不 *pəw*)
- ‘один’ — *ʔit → ПМ 蜀 *ʒok (ср. СК — *ʔit)
- ‘человек’ 人 *nin → ПМ 儂 *nāuŋ (ср. СК 人 *nin*)
- ‘сказать’ 曰 *wat → ПМ 講 *kōŋ и 話 *wāj (ср. СК 云 *hiin*)
- ‘спать’ 臥 **ŋ^hwājh* → ПМ 寐 *mjiis и 暎 **k^hwəŋ* (ср. СК 睡 *ʒwe*)
- ‘стоять’ 立 *rəp → ПМ 企 **k^hje* (ср. СК 立 *lip*)
- ‘тот’ 彼 *páy → ПМ 許 *hó (ср. СК 那 *nā*)
- ‘этот’ 此 **c^he* → ПМ 茲 *cji (ср. СК 此 *c^hje*)
- ‘что’ 何 **g^hāj* → ПМ 啥 *śá (ср. СК 什麼 *ʒim-mwá*)
- ‘кто’ 誰 **d^hwəj* → ПМ 底儂 *tǎj-nāuŋ и 啥人 *śá-nāuŋ (?) (ср. СК 誰 *ʒwi*)
- ‘червяк’ 蚓 ~ 蟻 *ʒán → ПМ 蚓 *ún и 蟻 *xán (ср. СК 蚓 *jin*)

Особо следует отметить спорные случаи с сохранением старого корня и с появлением нового, для которых трудно сделать однозначный вывод, воспринимались ли старые слова в этих случаях на ПМ уровне как архаизмы или стилистически маркированные синонимы:

- ‘холодный’ 寒 *gān → ПМ 寒 *gān и 清 **s^hjèŋ* (**c^həiŋ?*)
- ‘грудь’ 胸 *ŋoŋ → ПМ 胸 *hoŋ и 心肝 *sjim-kān
- ‘сухой’ 乾 *kān → ПМ 乾 *kān и 焦 *tāw
- ‘перо’ 羽 **w(r)á* → ПМ (羽)毛 **(wó)-m^hāw*
- ‘пить’ 飲 *ʔəm → ПМ 飲 *ʔim и 食 *zik
- ‘зеленый’ 青 **s^hēŋ* → ПМ 青 **s^hiēŋ* и 綠 *lok
- ‘волосы’ 髮 *pat → ПМ 頭髮 **d^hōw-pwat* и 頭毛 **d^hōw-m^hāw*
- ‘семья’ 種 *tōŋ → ПМ 種(子) **cóŋ-(c)í*
- ‘дым’ 熏 *hun → ПМ 熏 *hwín и 煙 *ʔiēn
- ‘много’ 多 *tāj → ПМ 多 *tā и 儕 *zāj
- ‘знать’ 知 *tre → ПМ 知 *ʔe и 曉 *śiēw
- ‘маленький’ 小 *séw → ПМ 小 *sjéw и 細 *siēj
- ‘плавать’ 游 *lu → ПМ 游 *jiw и 泅 **ʒ^hiw*
- ‘женщина’ 女 *nrá → ПМ 女 *ŋó и 娘 *ŋaŋ
- ‘зуб’ 齒 **t^hó* → ПМ (牙)齒 **(ŋā)-c^hí*
- ‘ты’ 汝 ~ 女 **n^hǎ* → ПМ 汝 **ŋ^hó* и 爾 **ŋ^hé*

Наконец, совсем отдельно оказываются несколько лексем, которые необычным образом отражают большую близость ПМ к РДК, нежели к ҚДК:

- ‘спать’: ҚДК 臥 **ŋ^hwājh*, но ПМ 寐 *mjiis (также 暎 **k^hwəŋ*)
- ‘дорога’: ҚДК 路 *rāh, но ПМ 道 **d^hǎw* (также 路 *lò)
- ‘мужчина’: ҚДК 男 *nām, но ПМ 夫 *pwo (также 男 *nām)
- ‘этот’: ҚДК 此 **c^hé*, но ПМ 茲 *cji.

Хотя эти примеры и немногочисленны, сам факт их присутствия чрезвычайно важен; он может служить косвенным аргументом в пользу того, что непосредственным предком ПМ языка мог на самом деле являться какой-то отдельный диалект, отличный от тех, на которых было написано большинство ҚДК памятников. В любом случае речь идет о явно парадоксальной ситуации, в которой множественные примеры, отражающие специфическую близость с ПДК, противоречат немногочисленным примерам, которые, наоборот, отражают скорее близость с РДК.

Уникальной оказывается ситуация с лексемой 'собака', для которой только в *миньдунской* (восточной) ветви сохраняется КДК этимон 犬 *k^hwín, в то время как в остальных ветвях отражается более новая основа 狗 *ków. С точки зрения общей дистрибуции на ПМ уровне следовало бы восстанавливать 狗 *ków, но это входит в конфликт с нашим знанием о том, что исконно китайской 'собакой' является именно 犬 *k^hwín. «Восстановление» в восточной ветви исторической лексемы под влиянием литературного языка при этом исключено, поскольку уже в ПДК, судя по данным памятников, 犬 *k^hwín было не базовым словом, а архаизмом.

Выводы

Как видно из вышеперечисленных примеров, миньский материал отражает элементы смешанного развития, не позволяющие сделать однозначный вывод относительно того, следует ли считать ПМ непосредственным потомком КДК или ПДК. К рассмотрению можно предложить несколько допустимых сценариев развития:

1) ПМ отделился от общекитайского ствола как минимум в период Чжаньго (V–III вв. до н.э.), если не ранее, и является «сестринским» диалектом диалектного кластера КДК. В пользу этого свидетельствуют некоторые лексемы, которые объединяют ПМ с РДК, а также (косвенно) те лексемы, которые у ПМ совпадают с КДК, но не с ПДК (например, 'собака'). При этом на ранней стадии развития (но, вероятно, уже после распада ПМ на отдельные ветви) миньские диалекты активно взаимодействовали с другими китайскими диалектами, что объясняет, почему лексические замены в ПМ и в ПДК, как правило, шли в одном и том же направлении. В рамках такой интерпретации ПМ — изначально однородный диалект, имеющий строго единого предка;

2) единого ПМ диалекта не существовало, а имело место конвергентное развитие, т. е. изначально (начиная как минимум с той же эпохи Чжаньго) было несколько диалектов, из которых впоследствии и сложился миньский кластер. При этом гипотетический 'раннеминьский' мигрировал на юг еще до эпохи Хань, 'позднеминьский' же спустя несколько столетий появился на тех же территориях, что и 'раннеминьский', и начал с ним контактировать, что привело к практически полному слиянию диалектов, хронологически растянувшегося от эпохи Хань до эпохи Цзинь (III–IV вв.). В этом случае старая 'собака' в миньдунской ветви как раз оказывается реликтом старой диалектной волны;

3) вариант «конвергентного» сценария — «субстратный» сценарий, в рамках которого мы постулируем единый ПМ диалект как ответвление ПДК языка, но при этом не считаем его первым китайским диалектом, который появился на территории современной провинции Фуцзянь, а допускаем, что на него могли (по крайней мере, в лексическом плане) повлиять некоторые диалекты, которые уже были представлены на этой территории за некоторое время до миграции на нее носителей ПМ диалекта. Сами по себе эти старые диалекты, по-видимому, вымерли, но их субстратными следами в миньских диалектах оказываются такие лексемы, как 'собака', 'мужчина', 'этот' и др. Именно за счет субстратного влияния в ПМ оказываются смешаны между собой элементы, специфические как для ПДК, так и для РДК.

Из перечисленных трех вариантов наименее вероятным оказывается первый, поскольку в рамках «до-ханьской» концепции происхождения миньских диалектов миньдунскую (восточную) ветвь следовало бы считать первой ветвью, отделившейся от ПМ, что противоречит всем классификациям, в том числе и лексикостатистической.

Второй вариант (конвергентное развитие) также маловероятен, поскольку в ситуации относительно равноправного контактирования нескольких диалектов друг с другом можно было бы ожидать значительно большее число совпадений между ПМ и РДК/КДК по сравнению с теми случаями, которые объединяют ПМ с ПДК.

Оптимальным, таким образом, выглядит субстратный вариант развития, поскольку именно он согласуется с фактом малочисленности архаичных лексем, отражающих влияние старого 'доминьского' диалекта на непосредственно ПМ. Можно даже предположить, что этот 'доминьский' диалект, скорее всего, не совпадал на 100% ни с одним из известных нам диалектов, отраженных в литературных памятниках эпохи КДК (именно за счет сохранения нескольких лексем, характерных скорее для ранних памятников, таких, как «Ши цзин» и др.), но предложить точную датировку для него, разумеется, не представляется возможным из-за нехватки данных. Можно лишь установить *terminus post quem*: очевидно, что обособление 'доминьского' диалекта не могло относиться к более позднему периоду, чем эпоха Чжаньго, когда основной лексемой со значением 'собака' еще оставалась 犬 *k^hwín.

Любопытно сравнить полученные на основании реконструкции ПМ списка выводы с исторической стратификацией, излагаемой в работах Дж. Нормана.

В первую очередь Норман выделяет старый субстратный слой лексики диалектов группы Минь, который относится специфически к австроазиатской семье и, согласно Норману, максимально близок к современному вьетнамскому языку (Norman 1991: 332). В нашем анализе определенный слой австроазиатской лексики действительно был обнаружен, но в наибольшей степени он представлен в южной и восточной ветвях (хотя изредка встречаются слова, общие для всех ветвей, например, 'сухой'). Из этого можно сделать вывод, что основные контакты с австроазиатскими языками все же начались уже после распада общеминьского.

Во-вторых, Норман предполагает, что китаизация территории современной провинции Фуцзянь началась с ханьской эпохи, а переселенцы были, вероятно, из Цзяндунского ареала (восток царства Чу, современная провинция Чжэцзян) и царства У. Это аргументируется тем, что сохранилось множество слов, общих для старых диалектов древнего царства У (известных по ДК лексикографическим описаниям) и для диалектов группы Минь.

Наконец, массовая миграция людей с севера в район современной Фуцзяни началась только после падения династии Западная Цзинь. Это привело к тому, что многие местные китайские диалекты на юге стали собирательно именоваться У (Norman 1991: 334–336).

Непосредственных исторических сведений о миньском регионе до эпохи Цзинь сохранилось не так много, поскольку в основном эта территория была заселена некитайскими народами. Известно, что в 330 г. до н.э. царство Чу захватило государство Юэ, и часть его жителей, в том числе и члены правящего дома, были вынуждены переселиться вдоль побережья к народам байюэ (собирательное название для всех народов юэ), образовав царство Минь-юэ (330–110 до н.э., см. Milburn 2010: 7–9). При Лю Бане царство Минь-юэ стало вассалом империи Хань, но при императоре У-ди царство было уничтожено из-за непокорности и постоянных нападений на соседние царства (Наньюэ, Дун-юэ), а жители были переселены в междуречье Янцзы и Хуайхэ (Вяткин 1996: 66–74).

Уже в начале эпохи Троецарствия в 207 г. н.э. царство У, которое владело территорией Цзяндун, организовало 4 уезда на севере современной провинции Фуцзянь: Цзяньгань (ныне Цзяньюэ), Цзянпин (ныне Цзяньгань), Наньпин, Ханьсин (ныне Фучэн). Позже уский Цзинь-ди организовал округ Цзяньгань и уезды Чжао-у (современный Шао-у) и Цзянлэ. И только после эпох Вэй-Цзинь ханьцы стали массово переселяться в Фуцзянь, постепенно заселяя и прибрежные районы (Chen, Li 1991: 139).

Вся эта информация в целом хорошо согласуется и с лингвистическими выводами насчет того, что заселение изучаемого региона действительно происходило в несколько этапов и что при этом имели место тесные контакты с носителями разных некитайских диалектов, распространенных на территориях древних царств У и Чу и народов юэ. Тем не менее, сказать что-либо более конкретное про диалектную характеристику «миньского субстрата» трудно из-за скудности как лингвистических, так и исторических данных.

Литература

- Старостин, Г. С. 2013. К проблеме двух собак в классическом китайском языке: *canis comestibilis* vs. *canis venaticus*? В: Н. П. Гринцер и др. (ред.). *Institutionis Conditore: Илья Сергеевичу Смирнову. Orientalia et Classica*, Vol. L: 253–267. Москва: РГГУ.
- Старостин, С. А. 1989. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. Москва: Наука.
- Сыма Цянь. 1996. *Исторические записки (Ши цзи)*. Том IX. Перевод с китайского Р. В. Вяткина. Москва: Восточная литература РАН.

References

- Cài, Jùnmíng (蔡俊明). 1991. *Cháo zhōu fāngyán cíhuì* (潮州方言詞匯). Xianggang: Xiānggǎng zhōngwén dàxué chūbǎnshè (香港中文大學出版社).
- Chapell, Hilary. 2000. Dialect grammar in two early modern Southern Min texts: A comparative study of dative kít 乞, comitative cāng 共 and diminutive –guà 仔. *Journal of Chinese Linguistics* 28(2): 247–302.
- Chén, Zhāngtài, Rúlóng Lǐ (陳章太, 李如龍). 1991. *Mǐnyǔ yánjiū* (閩語研究). Beijing: Yǔwén chūbǎnshè (語文出版社).
- Dèng, Xiǎohuá (鄧曉華). 1994. Nánfāng hànǔ zhōngde gǔnándǎo yǔ chéngfèn (南方漢語中的古南島語成分). *Minority Languages of China* (民族語文) 3: 36–40.
- Dǒng, Tóng hé (董同龢). 1959. Sìge mǐnnán fāngyán (四個閩南方言). *Bulletin of the Institute of History and Philology Academia Sinica* 30 (2): 729–1042.
- Dǒng, Zhōngsī (董忠司). 1993. Yǒuguān táiwānhuà tsa1 pɔ1, tsa1 bɔ2 tànyuán wèntí – shìlùn kěnéng shì mǐnyuèyǔ cánlíude yīgè hénjì (有關臺灣話 tsa1 pɔ1, tsa1 bɔ2 探源問題——試論可能是閩越語殘留的一個痕跡). In: *Disānjiè guójì mǐnfāngyán tāolùn huì huìyì lùnwénjí* (第三屆國際閩方言討論會議論文集): 99–106. Xianggang: Xiānggǎng zhōngwén dàxué (香港中文大學).
- Egerod, Søren. 1956. *The Lungtu Dialect: A Descriptive and Historical Study of a South Chinese Idiom*. Copenhagen: Munksgaard.
- Féng, Àizhēn (馮愛珍). 1993. *Fúqīng fāngyán yánjiū* (福清方言研究). Beijing: Shèhuì kēxué wénxiàn chūbǎnshè (社會科學文獻出版社).
- GLD = Starostin, George (ed.). *The Global Lexicostatistical Database*. Available online at: <https://starling.rinet.ru/new100/main.htm>.
- Hashimoto, Motoki, Jerry Norman. 1971. *A guide to the Wen-ch'ang and Ting-an dialects*. Arlington: ERIC Clearing house on Languages and Linguistics.
- Hashimoto, Motoki. 1976. The Wen-ch'ang dialect of the Hainanese language. *Journal of Asian & African studies* 11: 65–86.
- HYDC = *Hànyǔ dà cídiǎn* (漢語大詞典). 1993. Shanghai: Shànghǎi císhū chūbǎnshè (上海辭書出版社).
- Jäger, Gerhard, Johann-Mattis List. 2018. Using ancestral state reconstruction methods for onomasiological reconstruction in multilingual word lists. *Language Dynamics and Change* 8(1): 22–54.
- Kassian, Alexei, George Starostin, Anna Dybo, Vasily Chernov. 2010. The Swadesh wordlist: an attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship* 4: 46–89.
- LAC = Cao Zhiyun (ed.). *The Linguistic Atlas of Chinese dialects. 2nd edition: Chinese dialect volume* (中國語言地圖集第二版: 漢語方言卷). 2012. Beijing: Shāngwù yīnshūguǎn chūbǎnshè (商務印書館出版社).
- Li, Fang-kuei. 1977. *A handbook of comparative Tai*. Honolulu: University of Hawaii Press.

- Lǐ, Róng (李榮). 1996. *Hǎikǒu fāngyán cídiǎn* (海口方言詞典). Nanjing: Jiāngsū jiàoyù chūbǎnshè (江蘇教育出版社).
- Lǐ, Róng (李榮). 1998. *Jiàn'ōu fāngyán cídiǎn* (建甌方言詞典). Nanjing: Jiāngsū jiàoyù chūbǎnshè (江蘇教育出版社).
- Lǐ, Róng (李榮). 1998. *Léizhōu fāngyán cídiǎn* (雷州方言詞典). Nanjing: Jiāngsū jiàoyù chūbǎnshè (江蘇教育出版社).
- Lǐ, Róng, Yǒnghé Miào. (李榮, 繆詠禾). 2002. *Xiàmén fāngyán cídiǎn* (廈門方言詞典). Nanjing: Jiāngsū jiàoyù chūbǎnshè (江蘇教育出版社).
- Lǐ, Rúlóng, Yùzhāng Liàng. (李如龍, 梁玉璋). 1994. *Fúzhōu fāngyán cídiǎn* (福州方言詞典). Fuzhou: Fúzhōu rénmin chūbǎnshè (福州人民出版社).
- Lǐ, Rúlóng (李如龍). 2002. Lùn mǐnyǔ yǔ wúyǔ kègànyǔde guānxi (論閩語與吳語、客贛語的關係). In: *Mǐnyǔ yánjiū jíqí yǔ zhōubiān fāngyán de guānxi* (閩語研究及其與周邊方言的關係). Xianggang: Xiānggǎng zhōngwén dàxué (香港中文大學): 27–44.
- Lín, Liántōng, Zhāngtài Chén (林連通, 陳章太). 1989. *Yǒngchūn fāngyánzhì* (永春方言志). Beijing: Yǔwén chūbǎnshè (語文出版社).
- Lín, Hánshēng (林寒生). 2002. *Mǐn dōngfāng fāngyán cíhuì yǔfǎ yánjiū* (閩東方言詞匯語法研究). Kunming: Yúnnán dàxué chūbǎnshè (雲南大學出版社).
- Lin, Tiansong, Ying Fan. 2010. A Lexicostatistic Classification on the Min Dialects. *Linguistic Sciences* 9(6): 661–669.
- Liú Zǔbì, Hè Wèi (劉祖陛, 賀魏). 1998. *Fújiànshěngzhì fāngyánzhì* (福建省志方言志). Beijing: Fāngzhì chūbǎnshè (方志出版社).
- Macklay, Robert Samuel, Caleb Cook Baldwin. 1898. *An alphabetic dictionary in the Foochow dialect*. Foochow: Methodist episcopal mission press.
- Milburn, Olivia. 2010. *The Glory of Yue: An Annotated Translation of the Yuejue Shu*. Leiden: Brill.
- Méi, Zǔlín (梅祖麟). 1999. Jǐge Táiwān mǐnnánhuà chángyòng xūcí de láiyuán (幾個台灣閩南話常用虛詞的來源). In: Ting, Pang-Hsin (ed.). *Contemporary Studies on the Min dialects. Journal of Chinese Linguistics Monograph series* 14: 1–41. Berkeley: University of California.
- Nakajima, Motoki. 1979. *A comparative lexicon of Fukien dialects* (福建漢語方言基礎語彙集). Tokyo: Tōkyō Gaikōkugo Daigaku Ajia · Afurika gengo bunka kenkyūjo.
- Norman, Jerry. 1969. *The Kienyang dialect of Fukkien*. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy in Oriental languages. Berkeley: Berkeley University of California.
- Norman, Jerry. 1983. Some ancient Chinese dialect words in the Min dialects. *Fangyan* 3: 202–211.
- Norman, Jerry, Tsu-lin Mei. 1976. The Austroasiatics in ancient South China: Some lexical evidence. *Monumenta Serica* 32: 274–301.
- Norman, Jerry. 1979. The verb 治 — a note on min etymology (閩語里的“治”字). *Fangyan* 3: 179–181.
- Norman, Jerry. 1991. The Mǐn Dialects in Historical Perspective. *Journal of Chinese Linguistics* 3: 323–358.
- Ngai, Sing-sing. 2015. On the origin of special numerals for 'one' in south-eastern China: [kei²¹³] in the northwestern Mǐn dialects of Shaowu. In: Hilary M. Chappell (ed.). *Diversity in Sinitic Languages*: 190–225. Oxford University Press.
- Qian, Sima. 1996. *Istoricheskije zapiski (Shi ji)*. Vol. IX. Translated from Chinese by R. V. Vyatkin. Moskva: Vostochnaja literatura RAN.
- Schuessler, Axel. 2007. *ABC etymological dictionary of Old Chinese*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Shorto, Harry L. 2006. *A Mon-Khmer Comparative Dictionary*. Canberra: Pacific Linguistics.
- Starostin, George. 2013. K probleme dvux sobak v klassicheskom kitajskom jazyke: canis comestibilis vs. canis venaticus? In: N. P. Grintser et al. (eds.). *Institutionis Conditore: Ilje Sergeevichu Smirnovu. Orientalia et Classica*, Vol. L: 253–267. Moskva: RSUH Publishers.
- Starostin, George. 2016. From wordlists to proto-wordlists: reconstruction as «optimal selection». *Faits de langues* 47/1: 177–200.
- Starostin, George. 2019. Chinese basic lexicon from a diachronic perspective: implications for lexicostatistics and glottochronology. *Journal of Language Relationship* 17/1–2: 153–176.
- Starostin, Sergei A. 1989. *Rekonstruktsiia drevnekitajskoi fonologicheskoi sistemy [Reconstruction of the Old Chinese phonological system]*. Moskva: Nauka.
- TMCC = Ministry of Education R.O.C. (ed.). *Taiwan minnanyu changyongci cidian* (台灣閩南語常用詞辭典). Available on-line at: https://twblg.dict.edu.tw/holodict_new/default.jsp.
- Tryon, Darrell T. 1995. *Comparative Austronesian Dictionary: an introduction to Austronesian studies*. Berlin: Mouton de Gruyter.

- Wèi, Xiùmíng (魏岫明). 1995. Lùn fúzhōu fāngyán de fǒudìngcí jí zhèngfǎn wènjù (論福州方言的否定詞及正反問句). *Táidà zhōngwén wénxué bào* (臺大中文學報) 7: 253–280.
- Yún, Wéilì (雲惟利). 1987. *Hǎinán fāngyán* (海南方言). Xianggang: Àomén dōngyà dàxué (澳門東亞大學).
- Zheng, Zhijun. 2016. *The Subgrouping of the Min Dialects*. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Hong Kong: City University of Hong Kong.
- Zhōu, Chángjí (周長楫). 2006. *Mǐnnán fāngyán dàcídiǎn* (閩南方言大詞典). Fuzhou: Fúzhōu rénmin chūbǎnshè (福州人民出版社).

Marina Lorentz. Analysis of Min basic lexicon and reconstruction of the Swadesh wordlist for Proto-Min

The paper's main goal is to reconstruct a Swadesh wordlist for Proto-Min, taking into account basic lexicon from more than 30 dialects pertaining to that group of Sinitic dialects. This requires etymological analysis of the main lexemes that are relevant for such a reconstruction, with particular emphasis placed on ambivalent cases and lexical replacements that took place in Proto-Min compared to Classical and Late Old Chinese stages of the literary language. General analysis of the data allows to distinguish between several lexical layers which may be related to different waves of ethnic migrations, and shows that it is impossible to derive even the inherited Sinitic basic lexicon of Proto-Min in its entirety neither from Late Old Chinese, nor from Classical Chinese.

Keywords: dialectology; Old Chinese language; Middle Chinese language; Min dialects; lexicostatistics; basic lexicon.